

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ШЛОМО ЗАНД

Кто и как изобрел
**ЕВРЕЙСКИЙ
НАРОД**



Шломо Занд Кто и как изобрел еврейский народ

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183531

Кто и как изобрел еврейский народ / Шломо Занд ; [пер. с ивр.

М. Урицкого]. : Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-39598-9

Аннотация

В своей книге, за несколько месяцев ставшей мировым бестселлером, профессор Тель-Авивского университета Шломо Занд смело ломает статус-кво еврейской национальной историографии, ставя вопрос о существовании «вечного» еврейского народа. Опираясь на многочисленные труды еврейских и нееврейских историков XIX–XX веков, он убедительно показывает, что этот народ состоит из потомков прозелитов из Африки, Европы и России, объединенных общей мифологией.

Читатель-скептик, прочитавший увлекательную книгу, сможет облегченно вздохнуть – законы истории не делают для евреев никаких исключений.

Содержание

Предисловие редактора русского издания	4
Предисловие автора	21
Выражения признательности	36
Расчищая завалы памяти: контуры альтернативной историографии	39
Введение	39
I. Метаморфозы самоопределения	42
II. Пересаженная память	76
Создавая нации: масса как суверен и равенство как фикция	102
I. «Лексикон» – народ и этнос	106
II. Нация – определение термина и его границы	124
III. От идеологии к идентичности	146
IV. От этнической мифологии к воображаемому гражданскому сообществу	162
V. Интеллектуал как «государь» нации	186
«Мифоистория»: вначале Бог сотворил нацию	210
I. Первые этапы становления иудейской концепции времени	215
Конец ознакомительного фрагмента.	232

Шломо Занд

Кто и как изобрел еврейский народ

Предисловие редактора русского издания

Появление в 2008 году книги выдающегося тель-авивского историка, профессора Шломо Занда стало чрезвычайным событием. Оно в буквальном смысле слова спасло исследователей еврейской истории, болезненно переживавших нынешнее катастрофическое состояние этой научной дисциплины. Если бы не она, кому-то из них (на худой конец, даже мне) пришлось бы на годы забросить все остальные дела и написать ее самому. Однако постфактум совершенно ясно, что у любого из них (включая, разумеется, и меня) это вышло бы гораздо хуже (ниже я объясню почему), поэтому примерно полгода (с марта по октябрь 2009 года), ушедшие у меня на работу над ее русским изданием, – не только период чистой научной радости, но и истинная экономия сил и средств. Призна-

юсь, никогда прежде я не получал столько удовольствия, работая на других. Быть может, только теперь мне стало по-настоящему ясно, какую радость может доставлять бескорыстное служение серьезному делу – или, в сущности, альтруизм.

В более специальном эссе я сразу взял бы быка за рога и приступил к обсуждению печального состояния еврейской историографии. Но предисловию к этой важной книге резоннее начинаться с чего-то гораздо более фундаментального. Например, с такого вполне оправданного сравнения.

Представьте себе, что все без исключения (а их немало) современные учебники по истории Греции начинаются с оригинального рассказа о Девкалионе и Пирре. Оказывается,¹ когда Зевс разгневался на людей за многочисленные грехи, он послал на землю потоп, всех их истребивший. Уцелели только Девкалион, сын титана Прометея, и его жена Пирра,² построившие большой деревянный ящик и спрятавшиеся в нем. Когда воды стали спадать, ящик прибило к вершине горы Парнас. Девкалион и Пирра вышли на сушу, принесли жертву Зевсу и начали новую жизнь.

¹ Библия, как известно, не сочла необходимым упомянуть имя жены Ноя.

² Библия, как известно, не сочла необходимым упомянуть имя жены Ноя.

Дабы земля снова заселилась людьми, Зевс приказал супругам набрать камней и бросать их назад, через голову. Камни, брошенные Девкалионом, превратились в мужчин, камни, брошенные Пиррой, – в женщин. Так появилось новое человечество, причем поколение людей, выросших из камней, оказалось лучше предыдущего.

Из этой истории без труда выводится мощный тезис о первичности греческого языка (заимствованного у уцелевшей супружеской пары), а также греческой культуры, которой человечество с древности обязано решительно всем – от философии и математики до изобразительных искусств.

Ученые признают несколько мифологический характер этого нарратива, однако на разные лады доказывают, что он основывается на реальных событиях, происшедших, вероятно, в третьем тысячелетии до нашей эры.

Затем они излагают значимые каждая по себе истории Персея, Сизифа и Пелопса и похождения Тесея (отражающие объективные политические, экономические и культурные явления, имевшие место не только в Греции, но и во всем Восточном Средиземноморье), относя их к началу и середине второго тысячелетия до н. э., и переходят к трагической эпопее Кадма и подвигам Геракла, являющимся уже совершенно

историческими. Без Кадма не было бы Беотии и славных Фив, их расцвета и падения; без Тесея – великой афинской цивилизации; Геракл (при рождении названный Алкидом, потомок Персея и соответственно самого Зевса) – строитель великих пелопонесских городов-государств постахейского периода, создатель Дорийской империи, праматери классической Греции. Особое внимание уделяют ученые судьбе бессмертной головы лернейской гидры, смертельному ранению Хирона, победе Геракла над богом смерти Танатом, учреждению им Олимпийских игр и, разумеется, чистке Авгиевых конюшен – великому историческому предназначению Греции.

После этого (чаще всего минуя трагическую фиванскую междоусобицу, которую предпочтительно изучать в рамках курса греческой литературы, благо драматурги Софокл и Еврипид, а позднее эллинистический мыслитель Фрейд, разобрали ее во всех подробностях³) историки переходят к Троянской войне, величайшему историческому событию XIII (иногда начала XII) века до н. э. Здесь наконец появляются и идут в ход археологические, экологические и всевозможные мультидисциплинарные данные; впрочем, по ходу дела всплывают и проясняются такие принципиальные вопросы, как причины и характер поддержки олимпий-

³ Эдип и Антигона, как известно, живы и поныне.

скими (и иными) богами воюющих сторон: отчего, например, Посейдон так настойчиво помогал ахейцам, ненавидя при этом Одиссея, а Аполлон, сильно обиженный в свое время троянцами, продолжал сражаться на их стороне; отчего поддержки Зевса, явно симпатизировавшего троянцам, все-таки оказалось недостаточно, чтобы спасти город. Другой часто разбираемый вопрос: от чего, собственно, умер Ахилл, раненый стрелой всего лишь в сухожилие? Едва ли стрела была отравлена; впрочем, повреждение богами сухожилий ноги – популярный древний сюжет, также попавший в Библию.

Так или иначе мы узнаем, что эллинская цивилизация еще в древнейшие времена, во втором тысячелетии до н. э., возобладала во всем Средиземноморье, так что ей оставалось только дожидаться наступления VII (иногда VI) века, чтобы породить всю современную культуру Запада и IV века, чтобы завоевать мир, остающийся греческим по сей день.

Мало того, пишут ученые, на греческих древностях построена вся философия нового и новейшего времени. Так, например, Кьеркегор, начитавшийся на рубеже XIX и XX веков древних трагиков (впрочем, почти наверняка одного лишь Еврипида), подробно разобрал рассказ о несостоявшемся жертвоприношении Ифигении (вместо Ифигении в жертву Артеми-

де была, как известно, принесена лань, а не домашнее животное – козел или баран) и создал на его базе последовательную экзистенциальную философию, попутно убедительно объяснив, почему другие сходные рассказы (например, сухой, заимствованный у греков и явно внеисторический библейский миф о жертвоприношении Исаака) не могли бы ее породить.

Смешно, не правда ли? Увы, нет, ибо именно так преподается в Израиле (и во всем еврейском культурном мире, да и в кое-каких других мирах) древнееврейская история; именно так она представлена в монументальных еврейских историографических трудах. Библейские мифы по сей день выдаются за реальные исторические события, чудеса объясняются и интерпретируются, а повести о библейских царях, большей частью столь же исторических, как Тесей или Геракл, объявляются абсолютно достоверными хрониками. Знаменитые историки Грец и Дубнов почти дословно воспроизводят в своих сочинениях диалоги из книги Бытия; ни на миллиметр не ушли от них и израильские историографы. Главное, сама структура, архитектура еврейской истории напрямую привязывается к мифам.

Это, как ни странно, еще не самое худшее. Настоящая беда, как мы сейчас убедимся, состоит в том, что этот «исторический метод» переносится и на более

поздние времена. Еврейское прошлое, построенное на мифах, естественно, порождает мифологическое настоящее и, как и следовало ожидать, новые современные мифы – например, миф о вечном и внеисторическом еврейском народе-расе.

Такой подход не является монополией еврейских патриотических авторов или одних только израильтян, нередко пытающихся, систематически фальсифицируя прошлое, оправдать и обосновать все то, что требует оправдания и обоснования в последовательной внутренней и внешней политике израильского государства. Единым фронтом с ними выступают американские и европейские христианские (почти исключительно протестантские) ученые и писатели, религиозная вера которых, увы, не выдерживает столкновения с действительностью – исторической и теологической. Став фанатическими потребителями мифологической истории, они уже целое столетие подряд организовывают, финансируют и проводят в Палестине (а затем в Израиле и Иордании) археологические изыскания с единственной целью – найти буквальные «научные» подтверждения библейских рассказов. Впрочем, христианские партнеры, невзирая на многочисленные заслуги, остаются в израильском культурном пространстве чужими. Здесь хватает своих щедро финансируемых любителей мифов, древних и новых –

и в науке, и в политике. При этом всякая попытка отнестись к этим мифам критически или недостаточно патриотически приравнивается в Израиле к ереси – с достаточно неприятными последствиями.

Разумеется, история – это лишь одна сторона мифологической медали. Любое исследование прошлого совершается сегодняшними людьми в интересах современности; в Израиле это верно вдвойне и втройне. Если о Библии здесь разрешается хотя бы рассуждать (впрочем, горе тому, кто воспримет это право чересчур буквально), то плоский мифологический рассказ о судьбе евреев в Средние века считается единственно допустимым – его критическое рассмотрение равносильно осквернению святыни. Евреи, столетиями жившие вне Палестины, были объявлены неделимой и несмешивающейся уникальной расой (увы, именно расой), чистой как слеза, гениальной и безгрешной, на которую не распространяются исторические законы, которая превосходит все остальные человеческие коллективы (хотя бы своей способностью противостоять истории, да и по многим другим параметрам), расой гонимых изгнанников, оставшейся нечувствительной к двухтысячелетним соблазнам всех родов, культурным и материальным, изгнанной в древности со своей земли и прожившей целую вечность в изгнании, сидевшей там на чемоданах, пока

наконец не наступил установленный заранее момент возвращения и обретения древних мистических прав.

Любое несогласие с этой теорией объявлено антиизраильским и антисемитским. Увы, ее очевидная фактическая бредовость мало что меняет – по различным причинам подавляющее большинство израильтян и почти все евреи вне Израиля полагают, что адаптация этих мифов – вопрос жизни и смерти для всего еврейского народа. Поэтому на службу им поставлены все наличные идеологические средства: система образования, культура и литература и, к сожалению, наука. Прежде всего, историческая наука.

Настоящая научная история Израиля находится в Израиле под фактическим запретом! Этот запрет не герметичен (факт, книга профессора Занда вышла в свет, правда, без поддержки академических или иных институтов; есть еще пара обнадеживающих примеров), что не мешает ему быть тотальным. Историков-оппозиционеров здесь не арестовывают – их душат. В подавляющем числе случаев в Израиле преподается и изучается профанация, по сравнению с которой бесконечно исправляемая советская «История КПСС» – вершина научной достоверности; кое-где, в узком кругу, для посвященных, находят себе выход смягченные версии этой профанации – своего рода «мифология с человеческим лицом». Эта поразительная

тельно успешная научная цензура оказала огромное влияние на восприятие и преподавание еврейской истории в нееврейском мире, прежде всего на Западе; в подавляющем большинстве случаев они «выстраиваются» вдоль установленных в Израиле «силовых линий». Санкции против непокорных (прежде всего отлучение от академии, государственной поддержки и системы образования, а также шельмование в прессе) я уже упоминал.

Поэтому для еврейской и израильской культуры нет задачи более насущной, чем освобождение от мобилизованной националистическими идеологами исторической мифологии, не позволяющей взглянуть в лицо подлинному еврейскому прошлому. Между тем это настоящее лицо интересно и привлекательно, уж точно заслуживает рассмотрения, беда только – нисколько не похоже на прилипшую к нему маску.

Признаюсь, мне в течение многих лет очень хотелось написать срывающее эту маску «Введение в историю Израиля». К счастью, профессор Занд не только опередил возможных конкурентов, но и пошел иным путем, гораздо более дельным, проложив для будущих исследователей и писателей принципиально новую методологическую дорогу. Он написал книгу, которую следовало бы назвать «Введение в израильскую историографию», если бы она не называлась

иначе, еще яснее: «Когда и как был изобретен еврейский народ»; впрочем, ей и сейчас не поздно дать этот подзаголовок.

Профессор Занд, видимо, первым обратил внимание на то важнейшее обстоятельство, что мифологическим туманом окутаны не только история Древнего Израиля да еврейское и иудейское Средневековье. Что куда серьезнее, сама фантастическая концепция единого еврейского народа, прошедшего невредимым через тысячелетия государственности и диаспоры, – совсем недавнее изобретение. Еще двести лет назад мало кто понял бы, о чем идет речь; изобретатель «еврейской расы» вполне мог быть поднят на смех. Оригинальная идея подменить религиозный коллектив, состоящий из весьма разнородных субэтносов, вечной нацией-расой, сохраняющей вечное биологическое единство, не только нова – она несет яркий отпечаток политических теорий Нового времени. Еще в XVII–XVIII веках общеизвестные факты о разнородных еврейских религиозных и языковых коллективах никого не смущали. Идея «вечного народа вне истории» была изобретена лишь тогда, когда пошло в тираж завидное понятие нации, разумеется по политическим соображениям, актуальным и сегодня.

Огромную, едва ли не основную роль в этой фаль-

сификации (если угодно, фабрикации) сыграла еврейская историография, в каком-то смысле заместившая умирающую иудейскую религию, в предыдущие столетия успешно выполнявшую свою организующую и цементирующую роль. Именно с историографией – а не с вымышленной историей, как я наивно полагал, – необходимо было свести счеты, прежде чем браться за выяснение отношений между древней восточной мифологией и израильским прошлым. Еврейские историографы не просто переписали историю, взяв Библию в правую руку, а расовый миф – в левую; они постепенно, шаг за шагом стирали в коллективной памяти элементы реальности, современной и исторической, бывшие ранее ее естественным достоянием.

Разумеется, важно, просто необходимо раз и навсегда ясно продемонстрировать, что израильская политическая история, начавшаяся в сколько-то централизованной форме в IX веке до н. э., искусственно растянута до XIII–XIV столетий, а то и дальше – к мифологическим (или просто мифическим?) праотцам, что исход Израиля из Египта – миф, завоевание Ханаана Иисусом Навином – даже не миф, а этиологический вымысел, что полностью вымышлены израильская культура, письменность и даже древнееврейский язык древнейшего периода, не говоря уже о «великих

империях» Давида и Соломона. Однако куда важнее объяснить гораздо более простые вещи, частью общеизвестные всего 60–70 лет назад, а ныне обсуждаемые лишь в подполье: начиная с II века до н. э. иудеи активнейшим образом занимались прозелитизмом на огромном около-средиземноморском эллинистическом пространстве, не брезгуя и насильственным обращением в иудаизм завоеванных Хасмонеями племен, римляне не изгоняли евреев из Иудеи ни после разрушения Иерусалима в 70 году н. э. (иначе кто восстал бы против них в середине II века?), ни после восстания Бар-Кохбы (иначе откуда взялся бы еврейский экономический и культурный расцвет III века, века Мишны?) – они их вообще не изгоняли; мало того, демографический и экономический пик палестинской еврейской истории приходится на V–VI века н. э., то есть на период византийского владычества. Великое изгнание евреев из Иудеи было выдуманно от начала до конца, причем относительно недавно. Грандиозное историческое разоблачение? Увы, нет. Ведь широко издаваемое еще в 50-х годах прошлого века израильское хрестоматийное сочинение «Израиль в изгнании» (автор – министр просвещения Израиля Бенцион Динур) начинало историю диаспоры... с VII века, то есть с арабского завоевания. Где теперь это сочинение? Нет, не разоблачение, но, несомнен-

но, мужественное признание.

Никогда и ни для кого не было особым секретом, что основная часть знаменитого испанского еврейства, отчасти принявшего христианство, отчасти изгнанного с Иберийского полуострова в конце XV века, происходила от перешедших в иудаизм североафриканских берберских племен, что восточноевропейские еврейские общины, состоявшие поначалу почти целиком из прозелитов, образовались в результате иудейской эмиграции с юга и с востока, а не из Западной Европы, наконец, что нынешняя йеменская еврейская община возникла на руинах древнего южно-аравийского иудейского государства Химьяр, также созданного прозелитами и уничтоженного еще в домусульманские времена. К слову сказать, арабские корни йеменских евреев были настолько несомненны, что сионистские классики долго колебались, следует ли поощрять иммиграцию этих «нечистокровных» евреев в Палестину. Теорию наличия иудейских корней у многих (если не у большинства) современных палестинских арабов отстаивали не кто иные, как создатель еврейского государства Давид Бен-Гурион и второй президент Израиля Ицхак Бен-Цви – они даже написали об этом в своей совместной классической (де-факто запрещенной к цитированию) книге. Такого рода разоблачениям нет конца. К счастью, те-

перь им положено крепкое начало.

Еврейская история бесконечно интересна сама по себе. Идеологические фальсификаторы оказывают медвежью услугу всем тем, кому она важна и интересна, – евреям и неевреям. Еврейская историография, рабски следующая националистическому идеологическому заказу, порождает прежде всего фатальную безграмотность.

Я беседовал не так давно с крупным израильским ученым, раввином по совместительству, убежденно доказывавшим, что мифологическая версия еврейской истории, вылепленная воинствующими еврейскими националистами в последние два столетия (добро бы еще старая талмудическая мифология!), – чистейшая правда. Спорить с ним по существу вопроса не имело смысла, ибо в ходе обмена мнениями он договорился до принципиальной эмпирической непознаваемости прошлого и прочей квазифилософской (любопытно, но в другой раз: почему-то именно оппонентов современной израильской мифологии, а не их защитников принято записывать в деконструктивисты) ерунды. Я не без тоски спросил: «Скажите, а вам, раввину, совсем не любопытно, что происходило в древнем Израиле на самом деле? Вы отлично знаете, что канонический нарратив действительности не соответствует. Но ведь какая-то история все же бы-

ла!» И не поверил услышанному в ответ: «А вы действительно можете рассказать, что там было на самом деле?»

«Весь ужас в том, – с тоской ответил я, – что могу. Но вы готовы слушать?»

Профессор Занд легко и изящно сбросил идеологическую маску с еврейской историографии и отправил классические монументальные труды по истории Израиля туда, где уже давно пребывают средневековые опусы по физике, химии и астрономии, – в архивы, представляющие интерес исключительно для историков науки. На опустевшей книжной полке появилось немало места; первой там встанет его собственная книга, которой суждено большое будущее. Будущая научная историография Израиля не просто начнется с нее, но станет ее прямым развитием и продолжением. Профессор Занд совершил интеллектуальный подвиг, продемонстрировав как специалистам, так и широкому читателю научную панораму еврейского прошлого, разумеется, в довольно общей, пока не слишком детализированной форме. Тем не менее можно смело утверждать, что он положил начало новой историографии Израиля и разработал для нее новую исследовательскую методологию. Теперь очередь за историками и историей. Поначалу – за самой древней.

На закуску не могу не съязвить: после выхода этой

книги, уже ставшей мировым бестселлером на английском и французском языках и выходящей сейчас по-русски, скучно на кафедрах израильской истории⁴ – а таких кафедр в мире сотни – не будет. Впрочем, миллионы людей, которым она (история!) небезразлична, от этого только выиграют.

Александр Этерман

⁴ Отмечу, что греческое слово «история» (iаxорiа) означает, как ни странно, не науку о прошлом, а науку вообще – «расследование, узнавание, установление». Иными словами, оно обозначало изначально любое эмпирическое исследование; именно поэтому Плиний Старший мог, никого не удивив, назвать свою научную энциклопедию «Естественной историей». И вот страшно подумать, что мы сделали с этим благородным понятием.

Предисловие автора

Я по-настоящему рад тому, что моя книга выходит теперь на русском языке. Для меня таким образом замыкается важнейший культурный и исторический круг. Общеизвестно, что еврейская история последних полутора тысячелетий неразрывно сплетена с историей Руси и России. Связь между ними начинается задолго до наступления так называемой современной эпохи: евреи жили в Киеве гораздо раньше, чем они появились в Германии и других западноевропейских странах. Ее истоки – в раннем Средневековье, венец – в конце XIX века, когда евреи Российской империи составляли более 80 % мирового еврейства.

Принятие соседствовавшей с Русью Хазарией иудаизма как государственной религии и расселение хазарских и других иудеев на территории нынешних России, Украины, Венгрии и других государств после гибели Хазарского каганата стали важнейшими факторами, способствовавшими образованию еврейских общин Восточной Европы; в числе прочего моя книга пытается привлечь внимание к этому обстоятельству. Об этом многократно говорили в прошлом многочисленные историки, как еврейские, так и русские, однако со временем важнейшие исторические обстоятель-

ства, связанные с формированием восточноевропейского еврейства, были забыты – или, скорее, вычеркнуты из истории как нежелательные. Одной из задач моей книги было возрождение памяти о неотделимом от России еврейском прошлом. Я стремился ясно показать, что евреи, точь-в-точь как почти все человеческие коллективы, не являются цельным «этническим» народом, имеющим единое биологическое происхождение. Яркое присутствие евреев в истории было порождено динамичной религией, распространившейся по миру в древние времена и в Средневековье; их «этническое» происхождение весьма пестро и разнообразно.

Моя книга была написана на иврите. Хотя мой родной язык – идиш, иврит навсегда останется для меня языком эмоций и образов; на нем я вижу сны и, естественно, пишу. Я решился опубликовать эту книгу прежде всего в Израиле, ибо именно израильтяне являются моим первым, изначальным литературным адресом – как те из них, которые называют себя евреями, так и считающие себя арабами. Это решение объясняется просто – я живу в Израиле, в Тель-Авиве, и преподаю здесь историю.

Когда эта книга (в начале 2008 года) вышла в свет, она удостоилась, скажем так, довольно необычного приема. Электронные СМИ встретили ее с энтузиаз-

мом и большим интересом, так что я получил множество приглашений принять участие в различных теле-и радиопрограммах. Газеты также без тени смущения обсуждали эту книгу – активно, дельно и большей частью доброжелательно. С другой стороны, «лицензированные» представители корпорации историков обрушили на нее пламенный академический гнев, а для истерических авторов сионистских блогов я практически сразу стал врагом народа. Добавлю, что широкий читатель быстро сделал выбор между этими «сторонами». Выбор оказался в пользу книги, оставшейся в списке израильских бестселлеров в течение 19 недель.

Чтобы понять природу этого «противоречия», необходимо снять «сионистские очки» и открыто посмотреть в лицо израильскому обществу. Да, я живу в довольно странном мире. Как подробно объяснено в последней части книги, разозлившей столько критиков, Израиль не может быть назван демократическим государством, поскольку он официально считает себя государством всемирного «еврейского народа», а не гражданского коллектива, живущего в его признанных границах (за вычетом оккупированных территорий). Согласно духу его законов, даже сейчас, в начале XXI века, Израиль должен служить евреям, а не израильтянам, отстаивать интересы потомков выдуманного

«этнота», а не коллектива граждан, живущих в нем и говорящих на его языке. По существу, всякий, кто «родился от еврейской матери», может быть уверен, что Израиль постоянно находится у него в жилетном кармане; иными словами, удобно расположившись в Нью-Йорке или в Париже, он знает, что является одним из хозяев израильского государства, даже если отнюдь не склонен проживать под его суверенитетом. Однако тот, кто родился не от правильной «еврейской матери», но, скажем, в Яффо или Назарете, имеет все основания полагать, что государство, где он живет, при любом удобном случае выступит против него.

С другой стороны, в Израиле сформировался редкий сорт политического либерального плюрализма, правда, слегка увядающий во время войн, однако превосходно функционирующий в периоды затишья. В Израиле пока что допускается высказывание «не совсем сионистских» мнений в артистических салонах, в парламентских выборах участвуют арабские партии (если только они не поднимают критический вопрос о еврейском характере государства); кроме того, допускается самая резкая критика в адрес избранного правительства страны.

Это еще не все. Израильские элиты, особенно связанные со СМИ, в значительной степени освободились от медвежьих объятий национальной мифоло-

гии. Молодое поколение журналистов и критиков более не склонно, да и просто не в состоянии повторять коллективные этноцентрические мантры своих родителей – оно следует социальным и интеллектуальным моделям, создаваемым в Лондоне и Нью-Йорке. Глобализация оставила следы своих мощных когтей на теле израильской культуры; попутно она подорвала влияние сионистских мифов, бывших неотъемлемой частью культурного достояния «поколения основателей» Израиля. Интеллектуальное течение, названное постсионизмом, невзирая на свою маргинальность, стало заметной частью израильской академии и породило новые, прежде незнакомые представления о национальном прошлом. Израильские социологи, археологи, географы, политологи, филологи и даже кинематографисты бросили вызов базисным элементам господствующей в стране национальной исторической концепции.

Впрочем, все эти новые информационные потоки каким-то образом обошли важнейшую дисциплину, торжественно именуемую «историей народа Израиля». Совсем не случайно в израильских университетах нет единых исторических факультетов. Факультеты «общей истории» (к одному из которых я принадлежу) существуют отдельно от факультетов «истории народа Израиля». Мои самые свирепые крити-

ки пришли именно оттуда. Их главным тезисом (разумеется, помимо «ловли» незначительных неточностей) было утверждение, гласившее, что сами мои изыскания в области еврейской историографии нелегитимны, поскольку область моей «узкой исторической специализации» – Западная Европа. Стоит отметить, что этот «запрет на профессии» никогда не применялся к другим «общим историкам», занимавшимся еврейской проблематикой, если те не пересекали неписанных концептуальных и терминологических границ, установленных сионистской идеологией. Любая реконструкция израильского прошлого должна была включать в себя такие основополагающие понятия, как «еврейский народ», «страна праотцев», «изгнание», «диаспора», «возвращение», «страна Израиля», «освобождение земель» и т. д. Отказ от них приравнивался к религиозной ереси.

Все это я хорошо знал еще до того, как приступил к написанию этой книги. Я не сомневался, что буду обвинен в «невладении еврейской тематикой», непонимании исторической уникальности «народа Израиля», игнорировании его библейских корней и отрицании его «вечного и имманентного единства». Однако постоянно находиться в Тель-Авивском университете рядом с горами книг, кипами еврейских исторических документов и не раскрывать их было выше моих сил.

На мой взгляд, проигнорировать эти сокровища и отказаться принять брошенный ими вызов значило бы совершить профессиональное предательство. Разумеется, гораздо легче и веселее было бы совершать традиционные профессорские (научные!) поездки во Францию и в США, собирать там материалы, связанные с культурой Западного мира, и наслаждаться академическими удобствами и свободами. Тем не менее я счел своей обязанностью как профессионального историка, непременно участвующего в лепке коллективной памяти общества, в котором он живет, попытаться внести непосредственный вклад в эту лепку, вклад, касающийся ее наиболее болезненных сторон.

Признаюсь, дистанция между полученными мной результатами и стандартными взглядами на еврейское прошлое, принятыми в Израиле и отчасти во всем мире, потрясла не только моих читателей, но и меня самого. В школе и в университете нас учат приступать к написанию любой работы лишь тогда, как мы перестаем ее обдумывать. Иными словами, начиная писать книгу, автор должен с первой строчки точно знать, чем он ее закончит (именно так пишутся диссертации). На этот раз ни о чем подобном не могло быть и речи – меня мотало из стороны в сторону на всех этапах работы. С момента, когда я начал использовать методологические инструменты, создан-

ные в ходе концептуальной революции, осуществленной Эрнстом Геллнером, Бенедиктом Андерсоном и другими учеными, исследовавшими нацию как общественный феномен, материалы, с которыми я сталкивался, неожиданно стали яркими и понятными; они повели меня путями, на которые я даже не предполагал ступить.

Сейчас самое время сделать важное признание. В ходе работы над этой книгой я не совершил никаких фактических открытий. Практически все материалы, с которыми я столкнулся, были известны сионистским и израильским историографам (не говоря уже об иностранных) или даже описаны ими. Однако немалой части этих материалов не было уделено достаточно внимания, а все прочее быстро замели под «историографический ковер» или охотно «забыли» из-за несоответствия идеологии формировавшейся национальной памяти. Самое потрясающее: значительная часть содержащихся в этой книге данных и сегодня хорошо известна в узком профессиональном кругу; при этом «опасная» информация всегда «терялась» на полпути к коллективной памяти и системе образования. Мне оставалось, по существу, лишь организовать и упорядочить эту историческую информацию на новой основе, стереть пыль со старинных исторических свидетельств и заново обратиться к ним со ста-

рыми вопросами. Мои выводы напрямую породили радикальный нарратив, существенно отличающийся от того, который я изучал в детстве и юности.

Этот нарратив, безусловно, не является сионистским. При этом он и не антиизраильский. Несомненно, я не писал свою книгу с национальных позиций, тем не менее я не следовал и антинациональной идеологии. Я не считаю себя антисионистом уже потому, что этот термин стал в последние десятилетия ассоциироваться с позицией, решительно не признающей права государства Израиль на существование. Одновременно я отказываюсь считать себя сионистом, поскольку самое меньшее, что требуется сегодня от сиониста, – это изо всех сил стремиться сохранить Израиль в качестве государства, принадлежащего мировому еврейству, а не всем его гражданам без исключения. Мне поневоле приходится называть себя постсионистом, ибо, с одной стороны, я безоговорочно принимаю как свершившийся исторический факт важнейший результат сионистского предприятия – образование израильского общества; с другой стороны, я очень хотел бы, чтобы его территориальная экспансия и поселенческая деятельность прекратились. Более того, я надеюсь внести свой вклад в многотрудное дело искоренения его этноцентрического и антидемократического характера.

В ходе одной из поездок, связанных с распространением этой книги, меня пригласили в арабский университет Эль Кудс, находящийся неподалеку от Иерусалима, на оккупированной Израилем в 1967 году территории. В ходе бурной дискуссии, сопровождавшей мое выступление, меня спросили: как могу я теперь, после выхода книги, разбивающей все мифы, изобретенные для оправдания сионистской колонизации, продолжать жить в Израиле и даже требовать от палестинцев признать это государство? Мне стало не по себе, и я ответил совершенно спонтанно, что даже ребенок, родившийся в результате изнасилования, имеет право на жизнь. Невозможно исправить одну трагедию, породив другую. Нам остается только объяснить ребенку, при каких обстоятельствах он появился на свет, и постараться сделать так, чтобы он не пошел по стопам отца. Величайшая проблема, связанная с ближневосточным конфликтом, состоит в том, что дети здесь нередко продолжают линию своих родителей, так что необходимый и неизбежный исторический компромисс раз за разом выскальзывает из наших рук.

Когда моя книга вышла на французском, а затем и на английском языке, мне пришлось отправиться в новые изнурительные путешествия. Чтобы помочь ее распространителям, я выступил во многих француз-

ских, английских и американских городах. Слушатели задавали мне поразительные, увлекательные и временами очень непростые вопросы. Два вопроса постоянно повторялись: «Верно ли, что я отрицаю существование еврейского народа?» и «Если еврейство, по моему мнению, лишь религиозная общность, то как вообще могут существовать секулярные евреи?» Я старался ответить на них как можно лучше, однако, разумеется, не мог удовлетворить всех слушателей сразу. Поэтому я воспользуюсь этой возможностью для того, чтобы дать краткий и ясный ответ на поднятые важнейшие вопросы.

Евреи, на мой взгляд, не являются народом, поскольку в своем современном значении слово «народ» относится к человеческому коллективу, проживающему на конкретной территории, где развивается общая для всего этого коллектива живая повседневная культура – от языка до жизненных обычаев и привычек. Поэтому мы называем сегодня народами французов, итальянцев, вьетнамцев или русских, но не можем говорить о еврейском или христианском народе, несмотря на огромное значение соответствующих религиозных традиций. Те, кто ошибочно настаивают на использовании термина «еврейский народ», полагая, что наделяют его таким образом правами на «древнюю родину», на самом деле фактически отри-

цают реальное существование израильского (или даже еврейско-израильского) народа. Может показаться странным, однако сионистский колониционный проект создал на Ближнем Востоке два новых народа: палестинский и израильский. В результате долгого и трудного процесса сионизм неохотно и нерешительно признал существование первого. Существование второго он продолжает отрицать, присоединяясь таким парадоксальным образом к арабским националистам, оспаривающим право израильтян на место под солнцем в ближневосточном регионе.

С другой стороны, допустим на минуту, что евреи – всего лишь религиозный коллектив. Следует ли из этого, что нет и не может быть нерелигиозных евреев? Хотя, на мой взгляд, никогда не существовала и, увы, не существует всемирная секулярная культура «еврейского народа», я полагаю, что не следует отвергать субъективную самоидентификацию человека, даже если у нее нет серьезного антропологического основания – языкового или иного. Было бы дико сегодня, после Гитлера, лишать людей возможности идентифицировать себя как евреев. Не следует препятствовать и проявлениям еврейской солидарности, впрочем, неважно зарекомендовавшей себя в ходе двух мировых войн, а сегодня выражающейся в основном в слепой и безоговорочной поддержке

израильского милитаризма. Существует множество идентичностей – бахайская идентичность, феминистская идентичность, идентичность болельщиков московского «Спартака»; существует, несомненно, солидарность женщин, над которыми издеваются мужья. Ровно в той же степени существует секулярная еврейская идентичность, возникшая вследствие сугубо секулярных ударов, нанесенных евреям в XX столетии. Те, кто хотят определять себя как евреев, имеют на то полное право. Я прекрасно понимаю Илью Эренбурга, сказавшего в свое время, что до тех пор, пока в мире остается хотя бы один антисемит, он будет продолжать считать себя евреем⁵.

Вместе с тем и в моральном, и в политическом плане я с негодованием и отвращением отвергаю идентичность, стремящуюся любой ценой изолироваться от всех «чужаков», то есть от «неевреев», так же как и идентичность, однозначно устанавливающую, кто еврей, а кто нет, и отказывающуюся признать право каж-

⁵ Это знаменитое высказывание Эренбурга сохранилось самое меньшее в двух версиях. Первая приведена в его собрании сочинений: «Покуда на свете будет существовать хотя бы один антисемит, я буду с гордостью отвечать на вопрос о национальности – „еврей“» (*Эренбург И.* Собр. соч. в 8 т. – М., 1996. – Т. 6. – С. 313). Другая, чуть отличная, сохранилась в журнальной публикации: «И покуда на свете будет существовать хотя бы один антисемит, я буду всегда, помня о человеческом достоинстве, на вопрос о национальности отвечать: „Я – еврей“».

дого человека самостоятельно решать, кто он такой. А когда речь идет о самом Израиле, я в еще большей степени отвергаю «еврейскую солидарность», упрямо отделяющую евреев от так называемых меньшинств и дискриминирующую их, отнимающую землю у находящихся под оккупацией людей во имя выдуманного прошлого.

Сегодняшние еврейские расизм и изоляционизм, к сожалению, порождены не только былыми гонениями и историческими катастрофами; они черпают немалую силу в еврейской мифологии и в долгосрочной этноцентрической историографии, которые по сей день продолжают формировать еврейскую коллективную память. К огромному сожалению, лишь очень немногие из моих коллег, израильских преподавателей истории, считают себя обязанными взять на себя «опасную» педагогическую миссию вскрытия официально оформленной, согласованной исторической лжи. Я не смог бы продолжать жить в Израиле, не взявшись за эту работу, в частности не написав эту книгу.

Я не питаю особых иллюзий и не думаю, что книги автоматически изменяют мир вокруг нас. Тем не менее я считаю, что в переломные моменты, когда мир начинает меняться, он активно ищет новые, другие книги. Я всерьез (быть может, наивно) надеюсь, что мое сочинение окажется одной из них.

Шломо Занд, Тель-Авив

Выражения признательности

Моим дочерям Эдит и Лиаль и всем их ровесникам, жаждущим равенства

Я выражаю глубокую признательность своим коллегам, ученикам и друзьям, помогавшим мне на разных этапах написания этой книги. Я благодарю Йонатана Альшеха, Яара Амира, доктора Ницу Арэль, Йоси Барнеа, доктора Амиру Гельблум, Ноу Гринберг, профессора Исраэля Гершони, доктора Яэль Даган, Айка Дотмана, доктора Рана Хакоэна, профессора Пола Векслера, доктора Амнона Юваля, Юваля Лира, доктора Гилу Михаэль, Омера Серджи, профессора Нафтали Каминского, Дана Цахора, профессора Зеэва Рубина, профессора Ури Рама, и в особенности Ставит Синай, которые первыми ознакомились с главами моей рукописи. Их бесценные советы внесли огромный вклад в ее улучшение.

Последние главы книги были написаны в период моего пребывания в университете Экс-ан-Прованс на юге Франции. Я хотел бы поблагодарить профессора Бернарда Козина, заместителя президента университета, за оказанный мне теплый и радушный прием. Особое спасибо доктору Кателю Бертело и всем ис-

следователям и друзьям из Института изучения средиземноморских культур, проявившим свою искреннюю заинтересованность и сделавшим немало ценных замечаний. Диалог с ними разъяснил мне множество явлений, с которыми я до того даже не сталкивался.

Многие друзья подталкивали меня продолжать работу и поддерживали в минуты сомнений и колебаний. Я чрезвычайно благодарен доктору Шмуэлю Амиру, Мишелю Бейлису, Ходу Беналал, Жан-Луку Гавару, Рони и Дану Дарину, Арану Леву, Ярдене Либовской, Элияху Мецу, Боазу Эвруну, доктору Леване Франк, и в особенности доктору Басалу Натше. Каждый из них на свой лад помогал мне найти силы двигаться дальше всякий раз, когда я приходил в отчаяние от своего предыдущего шага.

Я очень благодарен Техиле и Амихаю Исраэли. Именно в ходе моего пребывания у них в гостях в Рош-Пине эта книга получила свое название. Я благодарю сотрудников издательства «Реслинг», усилиями которых книга вышла в свет – особенно доктора Ицхака Беньямини и Идана Цивони. Кроме того, я бесконечно обязан своей жене Варде за безграничное терпение и поддержку с ее стороны. Эта книга посвящена нашим дочерям Эдит и Лиаль в надежде, что она хотя бы немного улучшит их шансы на счастливое буду-

щее в Израиле.

Само собой разумеется, что все, кто прямо или косвенно способствовал написанию этой книги, не несут ответственности за высказанные в ней мнения и, тем более, за неточности, возможно, вкравшиеся в нее. Поскольку ни одно учреждение и ни один фонд никоим образом не финансировали ее издание, я чувствовал себя совершенно свободным при ее написании. Едва ли я когда-либо ранее так явственно ощущал вкус свободы.

Расчищая завалы памяти: контуры альтернативной историографии

Введение

Нация <...> – это группа людей, объединенная общим заблуждением относительно своего происхождения и коллективной враждебностью по отношению к своим соседям.

Карл Дойч. Национализм и его альтернативы (1969)

Я не думаю, что смог бы написать эту или сходную книгу о национализме, не будучи способным при помощи некоторого количества алкоголя пустить слезу, слушая народные песни...

Эрнст Геллнер. Ответ критикам (1996)

Книга, которую вы держите в руках, является историческим исследованием, а не художественным вымыслом. Тем не менее ее вводная часть состоит из нескольких историй, основанных на личных воспоминаниях.

нениях, в немалой степени разбавленных свободной игрой воображения. Как известно, за кулисами исследовательской деятельности нередко скрываются субъективные ощущения. Во многих исследованиях эти ощущения запрятаны в толще сложных теоретических построений. Здесь же некоторые из них сознательно приводятся уже в самом начале повествования. Они служат отправной точкой предпринятого автором похода в «мир истины» – предпринятого, невзирая на четкое осознание того, что войти в этот мир ему не будет дано.

Точность воспроизведения деталей описываемых ниже встреч и знакомств довольно сомнительна. Ввиду того что безоговорочно полагаться на человеческую память невозможно, до тех пор пока события во всех подробностях не запечатлены на бумаге, любые воспоминания о них могут считаться отчасти вымыслом. Вопрос о связи, быть может немного удручающей, между пересказанными историями и основными тезисами данной книги будет уяснен читателями в ходе ее прочтения. Эти истории имеют несколько иронический, а то и просто печальный привкус. Однако и ирония, и печаль продолжают звучать эхом и в заключительной части книги. Быть может, они станут подходящим обрамлением для критического сочинения, ставящего своей целью выявить исторические корни

и практические аспекты осуществляемой в Израиле политики формирования идентичности.

I. Метаморфозы самоопределения

История первая: два деда-эмигранта

Его звали Шолек. Позднее, в Израиле, его назвали Шаулем. Он родился в 1910 году в польском городе Лодзь. Вскоре после окончания Первой мировой войны его отец скончался во время эпидемии испанского гриппа. Матери пришлось пойти работать за нищенскую зарплату на одну из ткацких фабрик, построенных в окрестностях города. Вследствие этого двое из трех ее детей были отданы в приемные семьи при посредничестве еврейской общины. Только Шолек, младший, остался с матерью. Несколько лет он обучался в хедере, однако бедность матери вскоре вынудила его оставить учебу. В юном возрасте он овладел различными специальностями, связанными с обработкой тканей. Ведь он жил в Лодзи, крупнейшем центре польской текстильной промышленности.

От старинной веры своих предков он отказался по вполне прозаическим причинам. Кончина отца значительно ухудшила экономическое положение матери, поэтому в местной синагоге ей было отведено место в одном из последних рядов молящихся. Снижение социального статуса сопровождалось, как водится, и отдалением от Святой Торы. В традиционных

обществах действует железный иерархический закон: уменьшение материального богатства почти наверняка приводит к быстрому испарению символического капитала. Молодой человек твердо решил воспользоваться возрастающим отчуждением и покинул пределы молитвенного дома. Среди молодежи еврейских кварталов больших городов отход от веры был тотальным. Таким образом, Шолек лишился в одночасье и веры, и крыши над головой.

Впрочем, ненадолго. Присоединение к коммунистическому движению, модному в то время, помогло юноше сблизиться с культурно-языковым большинством польского населения. Очень скоро Шолек превратился в революционного активиста. Социалистическая мечта укрепила его дух и захватила воображение. Несмотря на то что ему приходилось исполнять самые простые работы, юноша научился читать и думать о будущем. Таким образом, революционное движение стало для него прибежищем. Оно же довольно скоро привело его в тюрьму по обвинению в подрывной деятельности. Он провел в заключении шесть лет. Хотя Шолек так и не получил аттестата зрелости, его образование существенно пополнилось. Правда, он не осилил «Капитал» Маркса, однако популярные сочинения Фридриха Энгельса и Владимира Ильича Ленина знал превосходно. Шолек, не закончивший обу-

чения в хедере и, вопреки надеждам матери, не попавший в ешиву,⁶ стал марксистом.

В один из холодных декабрьских дней 1939 года он вместе со своей молодой женой и ее сестрой присоединился к потоку беженцев, рвавшихся на восток, навстречу Красной армии, оккупировавшей половину Польши. Несколькими днями ранее на центральной улице Лодзи у него на глазах были повешены трое евреев – тривиальное хулиганство, совершенное немецкими солдатами, перебравшими пива в одной из окрестных пивных. Мать он с собой не взял. Через много лет он расскажет, что она была стара и слишком слаба. На самом деле ткачихе только что исполнилось пятьдесят. Ее сочли нищей старухой, когда вместе с самыми первыми из обитателей гетто загнали в газовый грузовик, такой медлительный и громоздкий. Это была примитивная технология уничтожения, предшествовавшая куда более эффективным газовым камерам.

Шолек знал, что в советской оккупационной зоне ему необходимо скрывать свое участие в коммунистическом движении. Незадолго до этого Сталин уничтожил польскую коммунистическую элиту. Пересекая новую советско-германскую границу, Шолек вер-

⁶ Учебное заведение, в котором изучаются дисциплины, разработанные раввинистическим иудаизмом. – *Прим. ред. русского издания.*

нул себе давно отброшенную самоидентификацию – открытую принадлежность к еврейству. В то время Советский Союз был единственным государством, готовым принимать еврейских беженцев, правда, там почти всех их высылали в азиатскую часть страны. К счастью, Шолек и его жена были отправлены в далекий Узбекистан. Его образованная невестка, владевшая несколькими языками, удостоилась, в отличие от них, невероятной льготы: ей было разрешено остаться в просвещенной Европе, которая, к сожалению, тогда еще не именовалась «иудео-христианской». В 1941 году она попала в руки нацистов и была отправлена под их бдительным присмотром в крематорий.

В 1945 году Шолек и его жена вернулись в Польшу, однако эта страна, уже в отсутствие немецких войск, продолжала вытеснять евреев со своей территории. Шолек, польский коммунист, снова остался без родины (разумеется, если не считать коммунистической идеологии, которая, несмотря на перенесенные тяготы, по-прежнему была для него духовным пристанищем). Вместе с женой и двумя малолетними детьми, абсолютно нищий, он оказался в лагере для перемещенных лиц, расположенном в высоких горах Баварии. Там он встретил одного из своих братьев, который, в отличие от него, был пламенным сионистом и ненавидел коммунизм. Ироничная ухмылка истории:

брат Шолека, сионист, получил право на въезд в Монреаль и прожил там до конца своих дней, в то время как сам Шолек и его небольшая семья были переправлены Еврейским агентством (Сохнотом) в Марсель, а оттуда в конце 1948 года отплыли в Хайфу.

Шолек похоронен в Израиле. Он прожил здесь долгую жизнь под именем Шауль, хотя так и не стал настоящим израильтянином. Даже удостоверение личности не признавало его таковым. Несмотря на то что в его официальной государственной метрике и в графе «национальность», и в графе «религия» значилось «еврей»⁷ (ибо в 60-х годах была введена обязательная идентификация религиозной принадлежности гражданина, даже если тот был воинствующим атеистом), он всегда оставался гораздо большим коммунистом, нежели евреем, и гораздо большим идишистом, нежели поляком, в культурном плане. Иврит, хотя Шолек и научился на нем общаться, никогда ему особо не нравился. Со своими родственниками и друзьями он продолжал говорить на идише.

Он тосковал по «Идишлэнду» Восточной Европы и по революционному духу, охватившему континент на-

⁷ На самом деле, конечно, «иудей» – в Израиле нет «евреев», ибо, как мы увидим ниже, здесь не признается существование гражданской еврейской (тем более израильской) «национальности», отдельной от религии. – Прим. ред. русского издания.

кануне войны. В Израиле он ощущал, что отнял у других принадлежащие им земли. Разумеется, лишь по необходимости – тем не менее для него они оставались крадеными. Его явная отчужденность была направлена не на уроженцев страны, хотя те и презирали идишистов вроде него, а, как ни странно, прежде всего на местную природу. Левантийские суховеи, разумеется, не были его стихией. Они лишь усиливали тоску по густому снегу, ложившемуся на улицы Лодзи. Польский снегопад постепенно растворялся в памяти Шолека и растаял окончательно, когда глаза его навсегда закрылись. Над его могилой престарелые друзья пели «Интернационал».

* * *

Бернардо родился в Барселоне, столице Каталонии, в 1924 году. Много лет спустя его станут звать Дов. Так же как и мать Шолека, мать Бернардо до конца своих дней оставалась верующей женщиной (только посещала она не синагогу, а церковь). В отличие от нее отец Бернардо давно оставил заботу о спасении души и, как многие другие рабочие-металлурги в революционной Барселоне, стал анархистом. Когда разразилась гражданская война, анархо-синдикалистские профсоюзы поддержали молодую левую

республику и даже на некоторое время овладели Барселоной. Вскоре в город вошли правые франкисты. Юный Бернардо бок о бок с отцом участвовал в последних боях, предшествовавших уходу республиканцев с городских улиц.

Призыв во франкистскую армию через несколько лет после окончания гражданской войны не улучшил отношения юноши к новому режиму. В 1944 году он дезертировал с оружием в руках и исчез в Пиренейских горах. Там он помогал скрываться другим противникам режима и с нетерпением ожидал прихода американских войск, которые непременно свергнут жестокого союзника Муссолини и Гитлера. К его изумлению, демократы-освободители так и не появились. У него не было другого выхода, кроме как пересечь границу и лишиться родины. Некоторое время Бернардо работал шахтером во Франции, а затем попытался нелегально («зайцем» на пароходе) эмигрировать в Мексику. Он был пойман в Нью-Йорке, арестован и возвращен в Европу в кандалах.

В 1948 году Бернардо также оказался в Марселе. Там он нашел работу на верфи. Однажды майским вечером он очутился в компании воодушевленных молодых людей в припортовом кафе. Вскоре между ними возникло полное взаимопонимание: молодой металлург, истосковавшийся по кристальной чистоте от-

ношений, царивших в революционных кооперативах Барселоны, пришел к убеждению, что израильские киббуцы в Израиле – их естественные преемники. Без всякой связи с еврейством или сионизмом он сел на корабль, везший в Израиль репатриантов, прибыл в Хайфу и прямо оттуда был отправлен под Латрун, где шли ожесточенные бои. В отличие от многих других он остался жив. Сразу же после этого он вступил в киббуц, о котором мечтал весенним вечером во французском порту. Там он встретил избранницу своего сердца. Они поженились, пройдя ускоренную процедуру бракосочетания, проведенную раввином для нескольких пар одновременно. В то время раввины были довольно деликатны, особенно когда предоставляли свои услуги женихам и невестам, и не задавали лишних вопросов.

Вскоре в МВД обнаружили, что была совершена грубая ошибка: Бернардо, который теперь носил имя Дов, вовсе не еврей! И хотя его брак и не был отменен, Дова пригласили на официальную встречу для окончательного выяснения идентичности. За столом в правительственной канцелярии, куда он зашел, сидел чиновник с большой черной кипой на голове. Партия «Мизрахи», контролировавшая тогда МВД, несмотря на религиозно-национальную ориентацию, вела себя в ту пору осторожно и нерешительно. Она еще

не осмеливалась выставлять чрезмерные требования как по вопросу о «национальной» территории, так и в том, что касалось «национальной» идентификации.

Разговор шел примерно следующим образом:

– Вы не еврей, милостивый государь, – заявил чиновник.

– Я этого никогда и не утверждал, – ответил Дов.

– Необходимо изменить соответствующую запись, – добавил чиновник, как бы между прочим.

– Пожалуйста, нет проблем, – кивнул Дов.

– Кто вы по национальности?

– Я израильтянин, – ответил Дов после некоторого раздумья.

– Этого быть не может, – заявил чиновник.

– Почему?

– Потому что израильской национальности не существует, – простонал представитель МВД. – Где вы родились?

– В Барселоне.

– В таком случае мы запишем, что по национальности вы испанец.

– Но я не испанец! Как каталонец я не хочу, чтобы меня называли испанцем. Среди прочего, именно за это я вместе с отцом сражался в 30-е годы.

Чиновник почесал лоб. Историю он не знал, но лю-

дей уважал.

– Тогда мы запишем вас каталонцем по национальности.

– Отлично, – бросил Дов.

Таким образом, Израиль стал первым в мире государством, официально признавшим существование «каталонской нации».

– Теперь какова ваша религиозная принадлежность, милостивый государь?

– Я атеист и светский человек.

– Я не могу записать вас атеистом. Государство Израиль не признает такого понятия. Кстати, какой конфессии придерживалась ваша мать?

– Когда я видел ее в последний раз, она еще была католичкой.

– В таком случае я запишу, что вы христианин, – выдохнул с облегчением чиновник.

При всем своем миролюбии Дов начал проявлять признаки раздражения.

– Я не стану носить удостоверение личности, в котором сказано, что я христианин. Это не только противоречит моим убеждениям, но и оскорбляет память моего отца, который, будучи анархистом, сжигал церкви во время гражданской войны.

Чиновник снова почесался, немного поразмышлял и нашел неплохое решение. Дов покинул учреждение,

имея при себе синее удостоверение личности, в котором черным по белому было напечатано, что он каталонец не только по национальности, но и по религиозной принадлежности.

Всю жизнь Дов беспокоился, как бы эта необычная «национальная и религиозная идентификация» не повредила его дочерям. Ведь учителя в израильских школах постоянно повторяли детям одну и ту же мантру – «мы евреи», нисколько не думая о том, что среди их подопечных могут оказаться и такие, чьи родители не имеют счастья принадлежать к «избранному народу». Собственный атеизм и категорический отказ жены разрешить ему сделать обрезание исключали возможность пройти гиюр.⁸ На каком-то этапе он пытался изобрести себе фантастическую родословную, связывающую его с насильственно крещеными испанскими евреями. Но когда дочери подросли, и он убедился, что его нееврейское происхождение не особенно их заботит, Дов оставил эту идею.

К счастью, в киббуцах не принято хоронить своих «гоев» за оградой кладбища (или на христианских

⁸ Термин «Эрец-Исраэль», «Страна (или Земля) Израиля», встречается в этой книге сотни раз. Он имеет огромное культурное, политическое и религиозное значение, раскрытие которого требует самое меньшее нескольких страниц. В данном случае автору и редактору книги приходится рассчитывать на интуицию читателя. – *Прим. ред. русского издания.*

кладбищах), как это делается во всех остальных населенных пунктах Израиля. Он похоронен рядом с другими кибуцниками на общем кладбище. Примечательно, что удостоверение личности Дова бесследно исчезло после его кончины. Одно можно сказать с уверенностью: он не взял его с собой в последний путь.

Со временем у двух эмигрантов, Шолека и Бернардо, родились внуки-израильтянки, отец которых был добрым приятелем двух «аборигенов», выходящих теперь на передний план повествования.

История вторая: двое приятелей-«аборигенов»

Первый Махмуд (оба героя этой истории носят имя Махмуд) родился в 1945 году в Яффо. Жители нескольких арабских кварталов Яффо, в разгар боев 1948 года не бежавшие в Газу, после окончания войны получили разрешение остаться в своем родном городе. Махмуд вырос в бедном квартале города Яффо, почти целиком заселенном еврейскими иммигрантами. В отличие от так называемого треугольника (города Умм эль-Фахм и его окрестностей) или арабской части Галилеи, в 50-е годы палестинцев в Яффо оставалось совсем мало, и они чувствовали себя осиротевшими – нечего было и говорить о каком-либо автономном культурном существовании. Новое же на-

селение, состоявшее из иммигрантов, отказывалось принимать их в свою среду.

Одним из способов вырваться из узкого и тесного гетто арабского Яффо было вступление в компартию Израиля. Юный Махмуд присоединился к ее молодежному движению. Только там ему удалось свести знакомство с «обычными» израильтянами своего возраста. Участие в движении дало ему возможность путешествовать и познакомиться со «Страной Израиля»⁹, которая была тогда еще очень небольшой, а также основательно выучить иврит. Кроме того, членство в этом движении позволило ему существенно пополнить образование сверх скудного багажа, приобретенного в арабской школе. Как и Шолек в Польше, он изучал произведения Энгельса и Ленина, пытался читать труды теоретиков коммунизма из разных стран мира. Израильские коллеги по партии его очень любили. К тому же он всегда был готов прийти на помощь товарищам.

В числе его приятелей был молодой израильтянин, всего на год моложе. Махмуд легко нашел с ним об-

⁹ Термин Эрец-Исраэль, Страна (или Земля) Израиля, встречается в этой книге сотни раз. Он имеет огромное культурное, политическое и религиозное значение, раскрытие которого требует самое меньшее нескольких страниц. В данном случае автору и редактору книги приходится рассчитывать на интуицию читателя. — *Прим. ред. русского издания.*

щий язык и помогал справляться с перипетиями бурной и жестокой уличной жизни Яффо. Физическая сила Махмуда придавала уверенности его молодому другу, а тот, в свою очередь, зачастую выручал товарища своим острым языком. Их дружба крепла день ото дня. Они поверяли друг другу свои самые заветные тайны. Так приятель Махмуда узнал, что тот хотел бы взять еврейское имя Моше и стать по-настоящему своим в их компании. Иногда по вечерам, когда они вместе гуляли по улицам города, Махмуд представлялся как «Моше». Как правило, ему удавалось ввести в заблуждение торговцев и местных деловых людей. Однако вскоре после этого он вновь становился Махмудом, поскольку долго сохранять взятую взаимы идентичность было невозможно. Кроме того, естественная гордость не позволяла ему полностью отмежеваться от «своих».

В жизни Махмуда были и преимущества – ему не пришлось идти в армию. Его приятель, разумеется, получил повестку в военкомат, и это должно было надолго их разлучить. В одну из суббот 1964 года они сидели на волшебном яффском морском берегу и вслух размышляли о будущем. В ходе этой непринужденной болтовни они решили, что, когда приятель завершит военную службу, они отправятся в длительное путешествие по миру и, если им повезет, больше не вер-

нутся в Израиль. В каком-нибудь удаленном уголке земного шара они откроют небольшую фабрику, производящую мечты, которые всегда сбываются. Чтобы скрепить это «судьбоносное» решение, они слегка надрезали ладони, а затем обменялись крепким рукопожатием. Как маленькие и несмышленные дети, они поклялись совершить великое путешествие.

Махмуд нетерпеливо дожидался окончания службы своего приятеля. Она продолжалась более двух с половиной лет. Однако приятель вернулся совсем другим человеком. Он был влюблен, эмоционально несвободен, изрядно растерян и, хотя и помнил о задуманном долгожданном путешествии, начал колебаться. Его влекла бурная, деятельная атмосфера Тель-Авива. Перед ним открылось столько соблазнов, что он просто не мог в них не окунуться. Махмуд терпеливо ждал еще некоторое время, но в конце концов понял, что приятель вписался в беспокойную израильскую жизнь и уже не сумеет из нее вырваться. Махмуд смирился с этим, накопил достаточно денег и уехал. Он совершил длинное путешествие, пересек всю Европу, по «странному» стечению обстоятельств все больше удаляясь от Израиля. В конце концов он прибыл в Стокгольм. Невзирая на непривычный холод, слишком белый снег и многочисленные трудности, он постарался приспособиться к местным ре-

лиям. Он начал работать в компании, занимавшейся установкой лифтов, и стал специалистом в этой области.

Долгими северными ночами Махмуд почему-то тосковал по Яффо. Когда он решил, что пришла пора жениться, он вернулся в то место, которое когда-то было его родиной (впрочем, история отняла ее у него, когда он был трехлетним ребенком), и там нашел себе жену. Он взял ее в Швецию, где и создал семью. Палестинец из Яффо каким-то образом превратился в скандинава, родной язык его детей – шведский. Как часто бывает в семьях эмигрантов, они научили этому языку свою мать. Махмуд уже давно не мечтает о том, чтобы его звали Моше.

* * *

Другой Махмуд родился в 1941 году в давно уже не существующей маленькой деревушке неподалеку от Акко. В 1948 году он стал беженцем. Его семья в разгар боев бежала в Ливан, а родная деревня была стерта с лица земли. На ее развалинах построено процветающее еврейское поселение – мошав¹⁰. Че-

¹⁰ Изначально сельскохозяйственный кооператив, вполне социалистический, но не устроенный, как киббуцы, на коммунистических началах. С годами старые мошавы, нередко владеющие ценными земля-

рез год, в одну безлунную ночь, его семья тайно присоединилась к родственникам, проживавшим в деревне Джедида в Галилее. Таким образом, Махмуд на долгие годы попал в число тех, кого в Израиле называют «присутствующими отсутствующими»¹¹. Речь идет о беженцах, оставшихся на родине, но при этом лишившихся своей земли и всего имущества. Вторым Махмуд был мечтательным и одаренным ребенком. Его учителя и друзья зачастую поражались богатству его языка и дерзости его воображения. Как и первый Махмуд, он присоединился к коммунистическому движению и вскоре стал одним из его ведущих журналистов и поэтов. Он поселился в Хайфе, бывшей в то время самым большим в Израиле городом со смешанным (то есть еврейско-арабским) населением. Он тоже повстречался со своими еврейскими сверстниками и сверстницами, «настоящими» израильянами, с годами его творчество воодушевляло все больше и больше людей.

Его смелое стихотворение «Удостоверение личности», написанное в 1964 году, всколыхнуло целое поколение арабской молодежи и приобрело широкую

ми, превратились в очень разные структуры – вовсе не обязательно сельскохозяйственные или сохранившие социалистические порядки. – *Прим. ред. русского издания.*

¹¹ Это официальный термин – «ха-нифкадим ха-нохаким». Такое, конечно, трудно выдумать. – *Прим. ред. русского издания.*

известность далеко за пределами Израиля. Уже в первых строках поэт гордо бросает вызов чиновнику израильского МВД:

Записывай:

Я араб

Мой номер удостоверения личности: пятьдесят тысяч

Число детей: восемь

Кончится лето – появится девятый

Ты недоволен?!

Израиль навязал своим нееврейским гражданам-«аборигенам» удостоверение личности, в котором их национальность определена не как «израильтянин», даже не как «палестинец», а просто как «араб». Так, довольно парадоксальным образом, Израиль стал одним из очень немногих мест в мире, где признается не только каталонская, но и арабская национальность. Постоянное увеличение числа проживающих в Израиле «туземцев» будет вызывать в последующие годы все больше беспокойства у израильских политиков и органов власти. Поэт ясно предвидел это уже тогда.

Довольно скоро Махмуд стал «подрывным элементом». В 60-е годы Израиль боялся поэтов больше

чем шахидов. Его часто арестовывали, сажали под домашний арест; в более спокойные периоды ему просто запрещали покидать Хайфу без разрешения полиции. Он выносил преследования и ограничения хладнокровно, со стоической, вовсе не поэтической выдержкой. Несмотря на удушающий гнет властей, он утешался тем, что близкие друзья совершали частые паломничества в его квартиру, расположенную в хайфском районе Вади Ниснас.

Среди его дальних приятелей был и молодой коммунист из Яффо. Хотя он и не знал арабского, несколько переведенных стихов захватили его воображение и побудили взяться за перо.

После возвращения из армии он время от времени навещал поэта. Беседы с ним укрепили его веру в необходимость продолжения борьбы. Эти беседы имели и побочный эффект: благодаря им он наконец-то перестал писать обескураживающе незрелые стихи.

В конце 1967 года этот молодой человек снова приехал в Хайфу. Ему довелось участвовать в боях за Иерусалим, стрелять во врагов и наводить страх на покоренное население. Израиль был опьянен победой, арабы – унижены. Он чувствовал, что происходит что-то нехорошее, ощущал зловонный, удушающий запах войны. Он жаждал бросить все и уехать

из страны. Но перед этим он хотел в последний раз встретиться с поэтом, которым восхищался.

Как раз тогда, когда молодой солдат сражался в Святом городе, Махмуда в очередной раз провели в наручниках по улицам Хайфы к месту предварительного заключения. Солдат встретил поэта позже, когда его отпустили домой. Вместе они провели бессонную ночь. Алкогольные пары и плотный сигаретный дым затуманивали окна. Поэт пытался убедить своего молодого почитателя остаться и продолжать борьбу, не бежать в чужие города, не бросать их общую родину. Солдат рассказывал о своем отвращении к всеобщему ликованию из-за одержанной победы, о своем отчаянии, о своем отчуждении от земли, на которой он пролил невинную кровь. К утру его стошнило. В полдень хозяин дома разбудил гостя и перевел для него стихотворение, написанное с первыми лучами рассвета – «Солдат, мечтающий о белых лилиях»:

<...> Он понял, – так он сказал мне, – что родина — это глоток кофе, приготовленный матерью, и возвращение домой под вечер.

Я спросил его: «А земля?»

Он сказал: «Я ее не знаю»...

В 1968 году публикация палестинцем стихотворе-

ния об израильском солдате, способном раскаяться в совершенном им насилии, в потере самоконтроля во время боя, стыдящемся участия в захвате чужих земель, воспринималась в арабском мире как предательство. Ведь в ту пору таких израильских солдат еще не существовало. Хайфский поэт подвергся жестоким нападкам и даже был обвинен в культурном сотрудничестве с сионистским врагом. Однако поток обвинений быстро иссяк. Его авторитет становился все более прочным. Вскоре он стал символом стойкого сопротивления палестинцев в Израиле.

В конце концов солдат все-таки уехал из страны, но поэт покинул ее еще раньше. Он не мог больше терпеть полицейскую удавку, ежедневные репрессии и притеснения. Израильские власти с радостью отменили его сомнительное гражданство. Они не забыли, что дерзкий поэт был первым в Израиле арабом, выдавшим себе самому «удостоверение личности», в то время как с их точки зрения у него вообще не должно быть личности.

Поэт скитался из одной столицы в другую, а слава его ширилась и крепла. В конце концов, во время короткой оттепели, вызванной началом мирного процесса («процессом Осло»), ему разрешили вернуться и поселиться в Рамалле. Въезд в Израиль был ему запрещен. Органы безопасности смягчились только

в день похорон его отца; ему разрешили провести несколько часов там, где прошло его детство. Поскольку он не носил на себе взрывчатки, ему позволили впоследствии нанести еще несколько коротких визитов в Израиль.

Солдат, в свою очередь, поселился в Париже и прожил там много лет. Он учился, бродил по красивым улицам, но потом неожиданно сломался. Несмотря на владевшее им чувство отчужденности от Израиля, тоска и любовь к городу, где он вырос, взяли верх. Он вернулся в причиняющие жгучую боль места, в которых сформировалось его представление о самом себе. Родина, называющая себя «еврейским государством», приняла его с распростертыми объятиями.

Что же до родившегося здесь поэта-бунтаря, а также друга юности, когда-то мечтавшего носить имя Моше, увы, для них она оказалась слишком тесной.

История третья: две (не)еврейские ученицы

При рождении ее называли Жизель – в честь бабушки. Это произошло в 1957 году в Париже. Здесь она и выросла. Она была шаловливой и неугомонной девочкой, очень любившей отвечать «нет». Несмотря на это упорное «нет», а возможно, и благодаря ему, она стала отличницей, хотя учителя с трудом ее выносили. Родители разрешали ей почти все – даже изучать

«святой язык». Они надеялись, что она достигнет высот в науке, но она решила, что хочет жить в Израиле. Пока суть да дело, она начала учиться на философском факультете Сорбонны. Параллельно Жизель брала уроки идиша и иврита. Идиш она изучала потому, что это был язык прошлого – язык бабушки, которую она никогда не видела. Иврит должен был стать языком будущего – языком ее детей, которые еще не родились.

Ее отец прошел через концлагерь. Он спасся в немалой степени благодаря помощи немецких узников. После войны он вернулся в Париж. Его мать, Гизела, была арестована вместе с ним летом 1942 года. Ей не посчастливилось вернуться. Из Дранси она была отправлена напрямик в Освенцим. Он вступил во французскую социалистическую партию, где встретил свою будущую жену. У них родились две дочери. Одну из них называли Гизела, по-французски – Жизель.

Уже в школе Жизель стала яркой анархисткой и участвовала в радикальных молодежных кампаниях, последних отголосках легендарного мая 1968 года. В семнадцать лет ее ориентация резко изменилась, и она объявила себя сионисткой. В 70-е во Франции еще не были опубликованы многочисленные труды, рассказывающие о судьбе французских евреев в годы нацистской оккупации. Поэтому Жизель приходилось

довольствоваться общими книгами по истории данного периода, которые она читала взахлеб. Она знала, что многие из тех, кто прошел через лагерь, впоследствии оказались в Израиле. Прекрасно понимая, что бабушки Гизелы нет в живых, она тем не менее стремилась сблизиться с еврейскими женщинами, похожими на нее. Она готовила себя к «репатриации».

Зимой 1976 года она прошла ускоренный курс изучения иврита, организованный Еврейским агентством в самом центре Парижа. У нее был учитель-израильтянин, нервный и уязвимый. Жизель все время выводила его из себя странными вопросами; заодно она выяснила, что он нередко ошибается, спрягая сложные глаголы. Она не считала нужным сдерживаться и указывала ему на это. Ее замечания были ему не по вкусу, однако девушка вызывала любопытство, и он старался ее не обижать. Кроме того, она была лучшей ученицей в классе, так что к ней нельзя было относиться без уважения.

Ближе к концу года она исчезла и перестала посещать занятия. Учитель иврита недоумевал и даже опасался, что нечаянно обидел ее в ходе одного из споров, зачастую разгоравшихся в классе. Прошло еще несколько недель, курс близился к завершению. Внезапно она появилась, еще более высокомерная, чем обычно, но на этот раз в ее взгляде улавливалась

меланхолия. Она сообщила ему, что решила прекратить изучение иврита.

Жизель посетила Еврейское агентство, чтобы уладить вопросы, связанные с переездом в Израиль. Там ей сообщили, что, с одной стороны, она сможет учиться в Еврейском университете и получит «корзину абсорбции», но с другой – не будет считаться еврейкой до тех пор, пока не пройдет гиюр. Жизель, требовавшая от своих знакомых считать ее еврейкой и гордившаяся своей «чисто еврейской» фамилией, знала о «гойском» происхождении матери, однако полностью отождествляла себя с отцом. Ей было известно, что иудейская религия определяет принадлежность человека по матери, однако почему-то она упустила из виду это «незначительное» бюрократическое обстоятельство. Она считала, что история семьи отца станет достаточным базисом для ее идентификации, и со свойственной юности импульсивностью предположила, что этот вопрос разрешится сам собой.

Жизель нахально спросила по-французски чиновника Еврейского агентства, является ли тот верующим человеком. Он ответил отрицательно. Она перешла в решительное наступление: «Как нерелигиозный человек, считающий себя евреем, может требовать от другого нерелигиозного человека, также считающего себя евреем, пройти гиюр для того, чтобы

приобщиться к еврейскому народу и его стране?» Наместник еврейского народа на брэнной земле сухо ответил, что так требует закон. Он заодно сообщил, что в Израиле ее отец никоим образом не смог бы взять в жены ее мать, поскольку там разрешены только религиозные браки. Жизель внезапно осознала, что пребывает в статусе «национально незаконнорожденной». Хотя она и считает себя еврейкой, а с момента увлечения сионизмом ее считают таковой и другие, для государства Израиль этого недостаточно.

Она категорически отказалась проходить гиюр. Она не переносила священнослужителей любого сорта, а когда ей рассказали об унижительном характере ортодоксального гиюра, а также о сопровождающем этот процесс лицемерии, она с отвращением отвергла саму мысль о нем. Что-то от радикальной анархистки все еще жило в ней, поэтому она немедленно исключила Израиль из своих ближайших планов. Она решила не эмигрировать в «государство еврейского народа» и поэтому прекратила изучать иврит.

Разговор с учителем иврита она вела по-французски, а в конце добавила на иврите: «Спасибо за все, прощайте, а может быть, до свидания».

Учителю показалось, что в ее голосе прозвучали отголоски идиша – ведь она изучала и этот язык. Больше он никогда ее не видел. Спустя годы он наткнулся

на ее имя в уважаемой парижской газете. Жизель написала критическую статью, посвященную оккупационной политике Израиля на «территориях»¹². Рядом с именем была указана ее профессия – психоаналитик. Можно предположить, что многие французские евреи моментально квалифицировали ее (по имени) как еврейку, «испытывающую ненависть к самой себе»¹³. Антисемиты, несомненно, позлословили на ее счет и отметили, что неспроста у нее такая еврейская профессия.

* * *

Вторую ученицу зовут Лариса. Она родилась в 1984 году в небольшом сибирском городке. В начале 90-х годов, сразу же после распада Советского Союза, ее родители эмигрировали в Израиль. Семью отправили в один из «городов развития», находящийся в

¹² Термин «территории» («штахим»), принятое на иврите сокращение от «территории, перешедшие под контроль Израиля (или просто „оккупированные Израилем“ – в зависимости от контекста) в 1967 году». Современный иврит вообще обожает сокращения. – *Прим. ред. русского издания.*

¹³ Вошедшая среди прочих языков в иврит калька с английского «selfhating Jew» («еврей, ненавидящий свое еврейство»). Хрестоматийный (не факт, что правильный) пример такого еврея – Вуди Аллен. – *Прим. ред. русского издания.*

Верхней Галилее. Окружение, в котором она росла, было смешанным, оно состояло как из коренных израильтян, так и из детей эмигрантов. Казалось, ее случай – пример успешной интеграции. Она быстро освоила иврит и разговаривала на нем как стопроцентная «сабра»¹⁴. Она была довольна собой и своей повседневной жизнью в Израиле. Лариса расстраивалась, когда ее дразнили, называя «русской», в основном из-за ее золотых волос. Но что поделаешь, местная молодежь всегда самоутверждается одинаково – насмехаясь над свежими эмигрантами!

В 2000 году, когда ей исполнилось шестнадцать лет, она явилась в отделение МВД Северного округа, чтобы получить свое первое удостоверение личности. Чиновница встретила ее чрезвычайно радушно и попросила заполнить бланк с личными данными. Когда Лариса добралась до графы «национальность», она наивно спросила, можно ли ей записаться еврейкой. Изучив уже заполненную часть анкеты, чиновница извиняющимся тоном ответила, что это невозможно. Она должна оставаться такой же, как и ее мать, вернее, такой, как ее дразнили, – «русской».

¹⁴ Русифицированное «цабар» – съедобный (сладкий) плод кактуса. Используется в качестве ласкового обозначения местных (израильских) уроженцев, являющихся, согласно преданию, одновременно сладкими и колючими. – *Прим. ред. русского издания.*

Позднее Лариса рассказывала, что в этот момент почувствовала себя так же, как при первой менструации. Проявляется природная черта, и отныне от нее уже никогда не избавишься.

Она была далеко не единственной девушкой в городе, носившей «позорное клеймо». В школе существовало «сообщество девочек-неевреек». Его члены прикрывали друг друга. Они даже решили сообщать выскоблить из своих удостоверений личности графу «национальность». Дело не выгорело, и им пришлось и далее носить с собой обличающий документ. Как только это стало возможным (в семнадцать лет), все они поспешно обзавелись водительскими правами. В этом документе не значится «национальность» водителя; с другой стороны, он обычно может служить заменой удостоверению личности.

В канун поездки в Польшу, где, в рамках приобщения к национальным корням, израильские школьники коллективно посещают лагеря смерти, у Ларисы возникла проблема. Для оформления паспорта необходимо было принести в школу удостоверение личности. Опасения, что весь поток узнает ее тайну, а также скудные финансовые возможности родителей побудили ее отказаться от участия в поездке. Таким образом, ей не довелось увидеть Освенцим, место,

постепенно заменяющее собой Масаду¹⁵ в качестве главного консолидирующего элемента еврейской национальной идентификации. Тем не менее в армию она была призвана. Она попыталась воспользоваться своим «национальным статусом», чтобы избежать призыва, и с этой целью даже отправила длинное письмо в призывную комиссию. Ответ был получен отрицательный.

Как ни странно, служба в армии пошла Ларисе на пользу. Во время церемонии принесения присяги она задрожала и даже всплакнула, когда ее пальцы прикоснулись к томику Библии. На мгновение она забыла о маленьком крестике, который бабушка (со стороны матери) подарила ей, еще ребенку, перед отъездом из России. В военной форме она ощутила наконец «сопричастность» и убедила себя, что отныне будет стопроцентной израильтянкой. Она полностью отме-

¹⁵ Крепость в Иудейской пустыне, неподалеку от Мертвого моря, удерживавшаяся в конце Иудейской войны (так называемого Великого восстания против Рима) иудейскими фанатиками. Согласно рассказу Иосифа Флавия, отчасти подтвержденному археологическими данными, когда (в 73 году н. э.) взятие Масады римлянами стало неизбежным, защитники крепости убили своих жен и детей, а затем покончили с собой. В первые десятилетия существования Израиля многие армейские части приносили в Масаде военную присягу. Одним из самых знаменитых израильских лозунгов, впрочем, ставшим со временем менее популярным, был афоризм «Вторично Масада не падет!». – *Прим. ред. русского издания.*

жевалась от отталкивающей, трещащей по швам русской культуры своих родителей. Она решила встречаться исключительно с «сабрами» и избегать русских парней. Она радовалась, когда ей говорили, что она не похожа на «русскую», несмотря на подозрительный цвет волос.

На каком-то этапе Лариса даже подумывала пройти гиюр. Она записалась на прием к военному раввину, но в последний момент отказалась от разговора с ним. Хотя ее мать и не была религиозна, Лариса все же не хотела оставлять ее совсем одну – с неприятной, изолирующей от общества идентичностью.

После окончания военной службы девушка перебралась в Тель-Авив. Она без остатка растворилась в бурлящей, раскованной, ко всему безразличной атмосфере этого города. Ею овладело совершенно новое чувство – что запись в удостоверении личности не имеет никакого значения, и следовательно, преследовавшее ее ощущение собственной неполноценности является сугубо субъективным. Лишь иногда, по ночам, когда она думала о ком-то, кто был ей по-настоящему дорог, в ней просыпалось старое беспокойство. Какая еврейская мать захочет внуков от гойской «шиксы»?¹⁶

¹⁶ Чрезвычайно неприятное слово (от ивритского «щекец» – «мерзость», «гад», «нечистое насекомое»), означающее на иврите и на иди-

Она поступила на исторический факультет Тель-Авивского университета. Там она чувствовала себя прекрасно – особенно в университетской кафетерии. На третьем году учебы она записалась на курс «Нации и национализм современности», поскольку услышала, что преподаватель не слишком требователен и от студентов не нужны особенные усилия. Позднее она осознала, что что-то еще с самого начала пробудило в ней любопытство.

На первом же занятии преподаватель спросил, нет ли среди находящихся в классе студентов и студенток таких, кого МВД не признал евреем. Никто не поднял руку. Она опасалась, что он внезапно посмотрит в ее сторону. Однако преподаватель выглядел немного разочарованным и не сказал больше ни слова. Этот курс ее заинтересовал, несмотря на то что лекции были нередко скучноватыми, а профессор имел обыкновение повторяться. Она начала понимать, в чем именно состоит израильская политика формирования идентичности. Постепенно, шаг за шагом, она разобралась в ситуациях, через которые ей пришлось пройти в ходе взросления. Она увидела их в ином свете. Она поняла, что самое меньшее с ментальной, ес-

ше нееврейскую девушку (чаще всего «путающуюся» с «чистым» еврейским юношей). Существует аналогичное выражение для нееврейского юноши, являющееся, однако, менее употребительным. – *Прим. ред. русского издания.*

ли и не с «биологической» точки зрения, она – один из последних «евреев» в государстве Израиль.

В конце семестра, когда нужно было выбрать тему для семинарской работы, она остановила преподавателя, когда тот стоял далеко от остальных студентов.

– Помните, о чем вы спросили на первом занятии?

– Что вы имеете в виду?

– Вы хотели знать, есть ли в классе студенты, не считающиеся евреями. Мне следовало поднять руку, но я не смогла этого сделать. – С улыбкой она добавила: – Можно сказать, что мне снова не хватило смелости признаться, кто я такая.

– В таком случае, напишите несколько страниц обо всем том, что заставляет вас «притворяться». Возможно, это поможет мне наконец-то приступить к работе над книгой о вконец запутавшейся нации, «маскирующейся» под кочевую расовую общность.

Семинарская работа была подана в срок и получила высокую оценку. Она стала последней каплей, прорвавшей плотину опасений и колебаний.

Как вы, вероятно, уже поняли, профессор, преподававший Ларисе историю в Тель-Авиве, был заодно и учителем иврита Жизели в дождливом Париже. В молодости он дружил с Махмудом, специалистом по установке лифтов, а также с другим Махмудом,¹⁷

¹⁷ Речь идет о Махмуде Дарвише, выдающемся палестинском поэте

ставшим со временем палестинским национальным поэтом. Он был зятем Бернардо, анархиста из Барселоны, и сыном Шолека, коммуниста из Лодзи.

Именно он написал взволновавшую общественность книгу, которую вы держите в руках. Он сделал это, в частности, для того, чтобы попытаться установить, какая историческая логика стоит за национальной самоидентификацией отдельных личностей.

(13 марта 1941 – 9 августа 2008), действительно посвятившем автору этой книги одно из своих известнейших стихотворений. – *Прим. ред. русского издания.*

II. Пересаженная память

Личные переживания, безусловно, могут повлиять на историка, когда он выбирает область исследования. Резонно предположить также, что они гораздо сильнее сказываются на его профессиональных предпочтениях, нежели на предпочтениях математика или физика. Тем не менее неверно было бы считать, что они полностью определяют ход его работы. Иногда щедрые гранты, предоставляемые крупными организациями, побуждают исследователя заняться более выгодной темой. Случается, хотя и довольно редко, что появление революционных данных вынуждает его взглянуть на вещи по-новому и радикально изменить направление своих исследований. В закоулках памяти ученого всегда присутствуют книги, побудившие его заняться наиболее болезненными проблемами. Существуют, разумеется, и другие факторы, формирующие и направляющие его интеллектуальную деятельность.

Кроме того, сознание историка, так же как и сознание всех прочих граждан, содержит пласты коллективной памяти, усвоенной им задолго до того, как он стал дипломированным исследователем. Как известно, все мы с рождения испытывали сильнейшее вни-

мание нарративов, оформившихся под воздействием издавна существовавших идеологических сил. Уроки истории, обществоведения и Библии в школе, национальные праздники, дни поминовения, государственные церемонии, названия улиц, памятники, учебные телевизионные сериалы и другие бесчисленные инструменты формирования коллективной памяти создают объединенными усилиями вымышленную историческую Вселенную. В результате у будущего историка складывается определенное представление о прошлом прежде, чем он обретает средства и методы, позволяющие анализировать его критически. К моменту, когда историк впервые приступает к работе над материалами и письменному изложению профессиональных выводов касательно какого-либо исторического процесса, в его сознании уже присутствует огромная масса «истин», через призму которых он поневоле пропускает свои умозаключения. Несомненно, историк – психологический и культурный продукт своих личностных переживаний. Вместе с тем он ничуть не меньше, чем кто-либо другой, является и носителем пересаженной ему коллективной памяти.

Когда автор маленьким ребенком притопывал ногой в ходе ханукального торжества в детском саду и радостно пел «бану хошех легареш, беядену ор ваэш» («мы пришли, чтобы изгнать тьму, в наших ру-

ках свет и огонь»), в нем уже начинали затвердевать представления о том, кто такие «мы» и кто такие «они». Мы, евреи-маккавеи, – это свет, нам противостоят эллинизированные отступники и сами эллины, то есть тьма. Позднее, на уроках Библии во втором, третьем и четвертом классе, он узнал, что библейские герои завоевали обещанную ему страну. Он не больно-то верил в божественное «обещание», ибо вырос в атеистической среде, однако самым «естественным» образом оправдывал солдат Иегошуа бин Нуна¹⁸, в которых видел своих непосредственных предков. Ведь он принадлежал к поколению, для которого историческое время перепрыгивало прямо от Библии к Пальмаху¹⁹ (в отличие от изобретенного позд-

¹⁸ Он же Иисус Навин из русского перевода Библии. В русском издании данной книги иногда будут появляться близкие к оригинальным ивритским собственные имена (чаще всего библейских героев, иногда просто в точных цитатах из других книг) – наряду с принятыми в русской традиции. Редактор перевода заранее просит прощения у читателей – иногда такие исключения необходимы. К счастью, их не слишком много. – *Прим. ред. русского издания.*

¹⁹ Популярная израильская присказка гласит: «От Библии – к Пальмаху» («Митанах веад пальмах»), подразумевая, что нынешний Израиль в своих активистских проявлениях – прямой участник библейского нарратива; Пальмах – аббревиатура ивритских слов «плугот махац» («штурмовые группы»). Речь идет об отборных, что не менее важно, практически независимых боевых подразделениях догосударственного периода, ориентированных на левые политические круги. Пальмах был распущен Бен-Гурионом в ноябре 1948 года, вскоре после создания Изра-

нее временного «скачка» от «изгнания» к Катастрофе, этот переход вызывал гордость; автор, естественно, предпочитал думать о героизме, а не о жертвенности). Дальнейшее было очевидным – осознание своего происхождения от древних евреев стало не только бесспорной очевидностью, но и основным элементом его самоидентификации. Раздробить эти кристаллы псевдоисторической «памяти» не смогли ни университетские курсы истории, ни даже профессиональные занятия этой наукой.

Следует помнить, что, хотя национальные государства начали образовываться еще до введения системы всеобщего обязательного образования, только с ее помощью они смогли укорениться и окрепнуть. Высшим приоритетом государственной педагогики с самого начала стало распространение пересаженной «национальной памяти», а сердцем ее – национальная историография.

Взращивание однородных коллективов в новейшую эпоху требует, среди прочего, построения долгосрочной исторической фабулы, демонстрирующей непрерывную связь во времени и пространстве между сегодняшними членами этих коллективов и их

иля, а его солдаты и офицеры – включены в регулярную израильскую армию (Цахаль); многие из них (например, Игаль Алон и Ицхак Рабин) сделали затем блестящую военную и политическую карьеру. – *Прим. ред. русского издания.*

древними «праотцами». Поскольку эта прочная культурная связь, надежно «функционирующая» в организме всякой нации, никогда ни в одном обществе не существовала, профессиональные «агенты памяти» должны изрядно потрудиться, чтобы ее изобрести. Научные данные, накопленные в основном благодаря стараниям археологов, историков и антропологов, претерпевают ряд впечатляющих косметических операций, произведенных авторами исторических романов, эссеистами и журналистами. В результате изборозженное глубокими морщинами лицо прошлого превращается в гордый, сияющий безупречной красотой национальный портрет.

Несомненно, ни одно историческое исследование не обходится без мифов, но в национальной историографии они играют особенно грубую роль. Истории народов и наций строятся по тем же стандартам, что и монументы на столичных площадях: они должны быть большими, мощными, устремленными к небу и излучающими героическое сияние. До последней четверти XX века изучение национальной историографии напоминало пролистывание страниц спортивного раздела ежедневной газеты. Разделение мира на «мы» и «они» было самым естественным историографическим приемом. Создание коллективного «мы» являлось делом жизни «национальных» историков и

археологов, лицензированных «агентов памяти», на протяжении более 100 лет.

До того как в Европе началось национальное дробление, многие европейцы всерьез полагали, что являются потомками древних троянцев. Однако с конца XVIII века мифология стала наукообразной. После появления набитых фантазиями трудов, созданных профессиональными исследователями прошлого, греческими и европейскими, граждане современной Греции стали считать себя одновременно биологически потомками Сократа и Александра Великого и (в рамках параллельного нарратива) прямыми наследниками Византийской империи. Древние римляне, начиная с конца XIX века, при помощи удачных учебных пособий стали перерождаться в типичных итальянцев. Галльские племена, взбунтовавшиеся против Рима во времена Юлия Цезаря, превратились в школах Третьей республики в истинных французов (правда, обладающих совсем не латинским темпераментом). Другие историки утверждали, что принятие христианства франкским королем Хлодвигом (Clovis) в V веке н. э. является несомненным моментом зарождения французской нации.

Первопроходцы румынского национализма дотянули свою нынешнюю самоидентификацию до древней римской колонии Дакия. Это величественное родство

побудило их назвать свой новый язык «румынским». В XIX веке многие жители Великобритании усмотрели в Боудикке (Boudicca), предводительнице кельтского племени иценов, отчаянно сражавшейся против римских захватчиков, первую англичанку. И действительно, ее почитаемый образ был увековечен в величественном лондонском монументе. Немецкие авторы без устали цитировали старинное сочинение Тацита, рассказывающее о племенах херусков, возглавлявшихся Арминием (Arminius), которого они полагали праотцем своего древнего народа. Даже Томас Джефферсон (Jefferson, 1743–1826), третий американский президент, владевший примерно сотней чернокожих рабов, требовал, чтобы на государственной печати Соединенных Штатов были запечатлены изображения Хенгиста (Hengist) и Хорсы (Horsa), полулегендарных предводителей первых саксонцев, вторгшихся в Британию в том же столетии, когда крестился Хлодвиг. Основанием для этого оригинального предложения стал следующий тезис: «Мы считаем себя их потомками и осуществляем их политические принципы и формы правления»²⁰.

²⁰ Цит. по: Geary P. J. *The Myth of Nations. The Medieval Origins of Europe*. – Princeton: Princeton University Press, 2002. – P. 7. Это блестящее сочинение доказывает беспочвенность утверждений большинства национальных историков в современной Европе о том, что «этнические» корни их наций восходят еще к Средневековью.

Так обстояло дело и в XX веке. После распада Османской империи граждане новоиспеченной Турции вдруг осознали, что они вообще-то белые люди, арийцы, а их далекими предками были шумеры и хетты. Некий ленивый британский офицер самовольно провел на карте Азии почти совершенно прямую линию – границу Ирака. Люди, ставшие неожиданно для себя иракцами, вскоре узнали от «авторитетнейших» историков, что являются одновременно потомками древних вавилонян и арабами, правнуками героических солдат Салах ад-Дина. Многие граждане Египта точно знают, что древняя языческая империя фараонов была их первым национальным государством, что, разумеется, не мешает им оставаться правоверными мусульманами. Индийцы, алжирцы, индонезийцы, вьетнамцы и иранцы по сей день верят, что их народы существуют испокон веков, и их дети с малолетства заучивают в школах тысячелетние исторические нарративы.

В отличие от этих явных и неприкрытых мифологий в пересаженной памяти каждого израильтянина и каждой израильтянки (разумеется, еврейского происхождения) укоренен набор бесспорных и абсолютных «истин». Всем им точно известно, что непосредственно с момента дарования Торы на Синае существует еврейский народ и что они являются его прямыми и

единственными потомками (если не считать, конечно, десяти колен, местопребывание которых до сих пор точно не установлено). Они убеждены, что этот народ «вышел» из Египта, захватил и колонизировал «Эрец-Исраэль», которая, как известно, была обещана ему Всевышним, основал величественное царство Давида и Соломона, а затем раскололся пополам и создал два царства – Иудею и Израиль. Они совершенно уверены, что этот народ был изгнан из «Страны Израиля» после завершения расцвета своей государственности, причем не один, а целых два раза: с разрушением Первого храма в VI веке до н. э., а затем в 70 году н. э., после разрушения Второго храма. Еще до того, как произошло последнее трагическое событие, этот особенный народ сумел создать еврейское царство Хасмонеев, искоренившее влияние злодеев-эллинизаторов в своей стране.

Они полагают, что этот народ, вернее, «их народ», по общему убеждению, народ чрезвычайно древний, скитался в изгнании на протяжении почти двух тысячелетий и, несмотря на столь длительное пребывание в окружении неевреев, блестящим образом уберечься от смешения и ассимиляции. Этот народ рассеялся по всему миру. В своих многотрудных странствиях он добрался до Йемена, Марокко, Испании, Германии, Польши и далекой России. Тем не менее ему все-

гда удавалось сохранять прочные узы крови, связывавшие далекие друг от друга общины, так что самобытность народа нисколько не пострадала.

Лишь в конце XIX века сложились условия, породившие уникальный исторический шанс: древний народ пробудился от долголетней спячки и подготовил почву для своей второй молодости, то есть для возвращения на древнюю «родину». И действительно, началось массовое возвращение, сопровождаемое всеобщим воодушевлением. Многие израильтяне все еще верят, что если бы не резня, устроенная страшным мясником Гитлером, «Страна Израиля» в течение короткого периода была бы заселена миллионами евреев, приехавшими туда с радостью и энтузиазмом. Ведь они мечтали об этой земле тысячелетиями!

Точно так же как народ-скиталец нуждался в собственной территории, пустынная и невозделанная страна жаждала возвращения народа, без которого не могла расцвести. Правда, в этой стране успели поселиться незваные гости, однако поскольку «народ хранил ей верность во всех странах рассеяния» на протяжении двух тысячелетий, эта страна принадлежит только ему, а не малочисленным «пришельцам», лишенным исторических корней и попавшим сюда по чистой случайности. Поэтому все войны, которые ве-

лись народом-скитальцем с целью завоевания страны, были справедливыми, а сопротивление местного населения – преступным. И лишь благодаря еврейскому (отнюдь не ветхозаветному) милосердию чужакам было разрешено и дальше жить бок о бок с народом, вернувшимся в свое восхитительное отечество и к своему библейскому языку.

Тем не менее и в Израиле эти завалы памяти возникли не сами собой. Они накапливались слой за слоем, начиная со второй половины XIX века, благодаря деятельности талантливых исторических «реставраторов», манипулировавших в основном осколками иудейской и христианской религиозной памяти и вылепивших из них при помощи богатого воображения непрерывную родословную «еврейского народа». Технология культивации коллективной «памяти» до этого времени просто не существовала; как это ни странно, с тех самых пор она практически не изменилась. Академизация изучения еврейской истории, начавшаяся с основания Еврейского (Иерусалимского) университета в подмандатной Палестине, ставшей затем Израилем, и увенчанная созданием многочисленных кафедр еврейских исследований по всему западному миру, ничего не изменила. Концепция еврейского исторического времени осталась прежней – целостной и этнонациональной.

Разумеется, в обширной историографии, посвященной еврейству и евреям, существуют различные подходы. Фабрику, занятую производством «национального» исторического наследия, постоянно сотрясают споры и разногласия. Однако до сих пор практически никто не пытался оспорить основные идеи, сформировавшиеся и укоренившиеся в конце XIX – начале XX века. Важнейшие процессы, радикально изменившие западную историческую науку в конце прошлого столетия, а также существенные перемены в сфере изучения наций и национализма не затронули отделения «истории еврейского народа» в израильских университетах. К величайшему удивлению, они почти не повлияли и на научную продукцию, поставляемую «еврейскими» кафедрами американских и европейских университетов.

Если время от времени и обнаруживались данные, не вписывающиеся в модель еврейской истории как непрерывного линейного процесса, они практически не удостоивались упоминания. Однако когда они все же изредка всплывали на поверхность, их быстро «забывали» и прятали в бездне забвения. Национальные потребности были мощными цензорами, предотвращавшими малейшие отклонения от господствующих нарративов. «Закрытые системы», занимающиеся исключительно накоплением сведений о еврей-

ском, сионистском и израильском прошлом (то есть кафедры «Истории еврейского народа», полностью отгородившиеся от отделений общей истории и истории Ближнего Востока), также во многом способствовали этому удивительному параличу, равно как и упорному нежеланию воспринять новые историографические идеи, истолковывающие происхождение и идентичность евреев. То обстоятельство, что практический вопрос: кого именно следует считать евреем, время от времени будоражил израильское общество, в основном из-за связанных с ним юридических затруднений, также нисколько не заботило израильских историков. У них был готовый ответ: все потомки народа, изгнанного два тысячелетия назад, – евреи!

Бурная полемика, развернутая так называемыми новыми историками в конце 80-х годов прошлого века, казалось, на некоторое время подорвала фундамент израильской коллективной памяти. Однако «лицензированные» исследователи прошлого практически не принимали в ней участия. Большинство тех немногих, кто был вовлечен в публичные дебаты, пришли из иных научных дисциплин или же вовсе не из академических кругов. Социологи, политологи, востоковеды, филологи, географы, литературоведы, археологи и даже независимые эссеисты изложили свои новые соображения относительно еврейского, сионист-

ского и израильского прошлого. К ним присоединились молодые ученые, обладатели докторских степеней по истории, недавно прибывшие из-за границы и еще не осевшие в израильских академических учреждениях. Из стана специалистов по «истории еврейского народа», которые должны были бы находиться в авангарде исследовательского прорыва, раздавались лишь опасливые консервативные выпады, сдобренные апологетической риторикой, опирающейся на традиционный консенсус.²¹

«Альтернативная историография» 90-х годов занималась в основном перипетиями и результатами войны 1948 года. Моральные результаты этой войны привлекли к себе основное внимание. Действительно, значение этой полемики для понимания морфологии израильской коллективной памяти не вызывает сомнения. «Синдром 48 года», по-прежнему тревожащий израильскую коллективную совесть, крайне важен для будущей политики государства Израиль. Можно даже сказать, что он является неотъемлемым условием его существования. Любой значимый компромисс с палестинцами, если он когда-нибудь будет достигнут, должен брать в расчет не только еврейское

²¹ По поводу развернувшейся полемики см. *Silberstein L. J. The Postzionism Debates. Knowledge and Power in Israeli Culture.* – New York: Routledge, 1999.

прошлое, но и недавнюю «чужую» историю.

Увы, эта важная полемика не привела к значимым исследовательским достижениям. Да и в общественном сознании она заняла лишь незначительное место. Представители старшего поколения категорически отвергли новые данные и вытекающие из них выводы. Они не сумели примирить свои профессиональные обязанности с бескомпромиссной моралью, определившей их исторический путь. Молодое поколение интеллектуалов, вероятно, было готово признаться в «грехах», совершенных в период создания государства, однако и его (не столь одеревеневшая) мораль без труда проглатывала «некоторые перегибы». В самом деле, разве можно сравнивать палестинскую драму с Холокостом? Как можно сопоставлять страдания палестинских беженцев, непродолжительное и ограниченное по своим масштабам, с судьбой народа, скитавшегося в мучительном изгнании на протяжении двух тысячелетий?

Социоисторические исследования, посвященные не столько политическим событиям, иными словами, «грехам», сколько длительным процессам развития сионистского движения, удостоились гораздо меньшего внимания и, хотя и были написаны израильянами, никогда не публиковались на иврите²². Немно-

²² Речь идет преимущественно о двух сочинениях: *Baruch Kimmerling*.

гочисленные работы, ставившие под сомнение парадигмы, лежащие в фундаменте национальной истории, не привлекли ни малейшего внимания. Среди них следует отметить смелое сочинение Боаза Эврона «Национальный счет», а также интригующее эссе Ури Рама под названием «История: между сущностью и вымыслом». Обе эти работы бросили радикальный вызов профессиональной историографии, занимающейся еврейским прошлым, однако «лицензированные» производители прошлого практически не обратили на них внимания.

Написание данной книги стало возможным благодаря научному прорыву, совершенному в 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия. Автор вряд ли отважился бы подвергнуть радикальному пересмотру самые корни своей самоидентификации и, тем более, не сумел бы перебраться через завалы памяти, с детства загромождавшие его представления о прошлом, если бы не дерзкие шаги, предпринятые Эвроном, Рамом и другими израильтянами, и, самое главное, если бы не огромный вклад «иностранных» исследователей национального вопроса, таких как Эрнст Гелл-

Zionism and Territory. The Socio-Territorial Dimensions of the Zionist Politics. – Berkeley: University of California Press, 1983; *Gershon Shafi r. Land, Labor and the Origins of the Israeli-Palestinian Conflict, 1882–1914.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

нер (Gellner) и Бенедикт Андерсон (Anderson)²³.

В лесу национальной истории кроны многих деревьев так тесно смыкаются, что за ними невозможно рассмотреть сколько-нибудь широкую перспективу, а следовательно, и оспорить господствующий «метанарратив». Профессиональная специализация заставляет исследователей фокусироваться на специфических фрагментах прошлого, пресекая тем самым любую попытку рассмотреть весь лес целиком. Разумеется, разрастающийся набор фрагментарных нарративов не может в конце концов не поколебать «метанарратив». Однако для этого историческая наука должна существовать в рамках плюралистической культуры, не находящейся под прессом вооруженного национального конфликта и не испытывающей постоянного беспокойства по поводу своей идентичности и своих корней.

Это утверждение может (отнюдь не безосновательно) показаться пессимистичным в свете ситуации, в которой пребывал Израиль в 2008 году. За шестьдесят лет существования Израиля его национальная история не слишком повзрослела, и трудно предположить, что она начнет взрослеть именно сейчас. Поэто-

²³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001; Геллнер Э. Нации и национализм. — М.: Прогресс, 1991.

му автор не тешит себя иллюзиями относительно того, как будет воспринята эта книга. Он лишь надеется, что найдутся хотя бы немногочисленные люди, готовые (уже сегодня) рискнуть, то есть подвергнуть радикальному пересмотру свое национальное прошлое. Такой пересмотр может помочь хотя бы слегка расшатать неделимую идентичность, под прессом которой рассуждают и принимают решения почти все израильтяне-евреи.

Книга, которую вы держите в руках, написана «профессиональным» историком. Тем не менее автор взял на себя риск, который обычно считается недопустимым в рамках его профессии. Четкие правила игры, принятые в научных сферах, обязывают исследователя оставаться в уготованной ему колее, то есть в области, в которой он является «настоящим» специалистом. Но даже беглый взгляд на перечень глав этой книги ясно указывает, что спектр исследуемых в ней тем далеко выходит за рамки какой-либо одной «научной» специализации. Библиисты, исследователи Древнего мира, археологи, медиэвисты и, в особенности, «специалисты» по истории еврейского народа возмутятся поведением амбициозного автора, незаконно вторгшегося в чужие исследовательские пространства.

Их претензии имеют определенные основания, и

автор сознает это в полной мере. Было бы гораздо лучше, если бы данную книгу написала группа исследователей, а не одинокий историк. К сожалению, этого не произошло, ибо «преступник» не нашел себе «соучастников». Поэтому вполне возможно, что в данной работе найдутся те или иные неточности. Автор заранее приносит извинения за все допущенные им оплошности и призывает критиков содействовать их исправлению. Поскольку автор ни в коем случае не уподобляет себя Прометею, похитившему для израильтян огонь исторической истины, он одновременно не опасается, что всемогущий Зевс, в данном случае корпорация еврейских историографов, пошлет орла, чтобы тот выклевал теоретизирующий орган – печень? – из его прикованного к скале тела. Он лишь просит обратить внимание на известный факт: пребывание вне пределов специфической сферы исследования и балансирование на разделяющих такие сферы границах иногда способствуют появлению нестандартного взгляда на вещи и позволяют обнаружить неожиданные связи между ними. Зачастую именно размышление «извне», а не «изнутри» может обогатить историческую мысль, невзирая на все слабости, связанные с недостатком специализации и необычно высокой степенью спекулятивности.

«Специалисты» по еврейской истории не имеют

обыкновения задаваться фундаментальными вопросами, удивительными на первый взгляд, но вместе с тем элементарными. Время от времени стоит проделывать эту работу ради них и вместо них. Например: действительно ли еврейский народ существовал на протяжении тысячелетий, в то время как все остальные «народы» растворялись и исчезали? Каким образом и отчего Библия, несомненно впечатляющий сборник теологических произведений, время написания и редактирования которых никому толком не известно, превратилась в надежный исторический трактат, описывающий рождение нации? В какой степени иудейское царство Хасмонеев, разноплеменные подданные которого даже не говорили на общем языке и в большинстве своем не умели читать и писать, может считаться национальным государством? Действительно ли жители Иудеи были изгнаны после разрушения Второго храма, или же это всего лишь христианский миф, отнюдь не случайно воспринятый еврейской традицией? И если изгнания не было, то что произошло с местным населением? И кем были миллионы евреев, появившиеся на исторической арене в самых неожиданных уголках мира?

Если евреи, разбросанные по всему миру, действительно образуют один народ, на какие общие признаки указывают культурно-этнографические характери-

стики евреев Киева и Марракеша – помимо общих религиозных верований и кое-каких культовых практик? Может быть, вопреки всему, что нам рассказывали, иудейство – это «всего лишь» захватывающая религия, распространившаяся по миру, прежде чем в нем восторжествовали ее конкуренты – христианство и ислам, и, несмотря на преследования и унижения, сумевшая продержаться вплоть до нашего времени? Разве концепция, определяющая иудейство как существующую с древности до наших дней важнейшую религиозную культуру, которая никогда не была единой народной культурой, умаляет его значимость, как постоянно утверждают апологеты еврейской национальной идеи на протяжении последних ста тридцати лет?

Если у различных еврейских религиозных общин не было общего светского культурного знаменателя, можно ли говорить о том, что их спланировали и выделяли «кровные узы»? Неужели евреи действительно являются особым «народом-расой», как утверждали антисемиты, стремившиеся убедить всех нас именно в этом, начиная с XIX века? Неужели Гитлер, потерпевший военное поражение в 1945 году, в конце концов одержал интеллектуальную и психологическую победу в «еврейском» государстве? Как можно нанести поражение его учению, утверждавшему, что евреи об-

ладают особыми биологическими свойствами (в прошлом это была «еврейская кровь», сегодня – «еврейский ген»), если столь многие израильтяне искренне убеждены в его правильности?

Еще одна ироническая гримаса истории: Европа знала времена, когда всякий, кто утверждал, что все евреи относятся к одному и тому же народу иностранного происхождения, немедленно квалифицировался как антисемит. Сегодня же тот, кто высказывает предположение, что люди, составляющие так называемую еврейскую диаспору (в отличие от современных израильтян-евреев), никогда не были и ныне не являются ни народом, ни нацией, моментально оказывается заклеянным как ненавистник Израиля.

Адаптация сионизмом весьма специфической национальной концепции привела к тому, что государство Израиль с самого момента своего основания, вот уже шестьдесят лет, не склонно считать себя республикой, существующей ради своих граждан. Как известно, около четверти из них не считаются в Израиле евреями, так что, в соответствии с духом израильских законов, государство и не должно аффилироваться с ними или им принадлежать. Оно с самого начала отняло у этих людей возможность присоединиться к новой метакультуре, созданной на его территории. Более того, оно целеустремленно выталкивало

их наружу. В то же время Израиль отказывался и до сих пор отказывается переродиться в федеративную демократию наподобие Швейцарии или Бельгии или в мультикультурную демократию вроде Британии или Голландии, то есть в государство, одобряющее и принимающее сложившееся в нем культурное многообразие и считающее себя обязанным в равной степени служить всем своим гражданам. Вместо этого Израиль упорно считает себя еврейским государством, принадлежащим всем без исключения евреям мира, несмотря на то что они больше не гонимые беженцы, а полноправные граждане тех стран, в которых живут по собственному выбору. Обоснование столь грубого нарушения основополагающих принципов современной демократии и сохранения безудержной этнократии, жестоко дискриминирующей часть своих граждан, по сей день основано на активно эксплуатируемой мифе о существовании вечного народа, которому суждено в будущем вернуться на «историческую родину».

Непросто рассматривать еврейскую историю под иным углом, но по-прежнему через толстую призму сионизма: преломляемый ею свет постоянно окрашивается в яркие этноцентрические тона. Читателям нужно принять во внимание следующее: данное исследование, выдвигающее тезис о том, что евреи во

все времена принадлежали к важным религиозным общинам, появившимся и обосновывавшимся в разных регионах мира, а не к «этносу», имеющему единое происхождение и постоянно скитавшемуся в изгнании, не занимается напрямую реконструкцией исторических событий. Его главная задача – критика устоявшегося историографического дискурса. По ходу дела автору поневоле пришлось коснуться кое-каких альтернативных исторических нарративов. Когда он приступил к написанию данной книги, в голове его звучал вопрос, заданный французским историком Марселем Детьеном: «Каким образом можно осуществить денационализацию (*dénationaliser*) национальной истории?»²⁴ Каким образом можно прекратить шагать по одним и тем же дорогам, мощенным из материалов, некогда выплавленных из национальных устремлений?

Изобретение понятия нации было важным этапом развития историографии, впрочем, как и самого процесса модернизации. Начиная с XIX века многие историки внесли в него деятельный вклад. К концу про-

²⁴ *Detienne M. Comment être autochtone.* – Paris, Seuil, 2003. – P. 15. Здесь, возможно, будет уместно заметить, что одним из интеллектуальных толчков к написанию этой книги послужили мои беседы с французским историком Марком Ферро. См. в этой связи его очерк «*Les Juifs: tous des sémites?*» // *Les Tabous de l'Histoire.* – Paris: Nil éditions, 2002. P. 115–135.

шлого столетия национальные «сновидения» начали блекнуть и увядать. Исследователи стали все чаще и чаще анатомировать и буквально разбирать на части величественные национальные предания, в особенности мифы об общем происхождении, откровенно мешавшие историческим изысканиям. Излишне добавлять, что секуляризация истории разворачивалась под молотом культурной глобализации, принимающей самые неожиданные формы в различных уголках западного мира.

Вчерашние идентификационные кошмары не тождественны завтрашним помыслам об идентичности. Как в каждом человеке уживаются множество текущих и многообразных идентичностей, так и человеческая история, среди прочего, – идентичность в движении. Предлагаемая читателю книга предпринимает попытку осветить этот индивидуально-социальный аспект, скрытый в лабиринте времени.

Представленный здесь длительный экскурс в историю евреев отличается от общепринятых нарративов, но это не означает, что в нем отсутствует субъективный элемент или что автор полагает себя свободным от идеологической предвзятости. Он намеренно пытается прорисовать некоторые контуры будущей альтернативной историографии, которая, быть может, приблизит появление пересаженной памяти иного ро-

да: памяти, сознающей относительный характер заключенной в ней истины и пытающейся свести заново и воедино складывающиеся местные идентичности и универсальную, критически осмысленную картину прошлого.

Создавая нации: масса как суверен и равенство как фикция

Ни одна нация не обладает естественной этнической базой, однако по мере того, как социальные конструкции национализируются, население, которое они включают или разделяют, либо над которым они господствуют, «этнизирывается», то есть начинает представлять себя в прошлом или в будущем так, как если бы оно образовывало естественное сообщество.
Этьен Балибар. Нация как форма: история и идеология (1988)

Национализм был формой, в которой демократия явилась миру, и идея нации несла ее в себе, как кокон бабочку.
Лея Гринфельд. Пять путей к современности (1992)

На протяжении более ста лет мыслители и исследователи ломают голову над вопросом о смысле понятия «нация», но до сих пор не выработано однозначное и общепринятое его определение. Вполне возможно, что согласовать это определение можно будет лишь с завершением эры национализма, после того как мудрая сова Минервы прилетит и разобьет

ключом на куски эту всесильную метаидентичность, мощно облекающую весь комплекс коллективных самовыражений в современную эпоху.

Несмотря на это, видимо, следует предварить историческое исследование, тем более способное вызвать серьезные разногласия, хотя бы кратким разбором основных встречающихся в нем понятий. Так или иначе, это будет утомительное, даже изнурительное путешествие. Такой «лексикон», снабженный пояснениями к понятийному аппарату, используемому в данной книге, позволит нам лишний раз не заблудиться в дороге и не оступиться на ее бесчисленных рывках.

В европейских языках существует термин «nation», происходящий от позднелатинского «natio». Его древний корень – глагол «nascere», означающий «порождать». До наступления XX века этот термин использовался в основном для характеристики групп людей разной величины и внутреннего устройства. В Древнем Риме, к примеру, это было общепринятое и распространенное обозначение чужеземцев (а также различных видов животных). В Средние века так называли группы студентов, прибывших издалека. В Англии на пороге Нового времени он обозначал аристократическую прослойку. Порой он употреблялся для обозначения групп населения, имеющих общее происхождение, иногда – группу людей, объединенную

общим языком. Этот термин использовался на протяжении всего XIX века весьма разнообразным образом. Споры о его значении не утихают до настоящего момента.

Марк Блок (Bloch, 1886–1944), выдающийся исследователь прошлого, в свое время отметил: «К величайшему разочарованию историков, у людей не заведено уточнять используемый ими набор слов всякий раз, как они изменяют свои обычаи»²⁵. К этому можно добавить, что одним (хотя и не единственным) из источников анахронизмов в историографии является естественная человеческая леность при создании терминологического словаря. Многие слова, пришедшие к нам из прошлого и используемые в настоящем в совершенно ином смысле и контексте, отсылаются обратно в прошлое уже в новом значении. Таким образом далекая история превращается в более близкую, схожую с нашим нынешним миром.

Изучение исторических и политических трудов или даже просто европейских словарей, изданных в современную эпоху, демонстрирует непрерывное перемещение смыслов внутри границ существующих терминов и понятий, в особенности созданных для истолкования изменяющейся социальной действительности.

²⁵ Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука, 1986. – С. 22.

сти²⁶. Трудно не признать, что (например) слово «камень» хотя и зависит от контекста, в котором появляется, все же описывает более или менее определенный, легко узнаваемый объект. Однако такие термины, как «народ», «раса», «этнос», «нация», «национальность», «страна», «родина», и другие абстрактные понятия наделялись в ходе истории бесчисленными, иногда противоречащими друг другу, иногда взаимодополняющими, однако всегда проблематичными значениями. Так, термин «nation» переводится на иврит поочередно словами «леом» и «ума»; оба слова, как и многие другие, почерпнуты из богатейшего библейского словаря. Но прежде чем приступить к изучению проблем, связанных с термином «нация», и попытаться корректно охарактеризовать это с трудом поддающееся однозначной квалификации понятие, резонно остановиться на двух других не менее проблематичных терминах, с подозрительной легкостью продолжающих путаться под неуклюжими ногами профессиональных исследователей.

²⁶ В отношении смысловых метаморфоз такого понятия, как «нация», см. сборник статей *Remi-Giraud S., Retat P. (dir.). Les Mots de la nation.* – Lyon: PUL, 1996; а также книгу *Вассермана Г. Народ, нация, родина – о зарождении, становлении и увядании трех нациообразующих понятий.* – Раанана: Изд-во Открытого университета, 2007 (на иврите).

I. «Лексикон» – народ и этнос

Почти во всех опубликованных в Израиле исторических книгах понятия «народ» и «нация» являются взаимозаменяемыми. Ивритское слово «ам» (народ), также почерпнутое из библейского лексикона, должно считаться аналогом таких европейских слов, как «volk», «peuple», «people». Однако в современном израильском иврите слово «ам», в отличие от приведенных выше европейских аналогов, не имеет прямой связи со словом «люди»; оно лишь указывает на некое неразрывное единство. В любом случае как в древнем иврите, так и во многих других языках слово «народ» кодирует чрезвычайно размытый термин, и идеологическое использование этого слова, к несчастью чрезвычайно неряшливое, до сих пор весьма затрудняет включение его в содержательный дискурс²⁷.

²⁷ Понятие «народ» многократно фигурирует в Библии и употребляется в самых разнообразных значениях – клан, племя, толпа на городской площади и даже войско. К примеру: «Иисус и весь народ, способный к войне, встал, чтобы идти к Гаю» (Иисус Навин 8: 3); «И воцарил народ земли Иосию, сына его, вместо него» (2-я Паралипоменон 33: 25). И конечно же, оно используется в значении, указывающем на священную общину – избранный Богом «народ Израиля»: «Ибо ты народ святой у Господа, Бога твоего: тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле» (Второзаконие 7: 6).

Наилучший способ дать определение тому или иному термину состоит в том, чтобы проследить его историю. Однако поскольку в одной короткой главе невозможно исчерпывающе изложить историю такого термина, как «народ», нам придется ограничиться всего несколькими замечаниями о смысловых метаморфозах, которые этот термин претерпел в прошлом.

В большинстве аграрных обществ, существовавших до начала становления современного общества в Европе XVIII века, действовали государственные метакультуры, оказывавшие огромное влияние на свою периферию и порождавшие различные коллективные идентичности в высших слоях населения. Тем не менее, вопреки мнению, широко и с энтузиазмом распространяемому многими историческими сочинениями, монархии, княжества и даже величественные империи вовсе не стремились приобщить «народ» к правительственной метакультуре. Они не нуждались в таком приобщении; кроме того, в их распоряжении не было необходимых для его реализации технологических, административных и коммуникационных средств. Крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения в досовременном мире, не умели читать и писать и продолжали беспрепятственно воспроизводить местные «непросвещенные» культурные традиции. Те из них, кто проживал в централь-

ных городах или в их окрестностях, говорили на диалектах, более или менее близких языку административных центров. Именно эти подданные и составляли то, что было принято называть «народом». Что же касается крестьян, обрабатывавших свои земли в местах, удаленных от политических центров, они говорили на диалектах, связь которых со столичным языком имела довольно условный характер.

До тех пор пока человеческие общества управлялись монархами – «милостью Божьей», а не парламентами (или сходными институтами) – «милостью народной», властители не нуждались в любви своих подданных. Их заботило другое: обеспечение надлежащей степени страха перед ними. Разумеется, им была нужна безоговорочная преданность государственного аппарата, ибо без нее невозможно обеспечить непрерывность и устойчивость власти, однако от крестьян требовалось лишь передавать казне излишки сельскохозяйственной продукции, а также время от времени поставлять монарху и аристократии наемных солдат. Понятно, что подати взимались в основном при помощи силы или, самое меньшее, под постоянной угрозой ее применения; убеждению и стремлению к общему согласию места не было. Вместе с тем не следует забывать, что существование властных силовых структур обеспечивало произ-

водителям «дорогостоящих» съестных продуктов физическую безопасность – весомая «прибавочная стоимость», порождаемая присутствием организованной власти.

Существование государственного аппарата, занимавшегося взиманием податей и сбором рекрутов, было обеспечено в основном общностью интересов высших аристократических слоев и центральной власти. Непрерывность и относительная устойчивость работы этих систем, то есть не только мирное коронование очередного монарха, но и поддержание династической монархии, уже в ту пору достигались определенными идеологическими методами. Культурная активность, процветавшая бок о бок с центрами политической власти, укрепляла лояльность высших слоев общества при помощи аргументов «не от мира сего». Это вовсе не означает, что политеистические, а затем и монотеистические религии возникли непосредственно и исключительно как властный инструмент (причины их появления гораздо сложнее), ибо в таком случае впоследствии необходимость в них отпала бы, однако почти во все времена (с важными исключениями) они способствовали репродукции властных структур.

Институционализация веры вокруг политической власти привела к возникновению тонкой, но очень

важной социальной прослойки, которая постепенно разрасталась внутри административного аппарата, иногда полностью сливаясь с ним. В дальнейшем она даже начала с ним конкурировать. Эта прослойка, состоявшая из жрецов, придворных писцов, пророков и, позднее, священников, епископов и религиозных мудрецов, находилась в зависимости от политической власти, однако свой огромный символический капитал приобретала, кроме того, благодаря своим сословным связям и возможности вести прямой диалог с божеством. Характер ее власти и используемые ею формы организации религиозной жизни в ранних сельскохозяйственных цивилизациях были весьма разнообразны, но поскольку главным источником ее силы являлась вера, она неизменно стремилась увеличить долю населения, способного ее поддержать. Но у этой прослойки, как и у административно-государственного аппарата, не было средств, необходимых для создания широкой и гомогенной массовой культуры. Правда, в ней постоянно зрело серьезное и амбициозное стремление завоевать поддержку как можно большего числа подданных, и она, несомненно, отчасти в этом преуспела.

Стратегия образования правящих коллективов вокруг административных центров государственной власти в аграрных обществах, равно как и отработан-

ная технология насаждения веры, взятая на вооружение религиозным истеблишментом, не имела ничего общего с политикой формирования идентичности, начавшей зарождаться с образованием национальных государств в конце XVIII века. Вместе с тем, как уже было отмечено, лень в том, что касается создания новых терминов, вкупе с идеологическими и политическими интересами, хорошо уживавшимися с терминологической слабостью, полностью затушевала глубочайшие различия между прошлым и настоящим, между старыми аграрными вселенными и новыми торгово-промышленными мирами, в которых мы живем по сей день.

В досовременных письменных источниках, исторических и иных, именование «народ» присваивалось группам людей, обладавшим самыми различными характеристиками. Иногда это были могущественные племена, иногда – общества, жившие под властью мелких царьков или князей, в иных случаях так обозначали крупные и малые религиозные общины или же нечто совсем иное – низшие социальные слои, не принадлежавшие к политическим или культурным элитам (отсюда презрительное ивритское «народ земли» – «простонародье»). От «галльского народа» на исходе античности до «саксонского народа» на просторах Германии в канун Нового време-

ни, от «народа Израиля» времен написания Библии до «Божьего христианского народа» («God's People», «Peuple de Dieu») средневековой Европы, от крестьянских общин, объединенных схожими диалектами, до бунтующих городских масс – ярлык «народа» легко наклеивался на самые различные людские группы, идентификационные границы которых оставались размытыми и крайне непостоянными. С усилением городов и созданием более эффективных транспортных и коммуникационных систем в Западной Европе XV века между крупными языковыми общностями обозначились более четкие границы. С этого момента термин «народ» стал прилагаться преимущественно к ним.

С возникновением в конце XVIII – начале XIX века такого явления, как национализм, одновременно идеологии и мета-идентичности, распространившейся в современную эпоху на все человеческие культуры, новой идеологии пришлось немедленно воспользоваться термином «народ», в основном чтобы подчеркнуть древность и историческую непрерывность нации, которую она пыталась вылепить. Поскольку в основе образования наций почти всегда лежали различные культурные элементы, языковые или религиозные, пережившие более древние исторические формации, можно было, прибегнув к тонкой инжене-

рии, превратить их в крючки, а затем с профессиональным усердием подвесить на них «истории народов». «Народ» превратился в подвесной мост между прошлым и настоящим, протянутый над глубочайшей ментальной пропастью, порожденной модернизацией, мост, по которому начали беспечно прохаживаться профессиональные историки всех новоиспеченных национальных государств.

Краткое рассмотрение термина «народ» следует завершить следующим предупреждением. В национальных культурах XIX века этот относительно мягкий термин неоднократно пытались связать с гораздо более жестким и проблематичным термином «раса». Эти термины зачастую воспринимались как пересекающиеся, подкрепляющие или дополняющие друг друга. Единое коллективное происхождение «народов», разумеется, возвышенное и исключительное, а иногда и совершенно чистое, стало страховым полисом, защищающим от ущерба, наносимого неполноценными, обкорнанными, но упрямыми идентичностями, продолжавшими пузыряться в гуще сплывающего современного мира. Кроме того, выдуманное единство происхождения служило эффективным фильтром, препятствовавшим нежелательному смешению с враждебными соседними нациями.

После того как первая, увы, необычайно крова-

вая половина XX века сделала фактически невозможным употребление в исторической литературе термина «раса», историки и иные исследователи взяли на вооружение более солидное понятие «этнос» (или «ethnie») в надежде не потерять прочный и интимный контакт с затерявшимся во времени прошлым. Термин «этнос» (по-древнегречески – «народ») еще до Второй мировой войны служил эффективным заменителем слов «раса» и «народ» или же связующим их промежуточным понятием. Однако массовое (как «профанное», так и «научное») употребление этого термина началось лишь в 50-е годы прошлого века, причем с тех пор он используется все чаще и чаще. Источник его притягательности состоит в том, что он изящно и систематически мешает культурные связи с «узами крови», языковую общность с биологическим происхождением или же, попросту говоря, исторические обстоятельства с фактами, требующим того же почтения, что и явления природы.²⁸

Многие авторы употребляют и продолжают употреблять этот термин с невыносимой легкостью, а зачастую и с обескураживающей интеллектуальной без-

²⁸ Критические замечания по поводу неразборчивого употребления этого термина содержатся, в частности, в следующей книге: *Schnapper D. La Communauté des citoyens. Sur l'idée moderne de nation.* – Paris: Gallimard, 2003. – P. 18.

ответственностью. Некоторые именуют этим словом некую досовременную историческую сущность, рой общих стихийных культурных проявлений, дошедший из глубокого прошлого, который, даже переплавленный временем, продолжает, пусть в измененной форме, присутствовать в настоящем. По их мнению, этническая общность – это всего лишь группа людей общего культурно-языкового происхождения, не всегда четко распознаваемая, однако способная предоставить ряд первичных материалов для национально-го строительства. Однако другие ученые авторитеты (таких тоже немало) цепляются за понятие «этнос», пытаясь с его помощью протащить через черный ход «первородную субстанцию» или же просто концепцию народа-расы, столь бурно воодушевлявшую в XIX и XX веках носителей хрупкой национальной идентичности.

Таким образом, «этнос» стал не только культурно-исторической единицей, но и некой расплывчатой сущностью, корни которой уходят в глубь времен, тогда как ее сердцевина – субъективное чувство близости, внушаемое тем, кто верит в ее существование (в значительной степени эта «сущность» играет ту же роль, что и «раса» в XIX веке). Нельзя оспаривать эту основанную на вере самоидентификацию, утверждают воодушевленные исследователи, поскольку она

перерастает в могучее ощущение исторических корней. Это ощущение следует не только иметь в виду в ходе критического разбора соответствующих явлений (что, разумеется, легитимно и даже необходимо), желательно также принять его как целое, как историческое явление, объективность которого нет смысла опровергать. Вполне возможно, признают эти исследователи, что «этнос» как фундамент современной нации не более чем миф, не имеющий достоверных оснований, но вместе с тем у нас нет иного выхода, кроме как сосуществовать с ним, и любые попытки поставить его под сомнение бессмысленны и даже нежелательны.

Вполне может показаться, что внесение сознательной путаницы в классификацию древних социальных групп, к которой в немалой степени причастны упомянутые выше ученые авторитеты, было для них непременным условием сохранения в нынешние времена неустойчивых коллективных идентичностей. Потрясающих результатов на этом поприще достиг Энтони Д. Смит, потомок беженцев из Германии, ставший одним из наиболее энергичных исследователей национальной проблемы. На относительно позднем этапе ученой карьеры он решил отвести «этническому» принципу центральную роль в своем анализе и даже назвал предложенную им систему «этносимволиче-

ской». Слово «символический» должно было несколько смягчить неприятное звучание содержательной части термина и одновременно придать ему необходимую степень неопределенности. С точки зрения Смита, этническая общность – это «группа людей, имеющая имя, мифы об общих праотцах, общие исторические воспоминания, один или несколько элементов общей культуры, связь с родиной и определенную степень солидарности, по крайней мере среди элиты».²⁹

Итак, по мнению прилежного британского исследователя, «этнос» уже не является языковой общностью, члены которой ведут коллективный образ жизни; «этнос» не обитает на определенной территории, ему достаточно связи с ней; «этнос» не обязан иметь широкий набор общих культурных черт – ему вполне достаточно лишь одной; у «этноса» может не быть реальной истории – архаические мифы исполняют свои и ее функции столь же эффективно. Общая память – вовсе не ментальный процесс, идущий из настоящего в прошлое (ибо неподалеку всегда найдется тот, кто его правильно организует), – это «природный» (стало быть, не религиозный и не национальный) процесс, свободно текущий из прошлого в настоящее. Таким

²⁹ *Smith A. D. The Ethnic Revival. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – P. 66. См. схожее определение в следующей книге: Hutchinson J. Modern Nationalism. – London: Fontana Press, 1994. – P. 7.*

образом, предложенное Смитом определение «этноса» полностью соответствует представлениям сионистов о еврейском присутствии в истории, впрочем, как и восприятию собственного прошлого панславистами, «арийцами», индоевропейцами или даже «черными евреями» в США. Вместе с тем оно имеет мало общего с привычной интерпретацией этого термина традиционными антропологами³⁰.

На исходе XX и начале XXI века «этничность», которую Этьен Балибар (Balibar) справедливо определил как абсолютно фиктивное понятие, пережила новый всплеск популярности. Этот французский философ неоднократно подчеркивал, что нации не являются этническими общностями и даже их так называемые этнические корни – вещь весьма сомнительная. Именно «национализация» человеческих обществ превращает их во все более и более «этнические»: население «начинает представлять себя в прошлом или в будущем так, как будто является естественным со-

³⁰ Неудивительно поэтому, что теория Смита служит спасительной соломинкой для сионистских историков, стремящихся подыскать подходящее определение еврейской нации. См., к примеру, книгу *Шимони Г. Сионистская идеология*. —Иерусалим: Магнес, 2001. —С. 4–8 (на иврите), а также его статью *Еврейская нация как этническая общность* в книге *Еврейская национальная идея и политика —новые перспективы*. —Иерусалим: Центр им. Залмана Шазара, 1996. —С. 81–2 (на иврите).

обществом»³¹. К несчастью, этот критический подход, предостерегающий от ловушек, расставленных этнобиологическими или этнорелигиозными определениями нации, не стал доминирующим в исторической науке. Поэтому различные теоретики национальной проблематики, а также историки, являющиеся апологетами той нации, к которой принадлежат, продолжают сдабривать свои учения и, соответственно, свои исторические нарративы густой натуралистической этнической риторикой. Относительный упадок классического «государственного» национализма в западном мире в конце XX – начале XXI века не ослабил эту тенденцию. Наоборот, в некотором смысле он ее даже укрепил.

Так или иначе, если настоящее исследование и не совсем безгрешно и в нем время от времени появляется термин «народ» (но не «этнос» из-за неприятного биологического отголоска), то подразумеваются, да и то с величайшей осторожностью, довольно размытые человеческие общности, большей частью досовременные или пребывающие на ранних этапах модернизации. Общие культурно-языковые черты этих групп никогда не были особенно прочными,

³¹ Балибар Э. *Нация как форма: история и идеология* // Балибар Э., Валлерстайн И. *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности.* — М.: Логос-Альтера, Ессе Ното, 2003. — С. 112.

ибо они образовались вследствие той или иной формы коммуникативного воздействия центров административной власти, сросшегося в рамках королевства или княжества с «низшими» формами культуры. Таким образом, «народ» – это социальная группа, живущая на четко определенной территории и обладающая морфологическими характеристиками, очерчивающими общие культурные нормы и практики нерелигиозного характера (схожие диалекты, кулинарные обычаи, предметы одежды, популярные мелодии и т. д.). Эти языковые и этнографические особенности, существовавшие до появления национальных государств, не были в достаточной степени сформированы, а потому граница между ними и соответствующими признаками других групп не была сущностной и однозначной. Во многих случаях лишь случайные исторические обстоятельства, связанные с соотношением политических сил, определили, где именно пройдет разделительная черта между «народами».

Как уже отмечалось, такого рода «народ» становился иногда точкой приложения архимедова рычага для формирования новой нации или же, наоборот, нередко оказывался стертым в прах промышленными жерновами «национализированной» современной культуры. Культура английского «народа» стала доминирующей в Великобритании, в точности как культура

Иль-де-Франса и административный язык династии Бурбонов постепенно восторжествовали на всей территории французского королевства. Наоборот, такие «народы», как гэльский, бретонский, баварский, андалузский или даже идишский, были практически полностью уничтожены в ходе этого процесса.

Процесс формирования нации может привести и к прямо противоположному результату. У некоторых культурно-языковых меньшинств, не слишком заметных до наступления эпохи национализма, из-за ускоренной культурной инженерии, направленной из центра, или в результате изолирующей их дискриминации развивается новая, обособленная идентичность (едва различимое отличие может в ходе быстрого процесса модернизации превратиться в сильнейший раздражитель). В этом случае, в основном в недрах интеллектуальной элиты, вытесненной из господствующего коллектива, возникает реакция противодействия, подчеркивающая и закрепляющая различия, которые имели раньше довольно размытый характер, и превращающая их в принципиальный повод для борьбы за суверенность, другими словами, за национальное отделение (или дробление – этот вопрос будет разъяснен ниже).

Необходимо сделать еще одно замечание, имеющее принципиальное значение для данной книги.

Для обозначения человеческих коллективов, существовавших в досовременную эпоху и объединенных исключительно религиозными нормами и практиками (культами, церемониями, заповедями, молитвами, символами веры и т. д.), мы будем использовать такие термины, как «религиозный коллектив», «религиозная община» или «религиозная цивилизация». Добавим уже сейчас (в дальнейшем мы к этой теме еще вернемся), что «народы» донациональной эпохи, точно так же как и государства, возникали и исчезали на поворотах истории довольно часто. Жизнь религиозных коллективов была, как правило (мы воспользуемся известным термином, принадлежащим французскому историку Фернану Броделю³²), «долговременной», поскольку они воспроизводили и пестовали интеллектуальную прослойку, хранившую верность традиции.

Даже ослабленные, но еще относительно устойчивые (а в некоторых случаях и находящиеся на грани развала) религиозные общины, как и народный фольклор или язык государственной администрации, зачастую становились ценным первичным материалом национального строительства. Бельгия, Пакистан, Ирландия или Израиль, при всех различиях между ними, – прекрасные тому примеры. Но несмотря на

³² Braudel F., 1902–1985.

своеобразие каждого конкретного случая, в конечном счете все способы национального строительства имеют под собой единую основу безотносительно того, что является его исходной точкой – религиозная община или «народ». Хотя религиозная составляющая и играет важную роль в процессе формирования нации, не следует забывать, что именно национализм во многом определяет характер и динамику современного религиозного темперамента. Следовательно, для того чтобы крупные человеческие сообщества и прежде всего их интеллектуальные и политические элиты взяли собственную судьбу в свои руки и начали «творить» национальную историю, древний религиозный фатализм должен существенно ослабеть.

Народы, народности, сельские сообщества, племена и религиозные общины не являются нациями, даже если их иногда и именуют таким образом. Хотя они и являются жизненно важными резервуарами тех самых исходных культурных форм, из которых вытесываются новые национальные идентичности, у них тем не менее еще нет решающих качеств, возникающих лишь под тотальным, могущественным натиском современности.

II. Нация – определение термина и его границы

Неоднократно отмечалось, что национальная проблематика XIX века не породила своего «Токвиля» или «Маркса», равно как стоящая за ней социальная логика не нашла себе «Вебера» и «Дюркгейма». «Классы», «демократия», «капитализм» и даже «государство» – все эти категории были относительно всесторонне проанализированы. В отличие от них понятия «нация» и «национализм» остались прозябать в теоретической нищете. Основная, хотя отнюдь не единственная, причина такого положения вещей состоит в том, что «нации» – не более чем дополнительное именование «народов» – представлялись первичным, чуть ли не естественным явлением, существовавшим с начала времен. Хотя многие авторы, и среди них исследователи прошлого, сознавали, что внутри человеческих сообществ, называемых нациями, происходят определенные исторические процессы, однако эти процессы воспринимались как легкие изменения сущностей, представлявшихся изначальными.

Большинство ученых жили внутри формирующихся национальных культур, поэтому они смотрели на мир

изнутри этих культур, не имея возможности выйти за их пределы и взглянуть на них глазами стороннего наблюдателя. Мало того, они еще и писали на молодых национальных языках, вследствие чего оказывались в плену у своего главного рабочего инструмента: прошлое жестко загонялось в прокрустово ложе языковых и понятийных структур, сформировавшихся в XIX веке. Так же как Маркс, закованный в социальные реалии своего времени, полагал, что в основе всех исторических процессов лежит могущественный метанарратив классовой борьбы, практически все остальные ученые, в особенности историки, представляли себе прошлое как непрерывную череду взлетов и падений извечно существующих наций, так что страницы исторических сочинений были плотно и торжественно населены подробностями их противостояний. Молодые национальные государства, разумеется, поощряли и щедро субсидировали создание подобного рода исторических моделей, ибо таким образом они укрепляли свои недавно возникшие национальные идентичности.

Изучая произведения британского мыслителя Джона Стюарта Милля (Mill, 1806–1873) или француза Эрнеста Ренана, мы обнаруживаем кое-какие «странные» наблюдения, не слишком характерные для их эпохи. В 1861 году Милль писал: «Определенную

группу людей можно назвать нацией, если ее члены объединены чувством солидарности, не связывающим их с другими людьми, – чувством солидарности, побуждающим их кооперироваться друг с другом охотнее, чем с другими людьми, желать находиться под общим управлением, а также того, чтобы это управление находилось исключительно в их собственных руках или в руках какой-то их части»³³.

Ренан, в свою очередь, провозгласил в 1882 году: «Существование нации (да простится мне эта метафора) – это ежедневный референдум, так же как существование индивидуума – это непрерывное самоутверждение жизни... Нации не являются чем-то вечным. Они имеют начало, будет у них и конец. По-видимому, их сменит европейская конфедерация»³⁴.

Даже если во взглядах этих двух мыслителей и присутствуют противоречия и колебания, демонстрация демократического характера процесса образования нации свидетельствует о понимании ими того факта, что само возникновение наций обусловлено спецификой современной эпохи. Не случайно оба этих автора

³³ *Mill J. S. Considerations on Representative Government.* – Chicago: A Gateway Edition, 1962. – P. 303. См. также *Kohn H. Prophets and Peoples. Studies in Nineteenth Century Nationalism.* – New York: Macmillan, 1946. – P. 11–42.

³⁴ *Renan E. Qu'est-ce qu'une nation?* – Marseille: Le Mot et le Reste, 2007. – P. 34–35.

придерживались либеральных воззрений, опасались массовой культуры и вместе с тем принимали принцип народовластия.

К сожалению, оба они не создали систематические обобщающие исследования, посвященные нациям и национализму. Собственно, XIX век для них еще не созрел. Знаменитые теоретики национализма, такие как Иоганн Готфрид Гердер (Herder), Джузеппе Мадзини (Mazzini) и Жюль Мишле (Michelet), не смогли проникнуть в хитросплетения национального сознания, ошибочно воспринятого ими как архаичное, а иногда и как вечное.

Первыми начали заполнять этот теоретический вакуум марксистские мыслители и лидеры начала XX века. Национальная проблема была сжатым кулаком, бившим прямо в теоретические – одновременно идеологические и утопические – физиономии Карла Каутского (Kautsky), Карла Реннера (Renner), Отто Бауера (Bauer), Владимира Ильича Ленина и Иосифа Сталина. «Историческая логика», вечное доказательство их несокрушимой правоты, в этом случае отворачивалась от них. Им приходилось противостоять чрезвычайно странному явлению, никак не вписывавшемуся в пророчества великого Маркса. Новая волна национальных притязаний в Центральной и Восточной Европе заставила их задуматься об этой проблеме все-

рьез и подвергнуть ее разбору, породившему сложные и нетривиальные умозаключения. Впрочем, сделанные ими выводы были поспешными и неизменно диктовались сиюминутными партийными нуждами³⁵.

Наиболее значимый вклад марксистов в изучение национальной проблемы состоял в том, что они обратили внимание на непосредственную связь между становлением рыночной экономики и формированием национального государства. По их мнению, подъем капитализма разрушил закрытые самодостаточные экономики, разорвал существовавшие в их рамках специфические социальные связи и расчистил место для возникновения новых отношений и нового общественного сознания. «Laissez faire, laissez aller» («Позвольте действовать, позвольте двигаться»), первый боевой клич капиталистической торговли, не породил на ранних этапах ее развития всемирную глобализацию. Он «всего лишь» подготовил условия для формирования рыночной экономики в пределах старых государственных рамок. Эта экономика стала фундаментом для образования националь-

³⁵ Рассмотрению этой проблемы посвящены следующие книги: *Davis H. Nationalism and Socialism. Marxist and Labor Theories of Nationalism to 1917.* – New York: Monthly Review Press, 1967; *Ephraim Nimni. Marxism and Nationalism. Theoretical Origins of a Political Crisis.* – London: Pluto Press, 1991; *Haupt G., Lowy M., Weill C. Les Marxistes et la question nationale, 1848–1914.* – Paris: Maspero, 1974.

ного государства с единым языком и единой культурой. Капитализм как наиболее отвлеченная форма владения имуществом больше, чем любая другая социальная формация, нуждался в законах, освещающих частную собственность, и, конечно, в системе государственного принуждения, гарантирующей их исполнение.

Поучительно, что марксисты отнюдь не игнорировали ментальную составляющую национальных процессов. От Бауэра и до Сталина они рассматривали психологию, правда, в сильно упрощенной форме, как один из аспектов дискуссии по национальному вопросу. В представлении Бауэра, виднейшего австрийского социалиста, «нация – это совокупность людей, обреченных общностью судьбы общности характеров».³⁶ Сталин, со своей стороны, подытожил затянувшуюся полемику в следующих решительных выражениях: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры».³⁷

³⁶ Сталин И. В. Сочинения. – М.: Тверь, 1946–2006. – Т. 2. – С. 298299.

³⁷ Там же. С. 296.

Это определение, безусловно, чересчур схематично, да и формулировка оставляет желать лучшего. Тем не менее эта попытка, пусть небезупречная, характеризовать нацию в контексте объективного исторического процесса остается волнующей и интересной. Делает ли отсутствие одной из перечисленных составляющих возникновение нации невозможным? И, что не менее важно, – быть может, существует динамичный политический фактор, сопровождающий различные стадии этого процесса и постоянно влияющий на них? Безоговорочная приверженность теории, трактующей классовую борьбу как призму, через которую можно разглядеть (и объяснить) любое историческое явление, а также жесткая конкуренция с национальными движениями в Центральной и Восточной Европе, эффективно оттеснявшими марксизм, помешали марксистским теоретикам продолжить исследование национальной проблемы. Они ограничились поверхностной риторикой, основным назначением которой были борьба с идеологическими соперниками и привлечение новых адептов.³⁸

В этой области оперировали и другие социалисты, не слишком продвинувшие изучение проблемы, одна-

³⁸ Критические замечания Джона Брейи по поводу марксистского подхода заслуживают особого интереса. См. *Breuilly J. Nationalism and the State.* – New York: St. Martin's Press, 1982. – P. 21–28.

ко благодаря тонкой интуиции сумевшие яснее других разглядеть народно-демократический фактор, одновременно мобилизующий и притягательный, когда речь идет о национальном строительстве. Именно они изобрели соблазнительный симбиоз между социализмом и национализмом. От сиониста Бера Борохова и польского националиста Йозефа Пилсудского (Pilsudski) до красных патриотов Мао Цзэдуна и Хо Ши Мина (Ho Chi Minh), то есть на протяжении всего XX века, традиция «национализированного» социализма неизменно одерживала победу за победой.

В чисто исследовательском плане следовало бы отметить несколько попыток рассмотрения национального вопроса (о них пойдет речь ниже), однако только в 50-е годы мы сталкиваемся с новым теоретическим подходом, нацеленным на социальный аспект формирования наций. Далекое не случайно инициатором этого подхода стал типичный эмигрант. Если марксистская методология была своеобразной призмой, позволявшей взглянуть на нацию «со стороны», то эмиграция, уход с насиженного места и жизнь в роли «чужака», представителя меньшинства, теснимого господствующей культурой, являлись едва ли не обязательными условиями овладения передовыми методологическими приемами, необходимыми для более углубленного анализа проблемы. Большинство веду-

щих исследователей национального вопроса с детства или с ранней юности были «двуязычными» (то есть в равной степени владели двумя языками), многие из них являлись выходцами из эмигрантских семей.

Карл Дойч (1912–1992) был беженцем, покинувшим после прихода нацистов территорию чешских Судет. В конечном счете он «приземлился» в американских университетских кругах. В 1953 году вышла его новаторская книга «Национализм и социальные коммуникации», не вызвавшая особенного шума, однако ставшая важной вехой на долгом пути к прояснению понятия «нация».³⁹ Дойч не располагал достаточными данными, его методологический аппарат был слишком громоздким, и все же благодаря выдающейся интуиции он сумел установить, что в основе формирования нации лежат социоэкономические процессы модернизации. Именно потребность в новых видах коммуникаций, испытываемая отчужденными друг от друга жителями больших городов, вырванными из аграрной коммуникативной среды и лишившимися привычных социальных связей, лежит в основе интеграции или дезинтеграции национальных групп. Ориентированная на массы демократическая политика, по его

³⁹ *Deutsch K. W. Nationalism and Social Communication.* – New York: M.I.T, 1953.

мнению, завершила процесс консолидации. В своем втором исследовании, вышедшем шестнадцатью годами спустя и также посвященном национальной проблеме, Дойч предложил развитие этой концепции, дав историческое описание процессов социальной, культурной и политической консолидации, лежащих в основе «национализации»⁴⁰.

Очередной прорыв в области изучения наций произошел лишь через три десятилетия с момента публикации первой книги Карла Дойча. Ускорение информационной революции в последней четверти XX века и постепенное превращение человеческого труда в манипулирование символами и знаками стали подходящим фоном для нового переосмысления старой проблемы. Кроме того, вполне вероятно, что первые признаки ослабления классического национализма как раз там, где впервые сформировалось национальное самосознание, также способствовали появлению новых парадигм. В 1983 году в Британии появились две выдающиеся книги, ставшие настоящими маяками в изучении национальной проблемы: «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона и «Нации и национализм» Эрнеста Геллнера. Отныне национализм рассматривался в основном через социокультурную призму: построение нации стало ярко вы-

⁴⁰ *Deutsch K. W. Nationalism and its Alternatives.* – New York: Knopf, 1969.

раженным культурным проектом.

Жизнь Бенедикта Андерсона также прошла в непрерывных скитаниях между различными языковыми и культурными мирами. Он родился в Китае. Его отец был ирландцем, а мать – англичанкой; во время Второй мировой войны они переселились в Калифорнию. Образование он получил в основном в Англии, где изучал международные отношения. Эта профессия способствовала частым переменам места жительства – от Индонезии до США. В его книге о национальных сообществах без труда обнаруживаются отголоски этой биографии, проявляющиеся прежде всего в глубоко критическом отношении к любым воззрениям, содержащим хотя бы намек на европоцентризм. Именно оно и привело его к утверждению (нужно признать, весьма неубедительному), что пионерами национального самосознания в современной истории выступили не кто иные, как креолы, то есть потомки колонизаторов, родившиеся в обеих частях американского континента.

Для нас очень важно определение нации, которое он приводит в своей книге: «Нация – это воображаемое политическое сообщество, и воображается оно, по определению, как что-то ограниченное, но в то же время суверенное».⁴¹ Разумеется, любая группа, пре-

⁴¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках

восходящая по своим масштабам племя или деревню, является воображаемым сообществом, поскольку ее члены не знакомы друг с другом – именно такими были крупные религиозные общины в досовременную эпоху. Однако нация создала для фантазирования сопричастности новые инструменты, которых человеческие сообщества прошлого не имели.

Андерсон подчеркивает, что становление, начиная с XV века, «капитализма печатного станка» разрушило давнее разделение между высокими священными языками, достоянием духовной элиты, и разнообразными местными наречиями, которыми пользовались широкие массы. Административные языки европейских государств также существенно распространились после изобретения печатного станка. Таким образом, были заложены основы для формирования в будущем нынешних национально-территориальных языков. Литературный роман и газета стали краеугольными камнями, на которых выросла новая коммуникативная арена, впервые обозначившая национальный забор, становившийся со временем все выше. Географическая карта, музей и другие инструменты культуры завершили (существенно позже) процесс национального строительства.

Для того чтобы границы нации уплотнились и ста-

ли непроницаемыми, религиозная община и династическая монархия, две долговременные исторические конструкции, функционировавшие на протяжении целой эпохи, должны были утратить свою прежнюю значимость. Их уход с исторической арены был одновременно административным и ментальным. Ослабили не только громадный имперский аппарат и аналогичная церковная иерархия; параллельно произошел существенный надлом в религиозной концепции исторического времени, не миновавший и традиционную веру в правителя «милостью Божьей». Граждане, ощущавшие принадлежность к нации, в противоположность подданным всех прочих политических объединений (монархий или княжеств) стали воспринимать себя как равных и, что не менее принципиально, полновластных хозяев собственной судьбы, то есть носителями суверенитета.

Книгу Эрнеста Геллнера «Нации и национализм» в немалой степени можно рассматривать как завершение монументального труда Бенедикта Андерсона. В исследованиях Геллнера новые формы культуры также являются главной движущей силой в формировании нации. Как и Андерсон, он считает, что своим возникновением новая цивилизация обязана процессу модернизации. Прежде чем приступить к обсуждению выдвинутых Геллнером идей, следует от-

метить, что правила «аутсайдерства» и «взгляда с периферии» распространяются и на него. Так же как и Дойч, он еще в юности стал беженцем, вместе с семьей покинув Чехословакию в канун Второй мировой войны. Его родители поселились в Британии, где он вырос и получил образование. С годами Геллнер стал видным британским антропологом и философом. Во всех его работах просматривается сравнительный межкультурный подход, определивший направления его интеллектуальных поисков. Свою емкую и блестящую книгу Геллнер начал следующим двойным определением.

1. Два человека принадлежат к одной нации в том и только в том случае, если они принадлежат к одной и той же культуре. Культура – это система понятий, знаков, ассоциаций, типов поведения и общения.

2. Два человека считаются принадлежащими к одной нации в том и только в том случае, если они признают друг друга принадлежащими к этой нации. Другими словами, нации создает человек...⁴²

Таким образом, субъективный аспект проблемы обязан дополнить ее объективный аспект. Их симбиоз указывает на новое, доселе незнакомое историческое явление, не существовавшее, пока бюрократизированный индустриальный мир не сделал свои пер-

⁴² Геллнер Э. Нации и национализм. —М.: Прогресс, 1991. —С. 38.

вые шаги.

Если в аграрных обществах бок о бок друг с другом сосуществовали расколотые и разобщенные культуры, сохранявшиеся на протяжении сотен и тысяч лет, то более развитое разделение труда, при котором человеческая деятельность становится менее физической и более символической, а профессиональная мобильность непрерывно возрастает, подорвало и разрушило традиционные культурные перегородки. С этого момента миру производства для поддержания своего существования необходимы единые, гомогенные культурные коды. Только что возникший феномен профессиональной мобильности, одновременно горизонтальной и вертикальной, ликвидировал изоляцию высокой культуры и вынудил ее переродиться в массовую культуру, охватывающую все более широкие слои населения. Всеобщее образование и распространение грамотности были непременным условием перехода к развитому и динамичному индустриальному обществу. Именно здесь, по мнению Геллнера, кроется важнейший ключ к объяснению политического явления, именуемого «нацией». Формирование национального коллектива – это, несомненно, социокультурный процесс, который, однако, может развернуться лишь под воздействием некоего государственного механизма, внутреннего или иностранного, при-

сутствие которого делает возможным или даже поощряет зарождение национального самосознания, культурное строительство, а позднее и более сложные явления.

Некоторые выдвинутые Геллнером тезисы вызвали многочисленные возражения⁴³. Всегда ли национализм «ожидает» завершения процесса индустриализации, прежде чем решился развернуть свои знамена и символы? Разве национальные чувства, иными словами, стремление к обретению суверенитета, не проявлялись уже на ранних стадиях капитализма, до того как возникло развитое и разветвленное разделение труда? Временами эта критика представлялась убедительной, тем не менее трудно отнять у Геллнера лавры автора важного открытия, установившего, что завершение процесса формирования нации тесно сплетено со становлением единообразной культуры, способной существовать лишь в обществе, которое не является уже ни аграрным, ни традиционным.

Для того чтобы охарактеризовать понятие «нация» в свете теоретических посылок Андерсона и Геллнера, а также на базе рабочих гипотез, выдвинутых их последователями, можно высказать предположение,

⁴³ См., в частности, *Hall J. A. (ed.). The State of the Nation. Ernest Gellner and the Theory of Nationalism.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

что «нация», хотя ее исторические проявления многообразны и текучи, обычно отличается от других социальных коллективов прошлого следующими яркими признаками.

1. Нация – это человеческое сообщество, внутри которого при посредстве системы всеобщего образования формируется гомогенная массовая культура, стремящаяся стать общей и доступной для всех его членов.

2. Внутри нации, среди всех тех, кто считает себя и сам считается принадлежащим к ней, формируется концепция гражданского равенства. Нация как гражданская общность полагает себя сувереном или требует для себя государственной независимости в случае, если не обрела ее ранее.

3. Между фактическими представителями суверенной власти или теми, кто олицетворяет стремление к независимости, и всеми гражданами вплоть до последнего должна существовать непрерывная объединяющая культурно-языковая связь, или, самое меньшее, их должно объединять некое общее представление о такой связи.

4. Предполагается, что граждане, идентифицирующие себя с нацией, в отличие от подданных властителей прошлого, осознают свою причастность к ней или же стремят-

ся стать ее частью, поскольку хотят жить под ее суверенитетом.

5. Нация располагает общей территорией, которую ее члены ощущают и объявляют своим совместным монопольным и безраздельным достоянием, так что любое посягательство на нее воспринимается ими почти столь же остро, как посягательство на их частное имущество.

6. Совокупная экономическая деятельность в пределах данной национальной территории после того, как она обрела национальный суверенитет, является (по крайней мере, так было до конца XX века) более интенсивной, нежели комплекс связей этой территории с другими рыночными экономиками.

Разумеется, это идеализированная модель нации в веберовском смысле. Как уже говорилось выше, практически нет наций, внутри которых или рядом с которыми не проживали бы культурно-языковые меньшинства, интегрирующиеся в господствующую метакультуру значительно медленнее, чем остальные группы населения. Если принцип гражданского равенства не был внедрен достаточно рано, в дальнейшем он неизменно порождал трения и расколы. В нескольких крайне редких случаях, например в Швейцарии, Бельгии или Канаде, национальное государство продолжало сохранять в качестве официаль-

ных два или три доминирующих языка, сформировавшихся отдельно друг от друга, между которыми уже поздно было наводить мосты⁴⁴. Кроме того, вразрез с представленной моделью, некоторые производственные и финансовые секторы с самого начала избежали схематического контроля со стороны национальной рыночной экономики, подчиняясь напрямую общемировым спросу и предложению.

Вместе с тем следует вновь подчеркнуть, что только в постаграрном мире с совершенно иным разделением труда, специфической социальной мобильностью и новыми процветающими информационными технологиями могли сформироваться условия для возникновения сообществ, стремящихся к культурно-языковому единству, порождающему самоидентификацию и самосознание не только внутри узких элит или других ограниченных по численности коллективов, как раньше, но и среди всех производительных слоев населения. Если раньше в рамках всех без исключения человеческих сообществах, будь то великие империи, феодальные образования или религиозные общины, явным образом существовали челове-

⁴⁴ Швейцарская модель подробно рассматривается в следующей книге: *Kohn H. Nationalism and Liberty. The Swiss Example.* – London: Allen and Unwin, 1956, а также в другом более позднем труде: *Zimmer O. A Contested Nation. History, Memory and Nationalism in Switzerland, 1761–1891.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

ческие коллективы, принципиально различные в культурно-языковом плане, то отныне все люди – высокопоставленные и самые простые, богатые и бедные, высокообразованные и почти безграмотные – не могли не ощущать свою принадлежность к определенной нации и, что столь же существенно, не сознавать, что все они принадлежат к ней в равной степени.

Концепция юридического, гражданского и политического равенства, обязанная своим существованием прежде всего социальной мобильности эпохи торгового, а позднее промышленного капитализма, породила столь привлекательную коллективную идентичность, что те, кто в нее не вписались, не могли считаться частью национального организма, а следовательно, и членами имманентного эгалитарного коллектива. Именно концепция равенства лежит в основе политического требования трактовать «народ» как нацию, назначение которой – суверенно управлять собственной судьбой. Это демократическое изъяснение, то есть «власть народа», сугубо современно и радикально отличает нации от социальных коллективов прошлого (племен, крестьянских сообществ под властью династических монархий, иерархических религиозных общин и даже досовременных «народов»).

Ни один человеческий коллектив, существовавший до начала процесса модернизации, не знал ощущение

ния всеобщего гражданского равенства, равно как и упорного стремления всей своей массы управлять собственной судьбой. Люди начали считать себя суверенными существами; отсюда берет начало концепция (или иллюзия), утверждающая, что они могут управлять своей жизнью при посредстве политических представительских институтов. Концепция народного суверенитета и есть ментальная основа, стоящая за всеми проявлениями «национального» в современную эпоху. Принцип права «народов» на самоопределение, превратившийся после Первой мировой войны в краеугольный камень международных отношений, в значительной степени является универсальной трактовкой этой демократической идеи; тем самым он подчеркивает истинную роль недавно появившихся на социальной сцене масс в современной политике.

Становление нации, безусловно, реальный исторический – однако отнюдь не спонтанный – процесс. Для того чтобы укрепить абстрактную коллективную взаимосвязь, нации, как ранее религиозной общине, необходимы собственные культы, праздники, церемонии и мифы. Чтобы превратить себя в жесткий, целостный организм, она обязана развивать непрерывную общественную и культурную активность и, кроме того, изобрести спланированную коллективную память. Эта но-

вая «встроенная» совокупность норм и практик необходима и для укрепления метасознания, иными словами, сплачивающего концептуального ментального комплекса, имя которому – национальная идея.

III. От идеологии к идентичности

Долгие годы исследователи, и, в особенности историки, считали нации изначальным, уходящим в глубокую древность явлением. Судя по их трудам, может показаться, что человеческая история началась ровно в момент появления национальных коллективов. Эти мыслители без устали смешивали настоящее с прошлым и переносили реалии нынешнего культурного мира, гомогенного и демократического, на давным-давно исчезнувшие миры. Они воспользовались историческими свидетельствами, возникшими в центрах политической и интеллектуальной власти традиционных обществ, перевели их на стандартные современные языки и приспособили к своим национальным ментальным мирам. Поскольку нации, по их мнению, существовали всегда, лишь возникновение национальной идеи как ясной политической формулы трактовалось ими как новое явление.

Подрывные идеи Эрнста Геллнера потрясли и напугали подавляющее большинство исследователей. «Национализм порождает нации, а вовсе не наоборот»,⁴⁵ – объявил он с присущим ему убийственным радикализмом и вынудил всех их, даже тех, кто это-

⁴⁵ Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – С. 132.

го не желал, вернуться к истокам старой проблемы. Разумеется, именно экономическая, административная и технологическая модернизация подготовила как потребность в нации, так и почву для ее формирования. Но этот процесс сопровождается осознанными, продуманными (или пока лишь запланированными – в случае, если какой-либо из государственных механизмов еще не руководствуется ими в достаточной степени) идеологическими практиками, порождающими язык, систему образования, коллективную память и другие элементы культуры, устанавливающие и очерчивающие границы национального сообщества. Верховный принцип, объединяющий все эти идеологические практики, требует, «чтобы политические и национальные единицы непременно совпадали».⁴⁶

Еще дальше пошел Эрик Хобсбаум (Hobsbawm), который в книге «Нации и национализм» проследил и детально изучил, когда и каким образом государственные механизмы или политические движения, стремившиеся создать свои государства, создавали и формировали национальные общности из хаотичного набора предшествовавших им культурных, языковых и религиозных элементов. Следует, впрочем, иметь в виду, что Хобсбаум прокомментировал теоретическую дерзость Геллнера таким предостерегаю-

⁴⁶ Там же. С. 25.

щим образом: «Национальные феномены имеют, на мой взгляд, двойственный характер: в главном они конструируются «сверху», и все же их нельзя постигнуть вполне, если не подойти к ним «снизу», с точки зрения убеждений, предрассудков, надежд, потребностей, чаяний и интересов простого человека...»⁴⁷

Разумеется, нам, как правило, крайне сложно выяснить, что именно думали представители «простонародья» в ходе истории, поскольку они не оставили после себя почти никаких письменных памятников – «надежных» свидетельств, помогающих историкам в нелегком деле поисков исторической истины. Тем не менее готовность граждан молодых национальных государств вступать в ряды армий и участвовать в войнах, ставших вследствие этого тотальными конфликтами, пьянящее воодушевление, охватывающее массы во время международных спортивных состязаний, их поведение в процессе государственных церемоний и праздников, а также политические предпочтения масс, проявлявшиеся в ходе решающих голосований на протяжении всего XX века, – все это убедительно доказывает, что национальное строительство было чрезвычайно успешным всенародным предприятием.

⁴⁷ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 20.

И правда, успешным – ибо только в рамках нового национально-демократического образования массы стали и формально, и ментально законными хозяевами современного государства. Государства прошлого принадлежали королям, князьям и аристократам, но отнюдь не обществу, тащившему их на своих производительных плечах. Напротив, современные демократические политические образования воспринимаются массами как их коллективная собственность. Одной из сторон воображаемого владения новым государством является отношение масс к национальной территории как к материальному имуществу. Благодаря отпечатанным картам, которые, разумеется, не были широко распространены в досовременном мире, теперь им точно известны истинные размеры своего государства, иными словами, они знают, где проходят границы их «вечного» совместного земельного владения. Отсюда, в частности, берется массовый пламенный патриотизм, равно как и впечатляющая готовность умирать и погибать не только во имя абстрактной родины, но и за любой клочок «родной» земли.

Конечно, национальная идеология по-разному распространялась среди различных социальных слоев; несомненно, ей никогда не удавалось полностью уничтожить прежние коллективные идентичности. Одна-

ко ее победоносную гегемонию в так называемую современную эпоху оспаривать не приходится.

Теория, устанавливающая, что национальная идеология создала, изобрела или сформировала различные идентичности и характеристики наций, во все не утверждает, что сама эта идеология является случайным изобретением или прихотью неких злодейских властителей и мыслителей. При рассмотрении данной проблемы мы не попадаем ни в темные конспирологические миры, ни даже на фабрику политических манипуляций. Хотя господствующие элиты всячески приветствовали и поощряли формирование национальной идентичности широких масс, рассчитывая таким образом укрепить их лояльность и готовность к подчинению, национальное самосознание представляет собой интеллектуальное и эмоциональное явление, далеко выходящее за рамки базисных силовых единоборств современной эпохи. Оно является результатом сопряжения различных исторических процессов, начавшихся на развивающемся капиталистическом Западе примерно триста лет назад. Национализм – это одновременно самосознание, идеология и идентичность, охватывающие все без исключения человеческие сообщества в современную эпоху и действенным образом удовлетворяющие самые разнообразные нужды и чаяния.

Если идентичность как таковая – призма, взгляд через которую придает миру смысл в человеческих глазах, инструмент, без которого индивидуум не способен стать социальным субъектом, то национальная идентичность – это современная призма, посредством которой государство позволяет многообразной людской массе осмыслить мир и ощутить себя историческим субъектом, единственным и неповторимым.

Уже на ранних этапах модернизации, с разрушением аграрных схем социальной зависимости, распадом сосуществовавших с ними традиционных общественных связей и упадком религии, обеспечивавшей людям аутентичные утешения, образовались своего рода ментальные трещины и пустоты, куда все более мощным потоком вливалось национальное самосознание. Разрушение (за счет профессиональной мобильности и ускорения урбанизации, распада патриархальных общин и расставания с привычными объектами и пространствами) форм солидарности и идентичности, свойственных небольшим человеческим коллективам в деревнях и городках, породило когнитивные разрывы, залатать которые посредством мощнейших идеологических абстракций смогла лишь такая тотальная политика формирования идентичности, как национальное движение, располагавшая новыми динамичными средствами информации.

Первые ростки национальной идеологии, все еще наполовину скрытые религиозными перипетиями, возшли на ранних стадиях пуританской революции в Англии XVII века (можно предположить, что ее «осеменение» произошло в момент отделения будущей англиканской церкви от Рима).⁴⁸ От этой революции начинается отсчет медленного распространения национальных ростков на восток и на запад – в пучину модернизации. Их всходы становятся еще более пышными в революционную пору конца XVIII века. Среди североамериканских борцов за независимость или французских революционеров уже началось вызревание национального самосознания, неразрывно связанное с идеей «власти народа» – решающего боевого клича новой эпохи.

В знаменитом лозунге «No taxation without representation» («Нет налогообложению без представительства»), выдвинутом упрямыми бунтовщиками-колонистами против могучей Британии, уже присутствуют и национализм, и демократия – янусово лицо еще не оформившегося, но уже стремительно рвущегося вперед явления. Когда аббат Сийес (Abbe Sieyes, 1748-1836) в своем знаменитом памфле-

⁴⁸ По поводу национализма, который впоследствии разовьется в Англии, см. *Kumar K. The Making of English National Identity.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

те 1789 года спрашивал: «Что такое третье сословие?» – между строк выглядывала, еще по-девичьи нерешительно, национально-демократическая идеология. Спустя всего три года она затопила бушующие французские города. Культ национального государства с его церемониями, праздниками и гимнами стал естественным, само собой разумеющимся для революционеров-якобинцев и их последователей.

Подрыв традиционных государственных структур в ходе наполеоновских завоеваний ускорил распространение того, что следовало бы назвать основным идеологическим «вирусом» современной политики. «Национально-демократический» вирус внедрился в сознание французских солдат, как только они уверовали, что в ранце каждого из них лежит маршальский жезл. И круги, противившиеся наполеоновским завоеваниям, и демократические движения, вскоре бросившие вызов традиционной государственности, очень быстро стали национальными. Историческая логика, стоявшая за этим стремительно распространявшимся явлением, проста: ведь только в рамках национального государства может осуществиться «власть народа».

Это еще не все. Состарившимся, ослабленным династическим империям, например прусской и австро-венгерской монархиям, а позднее и русскому ца-

ризму, пришлось, пусть в осторожных и умеренных дозах, адаптировать национальное новшество, чтобы продлить с его помощью свое осеннее увядание. В ходе XIX века национализм одерживал победы практически во всех уголках Европы, хотя полной зрелости он достиг лишь к концу века с принятием закона об обязательном образовании и введением всеобщего избирательного права. Два этих важнейших акта массовой демократии завершили формирование национальных структур.

В XX веке национальное движение обрело новый источник жизненной энергии. Расширение колониальной экспансии привело к тому, что в заморских колониях под ее репрессивным давлением стали в изобилии возникать новые нации. От Индонезии до Алжира, от Вьетнама до Южной Африки национальное самосознание становилось явлением естественным и непреходящим⁴⁹. Сегодня лишь немногие ощущают себя представителями человеческого рода, а не членами определенной нации, и не стремятся стать суверенными господами собственной коллективной судь-

⁴⁹ Для того чтобы получить представление о национализме, развившемся за пределами европейского континента, рекомендуется прочесть две книги индийского исследователя: *Chatterjee P. Nationalist Thought and the Colonial World*. – Tokyo: Zed Books, 1986; *The Nation and its Fragments. Colonial and Postcolonial Histories*. – Princeton: Princeton University Press, 1993.

бы.

Американец Карлтон Хейз (1882–1964) был, вероятно, первым профессиональным исследователем национализма, уже в 20-е годы прошлого столетия сравнившим его силу с мощью, которой обладали крупнейшие традиционные религии⁵⁰. Хейз, остававшийся, по-видимому, верующим человеком, все еще предполагал, что нации существуют испокон веков, но одновременно он всячески подчеркивал конструктивный и новаторский аспекты современного национального сознания, а также проводил тотальную параллель между верой в Верховного Бога и убежденностью в верховенстве нации. Хотя Хейз занимался в основном историей идей, он выдвинул предположение, что национализм – не просто еще одна политическая философия, являющаяся выражением определенных исторических и социоэкономических процессов, но нечто гораздо большее, ибо таящийся в нем разрушительный потенциал просто колоссален. Когда Хейз писал свою первую книгу, перед его глазами стояли миллионы только что убитых людей, в основном националистов, нашедших свою смерть на полях Первой мировой войны.

⁵⁰ Hayes C. J. H. *Nationalism as a Religion // Essays on Nationalism* (1926). – New York: Russell, 1966. – P. 93–125; *Nationalism. A Religion.* – New York: Macmillan, 1960.

С точки зрения Хейза, ослабление христианства в Европе XVIII века не было результатом исчезновения упорной и многолетней человеческой веры в существование внешних, превосходящих людские возможности сил. Модернизация всего лишь сменила традиционные объекты веры. Природа, наука, гуманизм, прогресс – рациональные категории, однако они несут в себе элементы внечеловеческой реальности, продолжающие господствовать над человеком. Кульминацией интеллектуальных и религиозных перемен конца XVIII века стало появление национальной идеологии; родившись в недрах христианской цивилизации, эта идеология с самого начала несла в себе ряд ее отличительных признаков. Церковь «обустроивала» человеческую веру в средневековой Европе, национальное государство очень похожим образом контролирует ее в наше время. Оно полагает себя носителем вечной миссии, требует, чтобы ему поклонялись, заменяет крещение и религиозный брак тщательной гражданской регистрацией; вдобавок оно относится ко всем, кто отмежевывается от национальной идентичности, как к предателям и вероотступникам – и т. д.

Многие пошли по стопам Хейза и стали рассматривать национализм как своего рода современную религию. Бенедикт Андерсон, например, считал его

разновидностью веры, пытающейся преодолеть конечность человеческого существования новым оригинальным способом.⁵¹ Другие исследователи определили национализм как подвид религии, способный придать человеческой жизни смысл в бурную, разрушающую устои эпоху модернизации. Придание смысла беспрерывно изменяющейся действительности было одной из главных функций новой секулярной веры. Некоторые исследователи объясняли национализм как современную религию, задача которой – укрепить культовыми лесами социальный порядок и классовую иерархию. Но даже если мы согласимся с теми или иными гипотезами, касающимися религиозного характера национализма, все равно без ответа остается следующий двойной вопрос: действительно ли национальная идеология порождает то, что можно назвать подлинной духовной метафизикой, а также сумеет ли она продержаться столь же длительный исторический срок, что и монотеистические религии?

Между традиционными религиями и национализмом существуют глубокие различия. Речь идет, например, об универсализме и миссионерском рвении, присущим многим религиозным верованиям, но несовме-

⁵¹ *Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. – С. 33–36.*

стимым с базисными принципами национализма, который всегда пытается отгородиться от внешнего мира. То обстоятельство, что нация почти всегда поклоняется себе самой, а не трансцендентному существу, находящемуся над ней и вне ее, чрезвычайно существенно для обеспечения мобилизации масс на службу государству – явления, которое не было систематическим в традиционном мире. Все же трудно спорить с тем, что национализм является идеологией, чрезвычайно схожей с традиционными религиями в том, что касается масштаба блестяще осуществленного им слома классовых барьеров и раскачивания различных классов на карусели взаимных уз и зависимостей. Именно национализм в большей степени, чем любая другая нормативная система или мировоззрение, преуспел в формировании и закреплении как индивидуальной, так и коллективной идентичностей, а заодно, невзирая на свой крайне отвлеченный характер, и в том, чтобы крепко сплести их воедино. Ни классовая, ни общинная, ни традиционная религиозная идентичность не сумела противостоять ему в течение длительного времени. Эти идентичности, разумеется, не испарились полностью, но они продолжали функционировать лишь в той степени, в какой им удалось вписаться в симбиотическую систему связей, выстроенную новой господствующей идентичностью.

Аналогичным образом другие идеологии и политические течения крепили и процветали лишь в той мере, в которой шли на контакт со свежее испеченной национальной идеей. Как уже было сказано, именно эта участь постигла социализм во всех его вариациях, то же самое произошло и с коммунизмом в странах третьего мира, в оккупированной Европе времен Второй мировой войны и в самом Советском Союзе. Не следует также забывать, что фашизм и национал-социализм были прежде всего не силовыми и репрессивными методами разрешения конфликта между трудом и капиталом, а специфическими версиями радикального и агрессивного национализма. Колониальная и империалистическая политика либеральных национальных государств почти всегда находила поддержку в метрополии среди националистических народных движений, а государственная националистическая идеология предоставляла этой политике эмоционально-политический кредит, без которого она едва ли могла быть успешной.

Итак, национализм – это охватившее весь мир мировоззрение, порожденное социокультурной модернизацией и ставшее в ее рамках важнейшим ответом на ментальные и политические запросы огромного числа людей, устремившихся в лабиринты новой реальности. Быть может, национальная идеоло-

гия и не единолично породила нации, как утверждал Геллнер, однако она наверняка не была изобретена ими, впрочем, как и предшествовавшими им «народами». Образование наций в современную эпоху происходило параллельно с формированием национальной идеологии. Без национализма и его политических и интеллектуальных инструментов появление наций было бы невозможным и, разумеется, было бы немисливо образование национальных государств. Любой шаг, направленный на установление границ национальной общности и очерчивание ее культурных контуров, совершался намеренно и преследовал определенные цели, сопровождаясь при этом созданием механизмов, конкретизирующих эти цели. Национальное строительство, проведение внутренних границ нации и ее культуры осуществлялись параллельно осознанию и формированию оправдывающих их идеологических механизмов. Можно сказать, что национальное сознание развивалось в ходе формирования нации, а формирование нации, в свою очередь, происходило в ходе развития национального сознания. Это был симультанный физический и интеллектуальный изобретательский процесс, одновременное практическое и теоретическое сотворение самого себя.

Нации выдумывались и изобретались самими раз-

ными способами в различных уголках земного шара, поэтому границы между новыми человеческими сообществами также оказывались весьма многообразными. Как и все прочие идеологические и политические реалии, их характер зависел от исторических обстоятельств.

IV. От этнической мифологии к воображаемому гражданскому сообществу

Ганс Кон (1891–1971), сионист чешско-германского происхождения, разочаровавшийся в еврейской национальной идеологии и переселившийся в конце 20-х годов из подмандатной Палестины в США, был, наряду с Карлтоном Хейзом, одним из отцов академического изучения национализма. Жизнь в Восточной Европе, участие в Первой мировой войне, переживания и разочарования, связанные с сионистским поселенческим движением, а также переезд в Нью-Йорк снабдили Кона ценнейшим сравнительным материалом, которого отчасти не хватало его коллеге Карлтону Хейзу.⁵² Он тоже находился в плену «органической» концепции, утверждавшей, что народы и нации существовали испокон веков; как и Хейз, он полагал, что только национальное сознание является новшеством, которое необходимо истолковать в контексте модернизации. Изыскания Кона, таким образом,

⁵² Для более подробного ознакомления с перипетиями его жизни и развитием его исследовательской мысли см. следующую статью: *Wolf K. Hans Kohn Liberal Nationalism: The Historian as Prophet // Journal of History of Ideas.* – 1976. – 4. – 37. – P. 651–672.

в значительной степени относятся к «истории идей», хотя у него встречаются и робкие попытки воспользоваться социополитической методологией. Его главный вклад в изучение национализма сводится к новаторской попытке описать и классифицировать различные его проявления.

Хотя Кон начал писать о проблеме национализма уже в 20-е годы, однако лишь в своем монументальном труде «Идея национализма», опубликованном в 1944 году, он впервые попытался сформулировать знаменитую дихотомическую теорию, благодаря которой у него появилось множество последователей, причем, как и оппонентов.⁵³ Хотя исследовательский интерес Кона к национальной проблематике был пробужден Первой мировой войной, его идеологическая и политическая позиция сформировалась под влиянием Второй мировой войны; она же «выковала» его исследовательские достижения. По мнению Кона, национальная идеология подразделяется на две основные категории. С одной стороны, речь идет о западном национализме, индивидуалистическом («волюнтаристском») по своей природе, сформировавшемся

⁵³ *Kohn H. The Idea of Nationalism (1944). – New York: Collier Books, 1967.* Из числа его более ранних сочинений заслуживает упоминания новаторская книга *A History of Nationalism in the East. – New York: Harcourt, 1929.*

на обоих берегах Атлантики; самой восточной его носителем является Швейцария. С другой стороны, следует говорить об «органической» национальной идентичности, которая двинулась на восток из Рейнской области и объединила такие страны, как Германия, Польша, Украина и Россия.

Западная национальная идеология, разумеется, за вычетом Ирландии представляет собой оригинальное явление, возникшее на базе автохтонных социополитических процессов, без существенного вмешательства извне. Она прорывалась наружу, как правило, либо когда в существующем государстве во всю разворачивался процесс модернизации, либо в самый момент его (государства) создания. Ее идеология, восходящая к традициям Ренессанса и эпохи Просвещения, базировалась на принципах индивидуализма и либерализма как в политическом, так и в юридическом плане. Господствующие слои общества, ставшие носителями национального самосознания, принадлежали к влиятельной секулярной буржуазии; именно они создали гражданские учреждения, политическое могущество которых стало решающим фактором, определившим характер формирующейся либеральной демократии. Эта часть буржуазии была глубоко уверена в своих силах, а потому сформированная ею национальная политика была чаще все-

го открытой и носила «инклюзивный» (то есть «всех включающий», «не делающий ни для кого исключений») характер. Натурализация в Америке, Великобритании, Франции, Голландии или Швейцарии зависит не только от происхождения и места рождения, но и от личной готовности человека стать частью национального целого. Несмотря на определенные несходства в национальных мировоззрениях, любой человек, ставший гражданином какой-либо из этих стран, рассматривается и юридически, и идеологически как полноправный член нации. При этом само государство трактуется как совместная собственность всех его граждан.

Согласно теории Кона, национальная идеология, возникшая в Центральной и Восточной Европе (до некоторой степени за исключением Чехии), сформировалась (исторически) преимущественно под влиянием внешних обстоятельств. Она начала развиваться лишь в эпоху наполеоновских завоеваний; ее движущим идеологическим мотивом стало противодействие идеям и ценностям эпохи Просвещения. Национальное самосознание в этом регионе созрело еще до появления современного государственного аппарата и по сути не имело к нему прямого отношения. В этих политических культурах представители среднего класса были еще относительно слабы, так что создан-

ные ими гражданские учреждения полностью подчинялись государственным и аристократическим властным структурам и раболепствовали перед ними. Их национальное самосознание было опасливым и крайне неуверенным в себе. Отсюда-то и взялась необходимость опереться на кровные узы и древнее происхождение, а также определение нации как жесткого органического «эксклюзивного» (то есть «исключающего») целого.

Националистические философии, начиная с XIX века процветавшие на территории будущей Германии, в Польше (тоже еще не существовавшей) или в России, управлявшейся самодержавной царской властью, были иррациональны и реакционны. Они четко предопределили характер политических течений, которым предстояло развиваться в этом регионе в XX веке: мистика крови и почвы стала неотъемлемой характеристикой германского национализма, а всплеск национального самосознания в славянских странах Восточной Европы был неразрывно связан с консервативной романтикой. С этого момента «чужак» уже не мог присоединиться к оформляющимся нациям, поскольку представление о них как о замкнутых этнобиологических или этнорелигиозных системах прочно закрепилось. Границы нации теперь жестко отождествлялись с «этническими» границами, и

ни один человек не мог стать ее членом «волюнтарно», то есть просто приняв соответствующее решение. Это был закономерный исторический результат долгосрочной политики идентичностей, господствовавшей в регионе.

Не вызывает сомнений, что дихотомическая теория Ганса Кона, изложенная здесь в самом общем виде, без учета ее многочисленных нюансов, была нормативной в своей основе и возникла прежде всего как реакция на приход нацистов к власти. Эмигрант, знакомый с несколькими культурами и рядом национальных движений, он считал коллективную метаидентичность Америки, своего последнего прибежища, наиболее возвышенным воплощением универсалистских тенденций, присущих западной культуре. Германия и восток Европы были в его представлении бассейном, куда стекаются мифы и легенды о древних «органических» этноцентристских коллективах⁵⁴.

Разумеется, построенная Коном идеализированная модель американского подхода к гражданству и англосаксонского национализма в целом не выдерживает сегодня критического разбора, поэтому неудиви-

⁵⁴ См. также *Kohn H. Nationalism, Its Meaning and History.* – Princeton: Van Nostrand, 1955. – P. 9–90; *The Mind of Germany. The Education of a Nation.* – London: Macmillan, 1965; *Readings in American Nationalism (with D. Walden).* – New York: Van Nostrand, 1970. – P. 1–10.

тельно, что у его теории появилось немало оппонентов. Впрочем, критиков Кона можно условно разделить на две части. Первая атакует чрезмерную схематичность построенной им дихотомии и указывает на эмпирические слабости его исторических конструкций, однако не подвергает сомнению основу его аналитической модели. Другая же отвергает на корню само проведенное им разграничение между гражданско-политическим и этноорганическим национализмами, демонстрируя при этом завуалированную симпатию к его второму варианту⁵⁵.

В действительности же в процессах развития западных обществ, классифицированных Коном как гражданские, «волютаристские» и «инклюзивные», таких как США, Великобритания, Франция или Голландия, легко обнаруживаются сталкивающиеся элементы различных противоречивых тенденций. На протяжении всего XIX века англосаксонская протестантская идентичность была главным, более того, «эксклюзивным» фактором формирования американского национализма. В стороне остались не только азиатские эмигранты, африканские рабы и корен-

⁵⁵ Критическому осмыслению его теории посвящена, в частности, следующая статья: *Kuzio T. The Myth of the Civic State: a Critical Survey of Hans Kohn's Framework for Understanding Nationalism // Ethnic and Racial Studies. – 2002. – 1. – 25. – P. 20–39.*

ное индейское население; мало того, враждебность и идентификационные опасения очень часто проявлялись и в отношении выходцев из Восточной Европы. В начале 40-х годов прошлого столетия, когда Кон писал свой новаторский труд, ни в одном из южных штатов Америки чернокожие граждане еще не «домысливались» как интегральная часть великой демократической нации⁵⁶.

Хотя британцы во все времена гордились своим разнородным происхождением (от норманнов, скандинавов и т. д.), в период наибольшего могущества либеральной Британской империи ее мыслители и политические лидеры усматривали во врожденном английском характере источник своего превосходства, а их отношение к жителям британских колоний всегда было высокомерным и пренебрежительным. Многие британцы трепетно относились к своим англосаксонским истокам: уэльсцы и ирландцы, имевшие «чисто кельтские корни», воспринимались как люди низшего сорта, не принадлежащие в полной мере к «избранному христианскому народу». На протяжении всего XIX века, когда на просторах западного мира форми-

⁵⁶ О национализме в США см.: *Grant S.-M. Making History: Myth and the Construction of American Nationhood // Hoskin G. and Schopflin G. (eds.). Myths and Nationhood. – New York: Routledge, 1997. – P. 88–106, а также: Vidal G. Inventing a Nation: Washington, Adams, Jefferson. – New Haven: Yale University Press, 2004.*

ровались национальные идентичности, немалое число французов объявляли себя прямыми потомками галльских племен и подпитывали свою враждебность к немцам вымыслом о вечной борьбе галлов с франкскими племенами-завоевателями, вторгавшимися с востока.

С другой стороны, в Центральной и Восточной Европе было немало мыслителей, направлений и движений, отстаивавших политику открытой и «инклюзивной» национальной идентичности, границы которой имели бы культурно-политическую, а не этнобиологическую или этнорелигиозную природу. В Германии, важнейшем объекте теоретической модели Кона, существовала не только этноцентрическая национальная традиция, яркими представителями которой были Генрих фон Трейчке (Treitschke) или Вернер Зомбарт (Sombart). Виднейшее место в немецкой культуре занимали такие космополиты, как Фридрих Шиллер (Schiller) и Иоганн Вольфганг фон Гёте (Goethe), а также такие либералы от национализма, как Теодор Моммзен (Mommsen) и Макс Вебер (Weber). Огромную роль в политической жизни Германии играло массовое социал-демократическое движение, рассматривавшее «германскость» как открытую культурную общность, приглашающую каждого, кто осознает себя в ее пределах, стать ее имманент-

ной частью. Точно так же обстояло дело и в царской России. Не только здешние социалисты всех направлений придерживались «инклюзивных» мнений, утверждая, что всякий, полагающий себя русским, должен считаться таковым; самые различные либеральные и интеллектуальные круги видели в евреях, украинцах и белорусах интегральную часть одной великой нации.

И все же, несмотря на эти возражения, приходится признать: в априорной интуиции Кона что-то важное было схвачено чрезвычайно точно. Разумеется, на начальных этапах становления любой «западной» нации, по сути как и любой национальной идеологии, никуда не денешься от этноцентрических мифов, вращающихся вокруг доминирующей культурно-языковой группы, почтительно рассматриваемой как исходный расовый корень. Тем не менее в западных обществах, при всех тонких различиях между ними, мы оказываемся свидетелями процесса, в ходе которого эти мифы, не исчезая полностью, тускнели и постепенно уступали место совокупности идей и эмоций, трактующих каждого природного и пришлого гражданина как неотъемлемую часть национального целого. Господствующая культура в какой-то момент начала рассматривать себя как достояние всех членов нации, а доминирующая национальная идентичность стала

пытаться охватить собой всех без исключения. Этот процесс «инклюзивной» демократизации не был поступательным и непрерывным; наоборот, в ходе его случались срывы и зигзаги, равно как и политические потрясения в периоды кризисов и нестабильности. Однако, невзирая на это, во всех либеральных демократиях реализовался гражданский сценарий, для которого будущее имело гораздо большее значение, чем прошлое. Этот сценарий сначала воплотился в новых юридических нормах, а затем проник и в государственную систему образования.

Все это происходило на протяжении XIX и XX веков в англосаксонских государствах, в Нидерландах, а также во Франции и в Швейцарии. Разумеется, эти страны не изжили расизм, равно как и высокомерное отношение определенной группы населения по отношению к другим группам. Однако процессы ассимиляции чужеродных элементов – иногда мирные, иногда насильственные – воспринимались здесь как необходимые, более того, позитивные и благотворные. И если лицемерие – это примирительный жест, который делает Зло, повстречавшись с Добром, то гражданский национализм – это относительно открытая культура, в рамках которой расисту или грубому этноцентристу приходится постоянно приносить извинения за самый факт своего существования.

С другой стороны, хотя в Германии, Польше, Литве, Украине и России также существовали влиятельные течения, стремившиеся к тому, чтобы границы соответствующих национальных идентичностей определялись гражданскими и политическими характеристиками, победа в конечном счете досталась группам, беспрестанно культивировавшим мифы о едином древнем происхождении. Взгляд на историю как на колыбель мощной и неизменной этнической единицы, обособленного «народного» генеалогического дерева, делал невозможным не только присоединение к нации новых сограждан, но и выход из ее состава (иными словами, немцы и поляки, переселившиеся в США, как и их потомки, для последовательных националистов продолжали оставаться частью немецкой или польской нации).

В отличие, скажем, от галльских племен, ставших для французской системы образования своего рода исторической метафорой (даже дети эмигрантов зазубривали в школах, что их предками были галлы, и учителя искренне гордились новоиспеченными «потомками»⁵⁷), тевтонские рыцари или древние арий-

⁵⁷ Яркой иллюстрацией осознания того факта, что Франция не является «наследницей галлов», служит свидетельство родоначальника французской национально-педагогической историографии Эрнста Лависа, приводимое в следующей книге: *Nicolet C. La Fabrique d'une nation. La France entre Rome et les Germains.* – Paris: Perrin, 2003. – P. 278–280.

ские племена к исходу XIX века стали «настоящими» прародителями значительной части современных немцев. Всякий, кто не считался их потомком, не мог считаться подлинным немцем. То же самое происходило и в польском государстве, созданном после окончания Первой мировой войны, – всякий, кто не был настоящим католиком, а, к несчастью для себя, имел еврейских, украинских или русских родителей, не считался членом аристократической и многострадальной польской нации⁵⁸. Аналогичным образом многие славянофилы полагали, что подданные империи, не родившиеся в лоне Русской православной церкви и не являющиеся природными славянами, не принадлежат к святому русскому народу и не имеют отношения к великой России.

Участь меньшинств, языковых или религиозных, в этих странах была неизмеримо более тяжелой, нежели на Западе, даже если мы временно забудем о еврейских погромах в России и о страшной нацистской бойне. Достаточно приглядеться к характеру национальных образований, возникших после распада Югославии, и к критериям (крайне сомнительным), определявшим принадлежность к ним, чтобы полу-

⁵⁸ По поводу особенностей польского национализма см.: *Porter B. When Nationalism Began to Hate. Imagining Modern Politics in Nineteenth-Century Poland.* – Oxford: Oxford University Press, 2003.

читать представление о том, насколько сильно связано этнорелигиозное самосознание со вспышками межобщинной ксенофобии. Этим «образованиям» потребовалась «религиозность», от которой практически не осталось следов, чтобы определить национальный «этнос», в действительности толком не существовавший. Но только при посредстве веры в древние мифы (не имеющие ни малейшего отношения к реальности) можно было натравить хорватских «католиков» на «православных» сербов, а тех, в свою очередь (причем невероятно жестоким образом), на боснийских или косоварских «мусульман». Неудачная политика ассимиляции, проводимая прежним коммунистическим режимом, привела к тому, что едва заметные культурно-языковые различия стали непроницаемыми стенами межобщинного размежевания⁵⁹.

Вплоть до последнего десятилетия XX века в Германии и в восточноевропейских культурах продолжал доминировать жесткий этноцентрический вариант национализма. Представители культурно-языковых меньшинств, даже получившие гражданство, по-прежнему не воспринимались доминирующим общественным сознанием как представители нации. По-

⁵⁹ О национализме на Балканах, а также в других регионах на исходе XX века см. *Ignatieff M. Blood and Belonging. Journeys in the New Nationalism.* – New York: Farrar, 1993.

томкам эмигрантов во втором и даже в третьем поколении отказывали в праве на гражданство. В то же время «этнические немцы», на протяжении столетий (зачастую со Средневековья) жившие на Востоке и не сохранившие ни малейшей культурной и языковой связи с «немецкостью», имели привилегию в любой момент (изъявив соответствующее желание) стать германскими гражданами. И только с укреплением Европейского союза, сопровождавшимся определенным упадком традиционной национальной идеологии, стали появляться признаки ослабления этноцентрической идентичности в Центральной и Восточной Европе, молча сдававшей позиции и вытеснявшейся концепцией полноценного демократического гражданства в рамках новой объединенной Европы. Не следует забывать, что в рамках этноцентрического национализма демократия – то есть управление страной представителями народа, избранными на равноправной основе, – всегда остается ущербной, поскольку не все граждане рассматриваются как легитимная часть национального целого.

Предложенная аналитическая формула, отделяющая процесс, породивший гражданский вариант национализма, от процесса, породившего его жесткую «этноорганическую» версию, оставляет без ответа вопрос об исторических корнях этого разграничения. К

сожалению, объяснения, данные Гансом Коном, недостаточно убедительны. Так, к примеру, Италия объединилась довольно поздно, примерно тогда же, когда и Германия; относительно слабый итальянский средний класс также не мог ускорить и возглавить национальное строительство. В обеих странах национальные движения возникли задолго до образования объединенного национального государства. Стоит добавить, что оба этих государства были созданы под эгидой наследственных монархий, а не буржуазными кругами при народной поддержке. Однако в Германии возобладала этнобиологическая версия национализма, а в Италии уже на исходе XIX века победила гражданско-политическая идеология.

Для того чтобы трудности, связанные с объяснением рассматриваемого явления, стали еще нагляднее, добавим несколько слов о фундаментальном различии между такими (более поздними) явлениями, как германский национал-социализм и итальянский фашизм. Оба эти движения были сугубо националистическими. Более того, одна из их функций состояла в завершении национального объединения, не достигнутого в полной мере в монархический период. Оба они были ярко авторитарными, оба считали нацию коллективом гораздо более ценным, нежели сумма ее частей (то есть людей, ее составляющих), а пото-

му презирали западный индивидуализм. Однако национал-социализм с самого начала взял на вооружение этнобиологическую идеологию и неуклонно следовал ей. В отличие от него, итальянский фашизм, по крайней мере до 1938 года, твердо придерживался политико-инклюзивной версии национализма, разработанной легендарными борцами за объединение Италии Джузеппе Мадзини и Джузеппе Гарибальди (1807–1882). Немецкоязычное население северной Италии, евреи, проживавшие в ее крупнейших городах, хорваты из захваченных в ходе войны провинций – все они рассматривались как неотъемлемая часть итальянской нации или, самое меньшее, как люди, которым в будущем предстоит к ней присоединиться.

Даже представляющая интерес хронологическая классификация национализма, предложенная британским историком Эриком Хобсбаумом, является лишь отчасти убедительной. Хобсбаум утверждал, что существуют две разновидности национальной идеологии. Первая берет начало в революционной атмосфере конца XVIII – начала XIX века и имеет яркий либерально-демократический характер; вторая, порожденная новым всплеском национального самосознания конца XIX века, имеет не менее яркие, однозначно реакционные и расистские этноязыковые признаки. Увы, даже если мы согласимся с

тем, что на исходе XIX столетия процессы урбанизации и миграции разнообразных групп населения в Восточной Европе заметно ускорились, так что контакты между ними привели к обострению межэтнической напряженности и расистским настроениям, этого совершенно недостаточно, чтобы объяснить, например, важнейший германский феномен. Другой пример – Греция, добившаяся национальной независимости в первой половине XIX века и получившая поддержку всех европейских демократов и либералов того периода; здесь едва ли не до конца XX века лелеялась жесткая приверженность этнорелигиозной национальной идее. С другой стороны, как уже отмечалось выше, итальянский национализм, сформировавшийся заметно позже, имел чистейший гражданско-политический характер. То же самое можно сказать и о чешской национальной идее. Чехи (вместе со словаками) добились государственной самостоятельности лишь после Первой мировой войны. Тем не менее они с самого начала оказались склонны – в определенной степени – к открытости и «инклюзивности» (правда, не по отношению к немецкоязычному населению). Такая склонность была чрезвычайной редкостью среди народов, сформировавшихся одновременно с чехами на развалинах Габсбургской империи.

Лея Гринфельд, вдумчивая исследовательница на-

ционализма, эмигрировавшая вместе с родителями в Израиль из Советского Союза, оставившая Израиль по профессиональным соображениям и построившая свою карьеру в США, использовала при изучении национальных движений методы сравнительного социологического анализа, заимствованные у Макса Вебера⁶⁰. Приняв в общих чертах предложенное Коном разграничение между гражданской и этнической версиями национализма, она добавила к нему еще одну классификационную характеристику – отношение к коллективизму. Так, Британия и США – страны индивидуалистические и сугубо гражданские, в то время как Франция, сформировавшаяся в ходе великой революции, сочетает гражданскую идентичность с преклонением перед политическими структурами. Поэтому ее культура в сравнении с западными соседями более гомогенна, менее либеральна и не столь терпима по отношению к проживающим в стране меньшинствам. Впрочем, на территории от Рейна до Москвы распространилась еще более проблематичная национальная концепция – коллективистская и этноцен-

⁶⁰ См. *Greenfeld L. Nationalism. Five Roads to Modernity.* – Cambridge: Mass., Harvard University Press, 1992. См. также ее статью *Nationalism in Western and Eastern Europe Compared // Hanson S. E. and Spohn W. (eds.). Can Europe Work? Germany and the Reconstruction of Postcommunist Societies.* – Seattle: University of Washington Press, 1995. – P. 15–23.

трическая одновременно. В здешних культурах нация воспринималась как первичное и неизменное явление, а принадлежность к ней определялась исключительно генетической преемственностью.

По мнению Гринфельд, основная причина различий в стратегических направлениях развития национальной идентичности кроется в характерах исторических субъектов, ответственных за ее формирование. На Западе это были достаточно широкие социальные слои, адаптировавшие национальное сознание и ставшие его носителями. В Англии речь идет о низшей аристократии и присоединившихся к ней городских жителях, имевших довольно высокий уровень грамотности, в Северной Америке – о колонистах различного происхождения, во Франции – о влиятельных буржуазных слоях. На Востоке первопроходцами национальной идеи были гораздо более узкие общественные круги: в немецком культурном пространстве – маленькие группы интеллектуалов, стремившиеся поднять свой статус в консервативно-иерархическом обществе, в России – ослабленная аристократия, адаптировавшая новую идентичность в надежде сохранить с ее помощью последние привилегии, которые у нее еще оставались. Продолжительная социальная изоляция первоначальных носителей «восточного» национализма в значительной мере обу-

словила и его закрытый характер, и его глубокую погруженность в мифологическое прошлое.

Другие исследователи предложили дополнительные объяснения многообразных проявлений национального самосознания, породивших столь различные «истории» в разных частях Европы и во всем мире. По мнению Геллнера, на Западе построение наций не требовало значительных усилий и, соответственно, жертв. Попросту существование высокой культуры, развивавшейся в течение длительного времени, облегчило задачу настолько, что для того чтобы очертить «границы нации», необходимы были лишь незначительные культурные «правки». Напротив, в восточном «хаосе», не знавшем длительной традиции высокой культуры, культурно-языковым группам пришлось прибегнуть к гораздо более сильным (и силовым) методам национального строительства, в частности к отстранению, изгнанию и даже физическому истреблению представителей других культурных коллективов. Однако теория Геллнера, как и аналитика Хобсбаума, совершенно неприменима к Германии. Несмотря на то что в немецком обществе высокая культура существовала еще со времен Реформации, германское национальное самосознание в конечном счете приобрело яркий этноцентрический характер.

Роджер Брубейкер, американский социолог, проведший тщательное и систематическое сравнительное исследование процессов развития двух наций (nationhood), немецкой и французской, также пришел к выводу, что существование сложной мозаики культурно-языковых групп на германо-славянском пространстве, а также серьезные трения между ними являются одной из центральных причин глубокого отличия французского национализма от немецкого.

На протяжении длительного времени не существовало мощного национального государства, способного «германизировать» поляков и другие меньшинства, жившие бок о бок с носителями германских диалектов. С другой стороны, здесь, в отличие от Франции, не возник революционный режим, способный объединить всех «этнических немцев», живших в различных языковых средах⁶¹.

По сей день не существует общепринятой «синтетической» теории, способной объяснить весь спектр

⁶¹ *Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany.* – Cambridge: Mass., Harvard University Press, 1992. – P. 5–11. Позднее Брубейкер отверг терминологическое различие «гражданского» и «этнического» национализма и предпочел ввести разграничение между национализмом, «формируемым государством» (state-framed), и национализмом, выступающим «против государства» (counter-state). См. *The Manichean Myth: Rethinking the Distinction Between «Civic» and «Ethnic» Nationalism // Kriesi H. et al. (eds.). Nation and National Identity. The European Experience in Perspective.* – Zurich: Ruegger, 1999. – P. 55–71.

известных нам национальных проявлений и динамику их развития на протяжении последних двух столетий. Предлагались самые разнообразные объяснения: социоэкономические, психологические, демографические, географические и даже политико-исторические, однако все они оказались фрагментарными и неполными. На вопрос, почему некоторые нации, пестуя свою идентичность, долгое время сохраняли приверженность этноцентрическим мифам, а другие довольно быстро их «переросли» и сумели построить зрелую демократию, по-прежнему нет достойного ответа. Вероятно, в этой области необходим новый исследовательский прорыв, а также существенное обогащение эмпирической базы.

Укорененная примордиальная идентичность, представление о прямой биологической преемственности, концепция избранного народа-расы не появились в сознании человеческих коллективов сами собой, на пустом месте. Для формирования национального сознания, неважно, этноцентрического или гражданского, необходимы культурные люди, причем постоянно и повсеместно. Для того чтобы «запомнить» и закрепить в коллективной памяти исторические образы, лежащие в основе национальной идентичности, коллектив должен располагать образованными творцами культуры, «властителями памяти» и законодателями.

Хотя появление национальных государств принесло многообразные выгоды самым различным слоям общества, именно интеллектуалы сыграли решающую роль в их становлении. Они же, по всей вероятности, произвели на свет основной национальный символический капитал.

V. Интеллектуал как «государь» нации

Карлтон Хейз, тщательно проследивший возникновение и развитие националистической идеи в классических текстах современных мыслителей, уже в 20-е годы предыдущего столетия пришел к следующему выводу: «Суть процесса в том, что национальная теология интеллектуалов постепенно превращается в национальную мифологию масс»⁶². Том Найрн, значительно более поздний, но ничуть не менее оригинальный исследователь, вовсе не случайно шотландец по происхождению, добавил к этому следующее блестящее замечание: «Новой национальной интеллигенции, состоявшей из представителей среднего класса, нужно было пригласить широкие массы войти в ворота истории; пригласительная открытка при этом должна была быть написана на доступном массам языке»⁶³.

Две эти рабочие гипотезы могут быть приняты, лишь если мы откажемся от многолетней исследова-

⁶² Hayes C. J. H. *Nationalism as a Religion // Essays on Nationalism* (1926). – New York: Russell, 1966. – P. 110.

⁶³ Nairn T. *The Break-Up of Britain. Crisis and Neo-Nationalism*. – London: NLB, 1977. – P. 340.

тельской традиции, считающей идеи крупнейших национальных мыслителей первопричиной или хотя бы точкой отсчета исторических процессов. Однако национальное сознание – не теоретическое явление, зародившееся в кабинетах ученых мужей, а затем воспринятое массами, изголодавшимися по идеологии, и оттого ставшее образом жизни⁶⁴. Для того чтобы понять механизм распространения национальных идей, нам следует в первую очередь определить, какую роль сыграли в этом процессе интеллектуалы. Прежде всего необходимо остановиться на различии в социополитическом статусе интеллектуалов в традиционном и современном обществах.

История не знает ни одного общественного коллектива, кроме, разве что, ранних этапов племенного строя, который не породил бы интеллектуальной прослойки. Хотя само существительное «интеллектуал» относительно недавнего происхождения (оно появилось в конце XIX века), уже на самых ранних этапах разделения труда появилась и процветала категория людей, главным занятием которых было изобретение символов и культурных кодов и манипулирование ими. Этот род занятий обеспечивал им безбедное существование. Во всех аграрных обществах суще-

⁶⁴ Классическая книга Эли Кедури является ярким примером подобного подхода. См. *Kedourie E. Nationalism.* – London: Hutchinson, 1960.

ствовавали культурные элиты (колдуны, шаманы, королевские клерки, жрецы, а также клирики, придворные шуты и иконописцы), создававшие, упорядочивавшие и распространявшие слова и образы в трех основополагающих культурных сферах: прежде всего, в сфере накопления знаний, затем – в сфере идеологий, укрепляющих существующий социальный порядок, и, наконец, в том, что касается метафизического объяснения магического космического миропорядка.

Жизнь подавляющего большинства этих культурных элит, как уже отмечалось в начале данной главы, теснейшим образом сплеталась с жизнью высших политических и экономических кругов. Во многих случаях зависимость культурных элит от власти имущих была очень высокой, иногда эти элиты пользовались той или иной степенью автономии, изредка, когда им удавалось обрести прочную экономическую базу, они обретали некоторую самостоятельность. Впрочем, эта зависимость не была односторонней: политические элиты, вписывавшиеся в мозаику форм экономического производства традиционного общества совсем иначе, чем сегодня, нуждались в культурных элитах для упрочения своей власти.

Соединив рассуждения Антонио Грамши (Gramsci, 1891–1937) о месте интеллектуалов в системе экономического производства с теорией модернизации

Эрнста Геллнера, мы сможем сделать несколько дополнительных замечаний относительно роли, сыгранной интеллектуалами в становлении национальной идеи и самих наций. По мнению итальянского марксиста, «всякая социальная группа, рождаясь на исходной почве существенной функции в мире экономического производства, органически создает себе вместе с тем один или несколько слоев интеллигенции, которые придают ей однородность и сознание ее собственной роли»⁶⁵.

Итак, для того чтобы удерживать власть на протяжении длительного периода времени, недостаточно голый силы, необходимо постоянно порождать этические и юридические нормы. Именно образованные круги формируют массовое сознание, обеспечивающее устойчивость классового порядка, с тем чтобы он не нуждался в постоянном и демонстративном применении насилия. Типичными интеллектуалами в досовременном мире были придворные летописцы, художники, зависевшие от милости князя или монарха, а также всевозможные служители культов. Духовенство более чем кто-либо другой способствовало укоренению нормативной идеологии в досовременных обществах. Грамши в свое время признал, что

⁶⁵ *Грамши А.* Тюремные тетради. Часть 1. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – С. 328.

процесс зарождения интеллектуальной прослойки в классическом и феодальном мирах требует дальнейшего исследования. И действительно, его замечания по этому вопросу нерешительны и неубедительны. В противоположность Грамши, Геллнер проявил небольшую дерзость и предложил гораздо более интересные гипотезы.

Как отмечалось выше, придворным летописцам и священнослужителям в догутенберговские времена не было нужды соприкасаться с широкими массами, да они и не располагали необходимыми для этого коммуникационными технологиями. Идеологическая легитимация королевской власти и контроля над земельными владениями имела ограниченную релевантность и интересовала в основном административный аппарат и земельную аристократию. Хотя среди религиозных элит уже начала созревать заинтересованность к контакту со всем населением государства, то есть прежде всего с крестьянской массой, до поры до времени и эти элиты избегали слишком тесных отношений с ней. Геллнер прекрасно описал действие «интеллектуальных механизмов» в аграрных обществах: «Очень сильна тенденция церковных языков к расхождению с разговорными, как будто бы уже сама по себе грамотность не создала достаточного барьера между духовенством и мирянами, и эту

пропасть следовало еще углубить, не только переве-
дя язык в мудреные письма, но и сделав его непо-
нятным для слуха»⁶⁶.

При дворах политеистических государств антично-
го Средиземноморья функционировали относительно
немногочисленные священнослужители. Быстро рас-
пространявшийся монотеизм постепенно породил бо-
лее широкую интеллектуальную прослойку. Число об-
разованных людей, умевших читать и писать (от древ-
них ессеев до миссионеров, монахов, раввинов и свя-
щенников) и вступавших в интенсивный и многообраз-
ный контакт с земледельческими массами, неуклон-
но увеличивалось. Это, несомненно, одна из причин,
благодаря которым религии сохранялись в течение
длительных промежутков исторического времени, а
империи, монархии, княжества и «народы» постоян-
но появлялись и исчезали. Религиозные институты,
никогда не сраставшиеся полностью со светской вла-
стью, добивались различных степеней автономии по
отношению к правящим политическим и социальным
классам. Они создавали собственные коммуникатив-
ные системы и неизменно воспринимались как обслу-
живающие общество в целом. Отсюда и удивитель-
ная устойчивость распространявшихся ими верова-
ний, культов и образов. Другая причина состоит в том,

⁶⁶ Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – С. 46.

что духовная продукция, поставляемая ими массам, по-видимому, ценилась выше, чем мирская (и порабошающая) безопасность, обеспечиваемая политической властью: «божественный авторитет» гарантировал тем, кто находился под его защитой, очищение, милосердие и избавление на том свете.

Следует добавить, что автономия религиозных институтов в досовременном мире обеспечивалась не только авторитетом и широкой распространенностью их универсалистской идеологии, но и прямой материальной поддержкой со стороны верующих сельскохозяйственных производителей. Более того, многие священнослужители сочетали работу на земле с духовными занятиями. Позднее представители хорошо организованного высшего духовного сословия стали отдельным социэкономическим классом и даже особой юридической инстанцией (например, католическая церковь).

Несмотря на возрастающую популярность религиозных элит, живших в сельскохозяйственной вселенной, и их преданность пастве, они удерживали под контролем главный инструмент, позволявший им укреплять свою власть. Умение читать и писать, как и владение священным языком, оставалось достоянием «людей книги», не имевших ни желания, ни возможности распространять свои знания среди широких

масс. Бенедикт Андерсон сформулировал это следующим превосходным образом: «Образованные люди были... стратегической стратой в космологической иерархии, на вершине которой располагалось божественное».⁶⁷ Они знали священный, а зачастую и административный язык и вместе с тем владели диалектами, на которых изъяснялось крестьянское население. Осуществление двуязычными или трехязычными интеллектуалами посреднических функций давало им мощь, отказаться от которой было непросто.

Процесс модернизации, в ходе которого церковь утратила свое влияние, религиозные общины поределли, исчезла традиционная зависимость средневековых производителей культуры от меценатов и сформировалась рыночная экономика, превратившая все, что только можно, в объект купли-продажи, существенно перекроил морфологию культуры, что не могло не привести к постепенным переменам в статусе интеллектуалов.

Грамши многократно подчеркивал прочную связь «новых образованцев» с поднимающейся буржуазией. Эти интеллектуалы, названные им «органическими», не располагают значительным капиталом; как

⁶⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. — С. 39.

правило, они происходят из городских и сельских средних слоев. Некоторые из них стали специалистами по управлению производством, другие преуспели в свободных профессиях, третьи избрали карьеру государственных служащих.

На вершину пирамиды Грамши помещает «творческих работников в области различных наук, философии, искусства и т. д.»⁶⁸, однако понятие «интеллектуал» в его интерпретации является чрезвычайно широким и включает в себя также политиков и бюрократов, то есть большинство тех, кто выполняет организационные и регулирующие функции в современном государстве. Фактически (хотя он и не говорит об этом напрямую) новый государственный аппарат как «органическое интеллектуальное сообщество» заменяет в его теории рационального «государя», знаменитого правителя, описанного Н. Макиавелли (Machiavelli, 1469–1527). Однако в отличие от мифологического прообраза, созданного выдающимся флорентийским мыслителем, современный государь не становится единоличным абсолютным властителем, ибо его место занято корпусом интеллектуалов, составляющих управленческий аппарат национального государства. Этот аппарат является не выразителем собственных

⁶⁸ Грамши А. Тюремные тетради. Часть 1. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – С. 333.

интересов, а (во всяком случае, в принципе) представителем всей нации, поэтому он порождает «эгалитарный» универсальный дискурс. По мнению Грамши, в буржуазном обществе интеллектуально-политический «государь» остается партнером, зависящим от собственных классов, владеющих средствами производства.

И только с приходом к власти партии рабочих – нового интеллектуального «государя» – политическое устройство общества приобретет подлинно универсальный характер⁶⁹.

Нет необходимости солидаризироваться с политической утопией Грамши (призванной оправдать активную деятельность высокообразованного человека в рабочей партии), чтобы в полной мере оценить его вклад в выяснение функций интеллектуальной элиты в современном государстве. В отличие от аграрных обществ, модернизация и порожденное ею разделение труда требовали от политического аппарата все более разветвленной и многообразной интеллектуальной деятельности. Разрастание этого аппарата привело к тому, что он поглотил (и выпестовал внутри себя) основную часть образованного населения, в то время как большинство людей по-прежнему оста-

⁶⁹ См. Грамши А. Современный государь // Избранные произведения. В 3 т. – М.: Политиздат, 1959. – Т. 3. – С. 111–216.

вались безграмотными.

К каким же социальным слоям принадлежали первые «интеллектуалы», появившиеся на поверхности в ходе бюрократизации государства? Ответ на этот вопрос, вероятно, поможет вскрыть исторические причины, обусловившие возникновение двух различных разновидностей национализма – гражданского и этнического. В Британии еще со времен пуританской революции работники государственного аппарата рекрутировались из среды новой низшей аристократии и торговой буржуазии. В Соединенных Штатах государственные служащие набирались из сословия богатых фермеров и зажиточных горожан. Во Франции «люди мантии» были в основном выходцами из торговой и финансовой буржуазии; к тому же потрясения, вызванные революцией, влили в жилы государственного аппарата французского государства новую социальную кровь.

В Германии, со своей стороны, прусская королевская администрация состояла в основном из консервативных юнкеров, их отпрысков и приближенных, причем превращение Пруссии в Германскую империю в 1871 году не сразу изменило ситуацию.

В России царский режим также рекрутировал «общественных служащих» из среды традиционной аристократии. Известно, что в Польше именно аристокра-

ты стали первыми борцами за создание независимого национального государства. Отсутствие революционных преобразований, способных вывести на передний план представителей новых динамичных образованных сословий, перемешать социальные порядки, оставило за бортом политической жизни интеллектуалов неаристократического происхождения на ранних этапах «огосударствления» (étatisation). Поэтому они и не участвовали в формировании протонациональных идеологий.

Французский мыслитель Раймон Арон (Raymond Aron, 1905-1983) в свое время задался вопросом, не является ли расизм, среди прочего, снобизмом бедняков.⁷⁰ Помимо того что это высказывание ясно идентифицирует ментальное состояние современных масс, оно указывает и на исторические корни представлений об «узах крови», очерчивающих границы некоторых национальных сообществ. Как известно, в досовременную эпоху именно аристократы считали «кровь» критерием принадлежности к своей среде. Только в аристократических жилах текла «голубая кровь», причем этой «текучей» чести аристократы удостоились исключительно благодаря драгоценному «семени своих предков». В старом аграрном ми-

⁷⁰ Aron R. Les Desillusions du progrès. Essai sur la dialectique de la modernité. – Paris: Calmann-Lévy, 1969. – P. 90.

ре возможность апеллировать к биологическому детерминизму как к критерию классификации человеческих существ была, вероятно, важнейшим символическим капиталом, находившимся в распоряжении правящих классов. На нем базировались юридические правила, закреплявшие продолжительную и стабильную власть над землями и над государством. Поэтому, как некогда заметил Алексис де Токвиль, в долгие Средние века подъем по иерархической лестнице был возможен исключительно в рамках церкви.⁷¹ Духовенство оставалось единственной социальной средой, где люди классифицировались не только в контексте своего происхождения; по мнению де Токвиля, именно отсюда пошла современная концепция социального равенства.

Массивное присутствие вырождающейся аристократии и ее приверженцев в качестве «новых интеллектуалов» в ядре государственных аппаратов стран Центральной и Восточной Европы, по всей видимости, повлияло на характер формирования будущей национальной идентичности. Когда наполеоновские войны вынудили государства, находившиеся к востоку от Франции, надеть народные костюмы и замаскироваться под нации, их лояльные, консервативные монархические интеллектуалы взрастили исходные

⁷¹ де Токвиль А. Демократия в Америке. – М.: Весь мир, 2001. – С. 5.

идеологические посылки превращения вертикальной концепции «голубой» крови в горизонтальную. Аристократическая идентичность стала в рамках этой исторической метаморфозы первой нерешительной пробой протонациональной идентичности. Очень скоро, усилиями более поздних интеллектуалов, эта незрелая идентичность перевоплотилась в основополагающий идеологический и юридический принцип, объявляющий принадлежность к «этнической» нации исключительным «правом крови» (*ius sanguinis*). Принятое в западных странах автоматическое вхождение в нацию по праву рождения на соответствующей территории (*ius soli*) категорически отрицалось в восточноевропейских национальных государствах.

Увы, и на этот раз итальянский сапог безжалостно растаптывает любую чересчур амбициозную концепцию. В самом деле, отчего в Италии так рано восторжествовал гражданско-политический вариант национализма? Ведь и на Апеннинском полуострове первыми интеллектуалами, составившими государственный аппарат, были выходцы из традиционной аристократической среды. Можно лишь предположить, да и то не очень уверенно, что этноцентрические тенденции в процессе становления итальянской идентичности были в значительной степени обузданы влиянием папской курии и насаждаемого ею во всех слоях об-

щества (того самого общества, на базе которого будет формироваться итальянская бюрократия) католического универсализма. Не исключено, что яркая политическая мифология, основанная на воспоминаниях о Древнем Риме, республиканском и имперском, стала уникальной гражданской «прививкой». Возможно также, что бросающиеся в глаза внешние различия между жителями южной и северной Италии не дали утвердиться концепции «этнического» единства.

Разумеется, мы смело можем пойти другим путем – отбросить аналитические рассуждения Грамши и заняться выяснением роли интеллектуалов в процессе национальной модернизации на более прочной научной почве. Для этого имеет смысл ограничить применение термина «интеллектуал» лишь людьми, занимающимися созиданием, упорядочиванием и распространением культуры в современном государстве и его ведомствах, пронизывающих гражданское общество. И в этом случае не составляет труда установить, насколько незаменимой была их роль в ходе формирования национальной идеи и становления нации.

Как упоминалось выше, Бенедикт Андерсон подчеркивал, что одной из главных предпосылок, подготовивших наступление национальной эпохи, стало изобретение печатных технологий, начавших свое шествие по Западной Европе в конце XV века.

Эта культурно-технологическая революция подорвала статус священных языков и способствовала широкому распространению языков административных, которые впоследствии стали национальными. Авторитет священников, для которых владение священными языками было важным символическим капиталом, стал постепенно падать. Священники, высокий статус и (отчасти) материальное положение которых базировались на двуязычии, завершили историческую миссию и должны были искать другую точку приложения своих сил.⁷²

Расширение рынка символических ценностей, доступных на национальных языках, открывало множество новых возможностей. Расцветающая книжная индустрия требовала иных специализаций и интеллектуальной деятельности нового рода. С этого момента философы и ученые, а затем также писатели и поэты постепенно перестали писать на латыни и перешли на французский, английский, немецкий и другие новые литературные языки. На следующем этапе появление газет многократно умножило читательскую аудиторию и, естественно, расширило коллектив лю-

⁷² Интересующимся связью между национализмом и формированием новых языков рекомендуется прочесть главу *Nations and Languages* в книге *Billing M. Banal Nationalism*. – London: Sage Publications, 1995. – P. 13–6.

дей, занимающихся писательским трудом в расчете на широкие массы. Однако главным распространителем национального языка и национальной культуры стало государство, все сильнее менявшее свой характер. Для того чтобы продвинуть свою промышленность и выстоять в конкуренции с другими национальными экономиками, государственному аппарату пришлось отнять у церкви функции органа, ответственного за систему образования, и превратить эту систему в общенациональное предприятие.

Всеобщее базисное образование и формирование общепринятых культурных кодов были необходимым условием для появления сложных специализаций, востребованных современным разделением труда. Поэтому все без исключения государства, успешно прошедшие стадию «национального строительства», как авторитарные, так и либеральные, вводили начальное образование в качестве всеобщего и неотъемлемого права всех граждан. Более того, ни одна «зрелая» нация не обошлась без закона об обязательном образовании, требующего от всех членов нации отправлять детей в школы. Школа стала важнейшим инструментом насаждения идеологии (конкурировать с ней могли только армия и война), превратившим всех без исключения подданных в граждан, иными словами, в людей, сознающих свою национальную

принадлежность⁷³.

И если Жозеф де Местр (Maistre, 1753–1821), консервативный французский мыслитель, в свое время утверждал, что при монархическом режиме главной опорой социального порядка является палач, то, по мнению Геллнера, снова блеснувшего провокативным афоризмом, в национальном государстве важнейшую функцию охраны порядка выполняет университетский профессор⁷⁴. Отсюда следует, что новый гражданин-националист лоялен прежде всего своей культуре, а не правителям.

Утверждение Геллнера, гласящее, что в результате современное общество превращается в общину, целиком состоящую из священнослужителей и историков⁷⁵, не совсем точно. Хотя грамотность и стала всеобщей, внутри нации возникло новое разделение труда – между теми, кто производит и распространяет культурные ценности, зарабатывая таким образом на жизнь, и теми, кто потребляет и реализует эти ценности. Избираемые министры культуры, универ-

⁷³ Существует чрезвычайно мало эмпирических исследований, посвященных «национализации масс» в крупных национальных сообществах. Одним из исключений является следующее относительно раннее сочинение: *Weber E. Peasants into Frenchmen*. – Stanford: Stanford University Press, 1976.

⁷⁴ Геллнер Э. Нации и национализм. —М.: Прогресс, 1991. —С. 90.

⁷⁵ Там же. С. 85.

ситетские лекторы и исследователи, школьные преподаватели и даже воспитательницы детских садов составляют иерархическое сообщество интеллектуалов, состоящее на службе у государства и выполняющее функции сценаристов, режиссеров, а зачастую и ведущих актеров грандиозного культурного спектакля, называемого «национальной жизнью». В качестве актеров второго плана к ним присоединяются «агенты» культуры из таких областей, как журналистика, литература, театр, а со временем кинематография и телевидение.

В государствах, существовавших до образования наций, прежде всего в Западной Европе, «агенты» культуры были важным и эффективным вспомогательным корпусом, сражавшимся бок о бок с административным чиновничеством, судебной системой и объединившимся с ними военным аппаратом во имя создания нации. Внутри коллективных меньшинств – культурно-языковых или религиозных, именуемых, как правило, «этническими» и страдавших от дискриминации в наднациональных государствах и имперских сверхдержавках, – интеллектуалы были едва ли не единственной движущей силой, ответственной за стремительное превращение их в новые нации.

На территориях, управлявшихся Австро-Венгерской монархией, царской Россией, Османской им-

перией, а позднее и в британских, французских, бельгийских и голландских колониях образовались энергичные сообщества принадлежавших к угнетаемым меньшинствам интеллектуалов, возмущенных культурной дискриминацией, насильственной языковой экспансией и религиозными преследованиями. Важно иметь в виду, что эти сообщества возникли уже после того, как в метрополии задули националистические ветры – еще совсем слабые в разваливающихся многонациональных государствах и мощные в молодых империях. Возмущенные интеллектуалы были прекрасно знакомы с высокой культурой, начавшей формироваться в очагах власти; при этом они ощущали свою неполноценность в ее рамках, ибо столкнулись с ней, придя с ее периферии; ощущали тем сильнее, чем чаще культурный центр напоминал (а он не упускал случая напомнить) им об этом. Поскольку их «орудия труда» относились к культурно-языковой сфере, они первыми страдали от культурной дискриминации; естественно, именно они первыми начали национальное сопротивление.

Эти динамичные группы приступили к долгому и кропотливому формированию национальных движений, тех самых, которые позднее потребуют создать независимые государства для представляемых, вернее сказать, построенных ими народов. Некоторые

из этих интеллектуалов профессионально перекалибрировались и стали политическими руководителями новых массовых движений. Другие сохранили верность чисто интеллектуальным занятиям и с энтузиазмом продолжили работу над контурами и содержанием молодой национальной культуры. Без этой ранней просвещенной прослойки не возникло бы такого множества наций, и политическая карта нынешнего мира была бы менее пестрой⁷⁶.

Этим интеллектуалам пришлось начать с народных или даже племенных диалектов, а иногда и с полузабытых священных наречий и в кратчайшие сроки переплавить их в современные языки. Они были составителями первых словарей, а также авторами романов и стихов, изображавших вымышленную нацию и очерчивавших границы родины. Они рисовали сияющие природные ландшафты, символизирующие национальную территорию⁷⁷, придумывали трогатель-

⁷⁶ Становлению меньшинств в качестве национальных движений в Восточной и Северной Европе посвящено важное эмпирическое исследование чешского автора Мирослава Хроха. См. *Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe.* – New York: Columbia University Press, 2000.

⁷⁷ О важности визуальных символов в контексте национальных культур см. главу «La nation illustrée» в книге: *Thiesse A.-M. La Création des identités nationales. Europe XVIII–XXe siècle.* – Paris: Seuil, 1999. – P. 185–224.

ные народные истории, великих героев прошлого и древний, объединяющий нацию фольклор⁷⁸. Исторические события, относившиеся к различным политическим образованиям, никак не связанным между собой, они превращали в непрерывное когерентное повествование, обустроенное во времени и в пространстве. Так создавались почти бесконечные национальные истории, простирающиеся до начала времен. Разумеется, специфика различных реальных элементов истории повлияла (пассивно) на характер высекаемой (как скульптура из бесформенной каменной глыбы) современной культуры. Тем не менее интеллектуалы-скульпторы придали нации существующую форму в полном соответствии со своими замыслами, характер которых определяли в основном требования современности.

Почти все они полагали себя не родоначальниками новых наций, а сыновьями дремлющего народа, пробудившегося благодаря их усилиям. Никто из них не хотел считать себя ребенком, брошенным у дверей церкви без записки, сообщающей, кто его родители. Даже сравнение «тела нации» с Франкенштейном, чудовищем, члены которого были взяты из раз-

⁷⁸ О том, как и почему происходит конструирование национальных героев, см. сборник статей: *Centlivres P., Fabre D., et Zonabend F. (dir.). La Fabrique des héros.* – Paris: Maison des sciences de l'homme, 1998.

ных источников, не слишком напугало бы этих националистов. Нация обязана знать своих «праотцев»; зачастую она лихорадочно бросалась на поиски оставленного ими биологического семени.

Длинное генеалогическое древо придавало найденным идентичностям дополнительную ценность. Поскольку обретенное прошлое нации оказывалось чрезвычайно древним, ее будущее также начинало представляться бесконечным. Неудивительно поэтому, что из всех интеллектуальных дисциплин наиболее националистической стала именно история.

* * *

Модернизация породила пропасть, отделившую людей от их непосредственного прошлого. Социальная мобильность, порожденная промышленной революцией и процессами урбанизации, разрушила не только казавшийся незыблемым иерархический хребет общества, но и традиционную циклическую связь между прошлым, настоящим и будущим. До сих пор у земледельцев не было особой необходимости вникать в историю государств, империй и княжеств. Им не приходилось задумываться об истории обширных коллективов, ибо их не занимало абстрактное время, не увязанное с реалиями настоящей жизни. Незнако-

мые с концепцией прогресса, они довольствовались религиозными конструкциями, содержащими мозаику мифологической памяти, лишенной реального временного измерения, летящей из прошлого в будущее временной стрелы, естественно несущей в себе идею развития. Конец был одновременно и началом, а вечность – мостом между жизнью и смертью.

В современном мире, секуляризованном и неустойчивом, время стало главной артерией, через которую символическая и эмоциональная мифология впрыскивается в общественное сознание. Историческое время стало имманентной частью личностной самоидентификации, а коллективный нарратив придал существованию нации, формирование которой требовало огромных жертв, подлинный смысл. Страдания, пережитые в прошлом, оправдывали высокую цену, которую гражданам приходилось платить в настоящем. Героизм ушедших поколений предрекал блестящее будущее, пусть не отдельным людям, но уж наверняка нации в целом. Стараниями историков национализм превратился в оптимистичную по своей природе идеологию. Отсюда, в частности, его впечатляющие достижения.

«Мифоистория»: вначале Бог сотворил нацию

Из всего этого следует ясно, как полуденный солнечный свет, что не Моисей написал Пятикнижие, а кто-то другой, живший через много поколений после Моисея.
Бенедикт Спиноза. Богословско-политический трактат (1670)

В стране Израиля возник еврейский народ. Здесь сложился его духовный, религиозный и политический облик. Здесь он жил в своем суверенном государстве, здесь создавал ценности национальной и общечеловеческой культуры и завещал миру нетленную Книгу Книг.

Декларация независимости, провозглашение государства Израиль (1948)

«Иудейские древности» – захватывающее сочинение Иосифа Флавия (Flavius, 38-100), написанное в конце I века н. э. Оно может считаться первой доступной нам книгой широко известного автора, предпринимавшей попытку восстановить всеобщую историю иудеев или, вернее сказать, иудаитов⁷⁹ от «нача-

⁷⁹ Жителей Иудеи. Существует серьезная проблема, общая для мно-

ла времен» до современной Флавиевой эпохи⁸⁰. Флавий, религиозный эллинизированный еврей, по собственному «гордому» свидетельству происходивший от избранного «семени священников», естественно, начал свое сочинение такими словами: «Вначале Бог сотворил небо и землю. И так как последняя была не видима, но скрыта в глубоком мраке, а дух [Божий] витал над нею, то Господь повелел создаться свету... Так возник первый день; Моисей же говорит: один день»⁸¹.

гих научных языков: как называть, вернее, как терминологически различать евреев (членов еврейского этноса, как бы мы его ни определяли), иудеев (людей, придерживающихся иудейского вероисповедания) и жителей исторической Иудеи? Смешение этих понятий постоянно приводит к нежелательным семантическим эффектам. Поэтому в иврите и в английском языке появился несколько десятилетий назад термин «иудаит», который мы (и не только мы) не без трепета пытаемся ввести в научный русский язык. Кстати сказать, наличие общеупотребительного слова «еврей», не несущего явной конфессиональной нагрузки, которым мы обязаны Екатерине II, существенно облегчает положение русскоязычных исследователей и редакторов. Ситуация на иврите или английском намного менее комфортабельна. – *Прим. ред. русского издания.*

⁸⁰ Флавий И. Иудейские древности. – М.: Крон-Пресс, 1996. Различию между двумя этими понятиями, «иудеи» и «иудаиты», первое из которых относится к приверженцам Моисеевой религии, а второе – к жителям Иудеи, посвящена интереснейшая глава «Ioudaios, Iudaeus, Judaeus, Jew» в следующей книге: Cohen S. J. D. The Beginnings of Jewishness. Boundaries, Varieties, Uncertainties. – Berkeley: University of California Press, 1999. – P. 69–106.

⁸¹ Флавий И. Иудейские древности. – М.: Крон-Пресс, 1996. – Т. 1. – С. 8.

Древний историк, разумеется, знал, что все Пятикнижие от начала до конца было продиктовано Моисею Господом Богом. Кроме того, ему представлялось очевидным, что история евреев и иудеев должна открываться рассказом о сотворении мира, поскольку именно так начинается Священное Писание. Оно было единственным источником, из которого Флавий черпал информацию для первых глав своего труда. Впрочем, чтобы придать рассказу более достоверный вид, Флавий время от времени пытался подкрепить созданную им историческую картину дополнительными источниками, но эти попытки оказались довольно убогими. Все древние эпизоды – от сотворения мира, странствий первого еврея Авраама и исхода из Египта до приключений скромницы Эстер – он переписал из Библии почти без сомнений и комментариев, если забыть о совершенно иной стилистике, незначительных добавлениях и сокращениях тактического характера. И только в последней части книги, пересказывающей иудейскую историю постбиблейского периода, Флавий привлекает дополнительные, более секулярные (и даже нееврейские) источники, найденные им с величайшим трудом, ради создания стройного и непрерывного исторического нарратива.

В конце I века н. э. исполненному религиозной веры иудейскому сочинителю казалось совершенно логич-

ным включить в трактат, воссоздающий генеалогическое древо современных ему иудеев, историю Адама и Евы, рассказы о Всемирном потопе и подвигах Ноя. И в дальнейшем божественные деяния свободно перемежаются у него с человеческими, причем автор не считает необходимым провести между ними разделительную черту. Флавий не скрывал, что стремится прославить жителей Иудеи, доведя их происхождение до начала времен (ибо в Риме древность происхождения считалась достоинством), и, что еще важнее, продемонстрировать превосходство их религиозных законов и управляющего ими всемогущего божества. Хотя Флавий и жил в Риме, его вдохновляла идея монотеизма, стремительно врывавшаяся в культурные центры языческого мира и придававшая его изысканиям миссионерский характер. Древнейшая история, заимствованная из Библии, была для него прежде всего «философией в примерах», если воспользоваться выражением чуть более раннего греческого историка Дионисия Галикарнасского (Dionysus, примерно 57 года до н. э. – 7 года н. э.), «Римские древности» которого служили литературным ориентиром для иудейского автора.

Древние мифы в I веке н. э. еще представлялись реальными и могли быть выданы за историю, хотя человеческие деяния в них щедро приправлялись нар-

ративами «не от мира сего». На заре национальной эры секулярного мира начался обратный, чрезвычайно увлекательный процесс фильтрации: божественное с позором сбрасывалось с пьедестала, а священными и истинными объявлялись библейские сюжеты, рассказывавшие исключительно о людских делах. Как же могло случиться, что чудеса, совершенные богом, стали считаться вымыслом, а тесно сплетенные с ними человеческие приключения получили статус исторических реалий?

Необходимо помнить, что кристальные библейские «истины» были не универсальным нарративом, рассказывающим о прошлом всех людей, а хроникой святого народа, ставшего в современном светском прочтении «первой нацией» в истории человечества.

I. Первые этапы становления иудейской концепции времени

Как известно, со времен Иосифа Флавия и вплоть до Нового времени ни один еврейский автор даже не пытался написать общую историю собственного народа. Хотя иудейский монотеизм был изначально пронизан историко-теологической мифологией, за тысячелетнее Средневековье иудейская историография так и не пробудилась. Даже высокоразвитая традиция церковного хронизма и исламская историографическая литература не вызвали у раввинистического иудаизма особого любопытства, и, за вычетом нескольких очень редких случаев, евреи категорически отказывались заглянуть в собственное близкое и далекое прошлое⁸².

⁸² На то была веская причина. Существовало немало хроник, начавшихся, как и сочинение Флавия, рассказом о сотворении мира и повествовавших о восхождении к власти царя Давида и царствовании Иосии. Однако затем они переходили к Иисусу и апостолам, а от них – к франкским христианизированным королям. См., к примеру, «Историю франков» в десяти книгах, написанную турецким епископом Григорием: *Grégoire de Tours. Histoire des Francs*. – Paris: Belles lettres, 1980. Возможно, следует также упомянуть, что в X веке появилось подражание Иосифу Флавию – так называемая «Книга Иосифона» (Иерусалим: изд-во «Бялик», 1978, на иврите). В XI веке рабби Ахимаац написал «генеалогический свиток» – «Свиток Ахимааца» (Иерусалим: изд-во «Тар-

Секулярная концепция времени, хронологически и событийно непрерывного, была совершенно чужда «диаспорному» ощущению времени, сконцентрированному на моменте, когда откроются небесные врата и придет долгожданный мессия. Прошлое было лишь туманным напоминанием, призванным возвестить его приход.

Только по прошествии долгих тысячи шестисот с лишним лет нееврей Жак Банаж (Jaques Basnage, 1653–1725), теолог-гугенот, уроженец Нормандии, живший и работавший в Роттердаме, решил продолжить труд историка – уроженца Иудеи, жившего и работавшего в Риме. «История иудейской религии со времен Иисуса Христа до настоящего времени – продолжение и дополнение истории Иосифа Флавия»⁸³ была написана в начале XVIII века высокообразованным протестантом, в основном чтобы досадить «пре-

шиш», 1974, на иврите). Начиная с XII века стали появляться немногочисленные короткие летописи, повествующие о страданиях евреев. См., к примеру, «Книгу поминовения» (1196?) рабби Эфраима бен Якова, а также сочинение рабби Йосефа ха-Козна ха-Рофе «В долине плача» (1575), вышедшие единым изданием (Иерусалим: Испанская библиотека, 1993, на иврите). Об отсутствии еврейской историографии см. также в книге *Йерушалми Й. Х. Помни* – еврейская история и еврейская память / Перевод на иврит Шмуэля Шавива. – Тель-Авив: Ам Овед, 1988.

⁸³ *Basnage J. Histoire de la religion desjuifs, depuis Jésus-Christjusqu'a présent. Pour servir de supplément et de continuation à l'histoire de Josèphe.* – Den Haag: Scheurleer, 1706–1707.

зренной» католической церкви. Здесь, как и в сочинении Флавия, изложение событий прошлого напрямую подчинено этическим и религиозным целям, поэтому книга Банажа не может быть названа исследовательской в современном смысле слова (она практически не ссылается на иудейские документы).

Так как Банаж лишь «продолжал» Флавия, его труд не открывается книгой Бытия, хотя совершенно очевидно, что верующий теолог не подвергал сомнению достоверность библейского «пролога». Еще со времен Мартина Лютера (то есть с XVI века) именно протестанты особенно почитали Ветхий Завет; более всего это относится к приверженцам англиканской церкви и ее ответвлений. Однако, как и большинство других критиков католической церкви, Банаж не сумел установить преемственность между древними евреями и современными ему иудейскими общинами. Он полагал, что Ветхий Завет принадлежит всем потомкам «народа Израиля» – понятие, относящееся к христианам не в меньшей, если не в большей степени, чем к иудеям. Ведь именно христианство является «истинным Израилем»! Хотя он и использует применительно к иудеям термин «народ», его смысл далек от современного. Основное внимание он уделяет преследованиям, которым иудеи подвергались как члены секты, наказанной за отказ принять благую

весть Иисуса. С точки зрения Банажа, явно симпатизирующего евреям, на протяжении всего Средневековья они были излюбленной жертвой коррумпированного папизма. Только победа просвещенного протестантизма сможет в конечном счете принести им избавление, которое наступит в тот счастливый день, когда они обратятся в христианство⁸⁴.

Когда примерно веком позже немецко-еврейский историк Исаак Маркус Йост (Jost, 1793–1860) сел за письменный стол, чтобы приступить к изложению еврейской истории, книга Банажа послужила ему моделью. Хотя Йост жестоко ее раскритиковал, общая структура произведения протестантского автора сохранилась у него почти без изменений.

В 1820 году вышел в свет первый из девяти томов пионерской книги Йоста «История истребителей со времен Маккавеев и до наших дней – переработанная в соответствии с источниками»⁸⁵. Термин «исраэлиты», как в тот период называли себя немецкие и французские «носители Моисеевой веры», был изобретен ими

⁸⁴ По поводу книги Банажа см. следующую статью: *Elukin J. M. Jacques Basnage and the History of the Jews: Anti-Catholic Polemic and Historical Allegory in the Republic of Letters // Journal of the History of Ideas.* – 1992. – 4. – 53. – P. 603–630.

⁸⁵ *Jost I. M. Geschichte der Israeliten seit der Zeit der Makkabaer bis auf unsere Tage. Nach den Quellen bearbeitet. I–IX.* – Berlin: Schlesinger'sche Buch, 1820–1828.

для того, чтобы отмежеваться от понятия «иудей», имевшего, как известно, весьма отрицательные коннотации.

Следует отметить примечательный факт, поражающий сегодняшних читателей, но не казавшийся современникам Йоста особенно удивительным: первое современное сочинение, претендующее на полное изложение еврейской истории, самым «естественным» образом «перепрыгивает» через весь библейский период. Йост начинает свое масштабное повествование рассказом об Иудейском царстве в период правления Хасмонеев, а затем переходит к монографическому описанию различных иудейских общин, существовавших в разные времена вплоть до Нового времени. Это начисто лишенный непрерывности нарратив, состоящий из разрозненных исторических эпизодов. Важно иметь в виду, что в нем отсутствует «точка отсчета», которая позднее станет восприниматься как неотъемлемый элемент еврейской истории. В эпоху становления национальных движений, то есть в XIX веке, вторая половина которого «возвратила» многим европейским еврейским интеллектуалам Библию, такого рода историография может показаться странной.

Эта странность имеет простое объяснение. Дело в том, что талантливый автор первого систематического исследования судьбы евреев на протяжении мно-

гих веков еще не был «национальным историком» или, говоря точнее, еврейским националистом. Заглянув Йосту через плечо, мы распознаем в его методологических предпочтениях отголоски ментального состояния, присущего (в то время) молодой интеллигенции, лишь недавно покинувшей пределы старого еврейского мира. В первые два десятилетия XIX века германо-еврейские, даже «очень еврейские» интеллектуалы рассматривали себя в основном через культурно-религиозную призму. В этот период молодая Германия еще стала не монолитным политическим образованием – она оставалась «всего лишь» культурно-языковым понятием. Это было сообщество людей, говоривших на различных диалектах немецкого языка (евреи составляли в нем около одного процента); оно только начало процесс трансформации в единое целое, навязанный ему французскими завоевателями. В этих культурных рамках большинство интеллектуалов, как иудеев, так и христиан, все еще не поддались политическим соблазнам национализма, хотя некоторые из них, в том числе Йост, уже вслушивались в его лозунги. На этом этапе внимание большей части интеллектуалов, выходцев из еврейской среды, было поглощено «проектом эмансипации», то есть реализацией принципов гражданского равноправия, реформой, уже отчасти совершав-

шейся в германских княжествах и монархиях начиная со второго десятилетия XIX века, и по сути ставшей центральным элементом национального строительства. Все они надеялись, что долгожданное германское государство отойдет от своих клерикальных основ и осуществит полную «приватизацию» всех религий.

Йост, родившийся в Нюрнберге двумя годами раньше, чем основоположник критической историографии Леопольд фон Ранке (Ranke, 1795–1886), в начале своего литературного пути был либералом и ярким приверженцем Гаскалы. Он рос и воспитывался как еврей, в детстве учился в «Талмуд-Торе»,⁸⁶ так что многие аспекты еврейской религиозной культуры оставались дороги ему всю жизнь. Тем не менее он поддерживал тогдашнюю волну религиозной реформы, и собственные перспективы, равно как и перспективы еврейской общины, представлялись ему неразрывно связанными с германской гражданственностью, на глазах превращавшейся в реальную историческую и политическую идею. Вместе с несколькими друзьями и коллегами, также происходившими из еврейской культурной среды, он в течение недол-

⁸⁶ Еврейской школе для маленьких мальчиков, где их с 4–5 лет натаскивают в иврите, Священном Писании, Мишне и иногда в других иудейских религиозных дисциплинах. – Прим. ред. русского издания.

того времени участвовал в работе «Научного кружка», развившегося позднее в чрезвычайно важное направление, названное по-немецки «Наукой о еврействе» (*Wissenschaft des Judentums*). Это движение (его называли также «Мудрость Израиля») заметно повлияло на все проведенные в Новое время исследования, посвященные еврейской тематике. Участники «Научного кружка» и их последователи испытывали серьезные сомнения относительно характера собственной идентичности, и в их среде происходили многочисленные споры по этому вопросу.⁸⁷ Эти интеллектуалы принадлежали к первому поколению германских евреев, получивших университетское образование. Из-за своей «необычной» религиозной принадлежности они еще не имели доступа к академическим должностям. Они зарабатывали на жизнь, служа учителями, журналистами или реформистскими раввинами, а свои философские и исторические изыскания вели в часы досуга. Поскольку еврейское наследие составляло их основной символический капитал, они не хотели отказываться от своего культурного своеобразия, надеясь сохранить его лучшую часть. Вместе с тем они страстно желали стать частью новой Германии, вырвавшейся у них на глазах. Поэтому

⁸⁷ Об этом кружке см. *Hayoun M.-R. La Science du judaïsme. – Paris: PUF, 1995.*

в начале их тернистого и сложного интеллектуального пути исследование еврейского прошлого и освещение его положительных сторон представлялись им дополнительным инструментом, способствующим интеграции еврейской общины в будущем германском обществе.

Необходимо помнить, что первые опыты еврейской историографии в современную эпоху не имели ярко выраженной национальной окраски. Отсюда и амбивалентное отношение к привлечению (или игнорированию) библейских сюжетов как части еврейской истории. Для Йоста, так же как и для Леопольда Цунца (Zunz, 1792–1886), еще одного значительного историка времен зарождения «Науки о еврействе», еврейская история начинается не с обращения Авраама и не с дарования Торы на горе Синай, а с возвращения иудеев из Вавилона. Только тогда, по их мнению, началось образование иудейской религиозно-исторической общности, культурный облик которой сформировался окончательно уже в диаспоре. Библия стояла у колыбели еврейства, однако позднее она стала универсальным достоянием, и христианство также обязано ей своим существованием⁸⁸.

⁸⁸ Об отношении Леопольда Цунца к Библии см. *Михаэль Р.* Еврейская историография от Ренессанса до Нового времени. —Иерусалим: Изд-во Бялик, 1993 (на иврите).

Йостом, Цунцом, а позднее Авраамом Гейгером (Geiger, 1810–1874) и многими другими поборниками реформы иудаизма в XIX веке руководило не только стремление к полной гражданской эмансипации; на них сильно повлияла созданная нееврейскими учеными как раз в ту пору влиятельная «библейская критика». Йост, в прошлом ученик Иоганна Готфрида Эйхорна (Eichhorn, 1752–1827), одного из ярчайших представителей этого критического направления, был хорошо знаком с новейшими филологическими соображениями и одобрял большинство из них⁸⁹. Он знал, что различные части Библии написаны разными авторами в относительно поздние времена, впрочем, как и то, что не существует внешних (по отношению к Библии) источников, подтверждающих содержащиеся в них сведения. Это не значит, что он подвергал сомнению достоверность мифологической версии происхождения евреев и становления их государственности. Он считал, однако, что сведения об этом периоде слишком туманны, чтобы служить основой для серьезного исторического исследования. Кроме того, по его мнению, евреи, жившие на террито-

⁸⁹ Об отношении Йоста к Священному Писанию см. интереснейшую книгу *Хакоэна Р.* Реставраторы Ветхого Завета —противостояние библейской критике со стороны Мудрости Израиля в Германии XIX века. — Тель-Авив: Ха-киббуц ха-меухад, 2006. —С. 54–7 (на иврите).

рии Ханаана, невзирая на дарованные им свыше Моисеевы законы, ничем не отличались от своего языческого окружения. Ведь вплоть до Вавилонского изгнания они упорно отвергали божественные заповеди, и только узкий круг священнослужителей и пророков хранил им верность. В общем, Библия стала сочинением, сформировавшим еврейские идентичность и веру лишь после того, как была окончательно отредактирована и получила широкое распространение среди тех, кто действительно в ней нуждался: «Сыновья Израиля покинули Египет, будучи дикими и малокультурными. В Персии евреи восприняли от местного населения новое религиозное видение, образ жизни, язык и науку»⁹⁰. А потому именно период изгнания (в самом широком смысле слова) должен считаться началом еврейской истории. Разрыв между древнейшей историей Израиля и историей еврейских религии и культуры стал краеугольным камнем традиции германских основателей «Мудрости Израиля»⁹¹.

Любая периодизация истории имеет идеологическую подоплеку. Иногда она очевидна, а иногда стыдливо скрывается. В случае с Йостом правила игры

⁹⁰ Цит. по: *Михаэль Р.* Еврейская историография от Ренессанса до Нового времени. С. 220.

⁹¹ Об этом см.: *Ротенштрайх Н.* Еврейская мысль в Новое время. I. —Тель-Авив: Ам Овед, 1966. —С. 43 (на иврите).

были честными с самого начала. В своем широко-масштабном сочинении он прежде всего пытался убедить немецких читателей, как евреев, так и христиан, что, несмотря на особое вероучение, «исраэлиты» не являются «чужаками» в местах своего нынешнего проживания по всему свету. Ведь еще задолго до разрушения Второго храма их предки предпочитали жить за пределами Святой земли и, невзирая на религиозную обособленность, стали неотъемлемой частью народов, среди которых интегрировались. Он утверждал: «Они оставались евреями, будучи в то же время сыновьями других народов. Они любили своих иерусалимских братьев и желали им мира и процветания; они оказывали им посильную поддержку, однако свою новую родину ценили гораздо больше; они молились вместе с кровными братьями, но в бой шли плечом к плечу с братьями – жителями своих стран. Для кровных братьев они были добрыми друзьями, однако кровь они проливали за родину»⁹².

В далеком прошлом родиной для них были Вавилон или Персия, сегодня же это в основном постнаполеоновская Германия. Йост внимательно приглядывался к первым росткам немецкого национального

⁹² Цит. по: *Михаэль Р. Исаак Маркус Йост* — основоположник современной еврейской историографии. — Иерусалим: Магнес, 1983. — С. 24–5 (на иврите).

движения и стремился, как и большинство интеллектуалов еврейского происхождения, окольными способами к нему присоединиться. Это обстоятельство объясняет подоплеку возникновения его выдающегося, новаторского, огромного по размерам, необычайного историографического произведения, несходного со всеми более поздними попытками изложения еврейской истории. Ведь авторы, пытавшиеся в XIX веке создать историю «собственных» коллективов, руководствовались, как правило, национальными соображениями. Йост писал «Историю истраэлитов», движимый в основном совершенно иными интеллектуальными и эмоциональными мотивами. По его мнению, хотя евреи, возможно, и имеют единое происхождение, их общины не являются частями одного народа. Они радикально отличаются друг от друга (в соответствии с географией) по культуре и образу жизни, так что религиозное вероучение – единственное, что связывает их между собой. Не существует общееврейского политического образования, отделяющего евреев от неевреев, поэтому следует предоставить им все гражданские права, точь-в-точь как любой другой общине или культурной группе, стремящейся стать частью современной нации.

В письме другу, написанном одновременно с выходом в свет первого тома его книги, Йост согласился из-

ложить свои политические воззрения, служившие одновременно фоном и мотивом для его историографических изысканий: «Государство не может признать евреев легитимными до тех пор, пока они отказываются заключать браки с жителями страны. Государство существует только благодаря народу, живущему в нем, и этот народ должен составлять единое целое. Ради чего станет оно пестовать коллектив, декларирующий, что является единственным обладателем истины, и потому ему не следует смешиваться с остальными жителями страны?.. Такой образ мыслей будет присущ нашим потомкам, и они с радостью сбросят гнетущие религиозные оковы, чтобы обрести свободу, чувство принадлежности к народу (Volk), любовь к родине и служению государству – то есть бесценное достояние смертного человека»⁹³.

Эти недвусмысленные строки указывают, что Йост прекрасно сознавал, какие принципы лежат в основе набирающего силы национального движения. Однако он испытывал серьезнейшие сомнения относительно возможности симбиоза между евреями и неевреями в рамках зарождающейся немецкой нации. Эти сомнения только усиливались в 30-е годы XIX века, по мере

⁹³ Текст письма приводится в книге: *Schorsch I. From Text to Context. The Turn to History in Modern Judaism.* – Hanover: Brandeis University Press, 1994. – P. 238.

нарастания консервативных тенденций, имевших ясный антиеврейский характер.

В более поздних сочинениях этого историка-новатора легко улавливаются новые настроения. Перемены в национальном менталитете, наметившиеся в середине столетия и повлиявшие на динамику германских идентичностей, дали первые плоды еще до революции 1848 года; естественно, это не могло не повлиять и на характер еврейской историографии. Уже во «Всеобщей истории народа израэлитов», втором, более коротком сочинении Исаака Йоста, вышедшем в 1832 году, обсуждению библейской эпохи отводится намного более существенная часть нарратива. Кроме того, в этой книге евреи рассматриваются как единая и относительно цельная общность, имеющая долгую и непрерывную историю⁹⁴. С этого момента тон Йоста становится более политическим, хотя все еще без националистической окраски, а Библия обретает статус более или менее легитимного источника реконструкции еврейского прошлого. Йост, ставший в последующие годы чрезвычайно осторожным и сдержанным в политических суждениях, начал отдаляться от «библейской критики», принципами которой он руководствовался в своей первой книге. Этот

⁹⁴ *Jost I. M. Allgemeine Geschichte des Israelitischen Volkes* (1832). – Karlsruhe: D. R. Marx, 1836.

последний поворот изменил сам характер изложения еврейского прошлого, прежде всего в том, что касается продолжительности исторических этапов, отведенных им древним евреям и, соответственно, позднейшим иудеям.

Мы ясно видим, что с самого начала существовала тесная связь между восприятием Библии как достоверного исторического источника и стремлением определить современную еврейскую идентичность в протонациональных или национальных терминах. В той же степени верно и обратное: чем большим националистом является автор, тем охотнее он «прилепляется» к Библии как к истории, поскольку Священное Писание и есть «свидетельство о рождении», удостоверяющее единое происхождение «народа». Разумеется, определенное крыло реформистского иудаизма интересовалось Библией по совершенно иным причинам – либо в противовес ортодоксальной приверженности Талмуду, либо в подражание протестантским веяниям. Тем не менее для многих авторов – от позднего Исаака Йоста, нескольких интеллектуалов, прикнувших к движению «Науке о еврействе» на втором этапе его существования, и до великого новатора Генриха Грецца (1817–1891) – Книга книг начала служить отправной точкой историографических изысканий, ставящих перед собой увлекательнейшую цель –

конструирование «еврейской нации». Однако настоящий размах такое конструирование приобретет лишь во второй половине XIX века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.